

Роман Буржиков

ЛЮДИ
И
БОГИ



Роман Суржиков

Люди и Боги

Серия «Полари (сборники)», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74052282

Люди и Боги. Том 1:

Аннотация

Пятая книга цикла Полари.

Маски сброшены, Кукловод раскрыт, тайный орден заявил о себе.

Эрвин Ориджин выступает против Кукловода и его пособников. Опустевшая Фаунтерра притихла, ожидая исхода битвы. Граф Шейланд готовится разыграть козыри, припасенные в рукавах.

А тем временем в игры смертных начинают вторгаться силы иного порядка.

Содержание

Те, кого мы прощаем	4
Теперь ты колдун	77
Люди и боги	158
Свидетель – 1	158
Меч – 1	189
Искра – 1	217
Монета – 1	249
Меч – 2	284
Искра – 2	319
Звезда – 1	348
Стрела – 1	375
Конец ознакомительного фрагмента.	388

Роман Суржиков

Люди и Боги

Том 1

Те, кого мы прощаем

Май 1775 г. от Сошествия

*День возвращения ЕИВ Минервы с переговоров со
Степным Огнем*

Фаунтерра, дворец Пера и Меча

Звякнул колокольчик, и Рональд Вигам затаил надежду: хоть бы не золотой. На стене имелось восемь колокольцев разных цветов и размеров, лишь один из них покрывала позолота. Драгоценный металл придавал звуку особый отлив, потому – к сожалению – звон золотого колокольчика сложно было спутать с остальными. Но все же Рональд Вигам надеялся, что ослышался, и сейчас, обернувшись, увидит: дрожит серебряный. Тогда Вигам откупорит двадцатилетний лидский ордж и с гордо поднятой головою зашагает прямо в кабинет лорда-канцлера... Он обернулся: дрожал колокольчик с позлотой. Жизнь несправедлива, – вздохнул Вигам и принялся готовить смесь.

С детства отец учил его: хороший чашник всегда знает, что нужно господину. Хороший чашник владеет чутьем. Он не выпытывает и не расспрашивает, не сыплет марками вин, как сеятель зернами. Он сразу чувствует, что требуется: какое вино подойдет господину в радости, какое – для томления или страсти, каким вином отпраздновать триумф, чем залить горечь поражения, чем угостить желанного гостя, и чем – гостя утомительного. Секретари и слуги ловят лишь слова господина, но чашник слышит саму душу! Эх...

Вигам налил полкувшина амина из Маренго – самого дешевого вина, какое можно найти при императорском дворе. Добавил стакан воды, бросил щепотку красного перца. Сдвинув стенную панель, открыл взгляду запасы хорошего, действительно ценного вина, выбрал «Алую слезу». По мнению Вигама, «Алая слеза» слегка горчила в послевкусии, потому ее было не так жаль. Долив в смесь немного «Слезы», Вигам накрыл кувшин крышечкой, поставил на поднос рядом с одиноким бокалом и двинулся в путь.

Хороший чашник знает шестнадцать марок ханти, тридцать две марки орджа и шестьдесят четыре марки вина, – учил его отец. Нужно уметь распознать марку и срок выдержки на вкус, помнить погодные особенности хотя бы последних двадцати урожаев в восьми главных винодельческих регионах. Нужно назубок изучить дворцовую кухню, запомнить тридцать два блюда, с которыми обязательно подается вино, и семнадцать блюд, с которыми не подается ни в коем

случае. Нужно тонко прочувствовать гармонию между разными яствами и разными винами – настолько тонко, чтобы изредка, к приятному удивлению господина, изящно нарушать ее, подавая, например, с печеночным паштетом пятилетнее мианти вместо семилетнего куадо.

Кроме того, – говорил отец, – ты должен заиметь сына. После двух досадных промашек с косичками, жена Рональда, наконец, разрешилась мальчиком. Должность дворцового чашника – потомственная в роду Вигамов; но лишь тот, кого боги одарили сыном, имеет право наполнять кубок самого владыки. В октябре, в канун Дня Изобилия, Рональд Вигам получил это право – и на следующий день владыка Адриан выступил в поход, из которого так и не вернулся. Спустя три месяца короновали северянку. Северянка не отличала мианти от куадо. Северянка могла запить мясо ягненка белым сладким вином. Однажды она призналась Рональду, что пила косуху с солдатами.

Пила косуху. С солдатами.

К марту, ко дню Весенней Зари, Рональд Вигам лишился каких-либо иллюзий на ее счет. Тонкий вкус северянки способен разделить вина аж на два сорта: легкие и крепкие. Поняв это, он начал готовить смесь. Рецепт был прост и имел под собою благородное основание – даже несколько. Во-первых, лишние возлияния вредят здоровью ее величества – потому Рональд разбавлял вино водой (конечно, в той мере, чтобы владычица не заметила). Во-вторых, стоит сберечь

ценные вина для тех, кто может оценить их качество – а северянке оставить дешевую дрянь, вроде амино. В-третьих, за свои душевные муки и полную бесполезность многолетней своей учебы бедный чашник должен быть как-то вознагражден – хотя бы деньгами от продажи сэкономленных вин. Пусть это и не полностью окупает страданий, но все же...

Ради разнообразия Вигам добавлял в смесь понемногу новых вин – и владычица ахала: «Какой свежий вкус! Вы прекрасно угадали мое настроение!» На деле, угадать просто: когда она тоскует и жалеет себя, пьет дешевый ордж; когда радуется и гордится – вино (то бишь, смесь). Ныне северянка вернулась с триумфом, укротив Степного Огня.

Лазурные гвардейцы стерегли дверь ее величества. Один из них – левый, согласно традиции – остановил Вигама. Вынул из кармана крохотную, размером с наперсток, рюмку, налил смеси из кувшина, осушил до дна.

– Странный вкус.

– Ее величество так любит. Она выросла в Предлесье.

– Что верно, то верно.

Гвардеец вынул платочек и протер бокал – от яда, что мог содержаться не в вине, а на посуде, – кивнул Вигаму и распахнул двери. Чашник вошел в спальню и согнулся в поклоне, держа на отлете поднос.

– Ваше величество!

Северянка полулежала в кресле, откинув голову. Высокий ворот ее платья был расстегнут, свет в комнате – приглушен.

– Что вы принесли мне?

– Владычица, я счел, что блеску вашего триумфа лучше всего подходит «Алая слеза». В ее вкусе есть и сладость победы, и острота радости, и нотка горечи, уместная в день окончания войны.

По опыту Вигам знал, как важно тщательно описать вкус. Пригубив вино, северянка ощутит то, что было сказано, а не то, что в бокале.

– Сударь, я уверена: вы сделали прекрасный выбор, как и всегда. Но простите, сегодня мне хочется покрепче. Я так устала...

– Извольте лидского орджа?

– Буду рада ему.

– Сию минуту, ваше величество! – воскликнул Вигам и вышел прочь.

Вместо лидского он подавал северянке беломорский – отенок вкуса тот же, а цена вдвое ниже. Это приятно, однако жаль, что придется идти второй раз. Владычица устала, видите ли. Два дня проспала в вагоне, часок поболтала с шаванами, еще два дня проспала – и аж так устала, чтобы пить ордж вместо вина. Ну, чего еще ждать от дамы, хлебавшей косуху с солдатней!

– Ты откуда?

Вигам вздрогнул, едва не налетев на первую фрейлину. Бокал звонко брякнул о кувшин.

– Вы меня напугали, миледи. Возникли так неожиданно,

что...

– Я задала вопрос.

Голос Лейлы Тальмир стал неприятно, опасно сух. Вигам вытянулся в струнку.

– Виноват, миледи. От ее величества.

Она заглянула в кувшин.

– Почему полон?

– Ее величество отказалась. Пожелала орджа.

– Я к ней. Не смей входить со своим орджем.

– Да, миледи.

Он двинулся было дальше, но леди Лейла бросила:

– Стой. Налей.

Он наполнил бокал, фрейлина опорожнила в два приема.

Оттерев губы, фыркнула:

– Дрянь.

– Никак нет, миледи! Извольте видеть, это особо изысканный...

Фрейлина зашагала дальше, не слушая его. И вдруг Вигам сообразил: «Дрянь» – было сказано не о вине. По тонкости вкуса Лейла Тальмир под стать северянке. Она, Лейла Тальмир, двадцать лет держала трактир в захолустье. Амино – даже с водой и перцем – должно казаться ей напитком богов. Стало быть, «дрянь» относилась к неким мыслям фрейлины, которые она собирается высказать императрице. А бокал вина выпит залпом, очевидно, для храбрости.

Вигам остановился. Вигам задумался. Насколько он знал,

леди Лейлу Тальмир боялись при дворе все, за вычетом кай-ров. Она же сама не боялась никого, кроме герцога Ориджина: лишь его власти хватило бы, чтобы вышибить ее из дворца. Тогда какая опасность заставила фрейлину пить для храбрости?

Чашник огляделся: коридор был пуст, часовые остались за углом. Они стоят у дверей спальни владычицы, так что к замочной скважине не подойдешь. Но спальня имеет смежный камин с кофейной комнатой, а та сейчас пустует и не охраняется. Рональд Вигам на цыпочках нырнул в кофейную и, поставив поднос на стол, сунулся в жерло камина.

Первая фраза, которую уловил его напряженный слух, принадлежала северянке:

– Ах, леди Лейла, если бы вы знали, как я устала...

Вигам испытал острое раздражение. Северянка только тем и занята, что катается в поездах, жрет сладости, болтает с лордами и наряжается в платья! Выполняет ли она хоть одно дело, от которого можно устать? Изучила ли хоть одно ремесло хоть вполовину так мастерски, как Рональд Вигам? Да быть владычицей – самое легкое дело на свете! Не требуется знаний и умений, только раскрывай рот и говори приказы – остальное исполнят слуги. Какое право она имеет уставать?!

– Я сочувствую вашему величеству, – раздался в камине голос Лейлы Тальмир. – И восхищена блестящим дипломатическим успехом. Поздравляю с бескровной победой.

– Скажите, миледи, что я была хороша.

– Ваше величество лучше всех на свете.

Вигам укрепился в догадке: с фрейлиною что-то не так. Она не сумела как следует польстить северянке: допустила тень холода или сарказма, слышимую даже сквозь камин.

– В чем дело, миледи? По-вашему, я совершила какую-то ошибку? Вы правы, не стоит так прямо просить похвалы. Это слишком...

– Моя вина, ваше величество. Я холодна из-за собственных тяжелых мыслей.

– Тогда поделитесь ими. Возможно, я смогу...

– Я пришла с просьбою, ваше величество.

Вигама аж покорило. Ну и фрейлина! Кабан, а не придворная дама! На полуслове прервать владычицу – даже такую – это ни в какие ворота!..

Однако северянка стерпела – видимо, была особенно благостна в предчувствии орджа:

– Изложите вашу просьбу, миледи. Буду рада помочь.

– Мне нужны пять тысяч эфесов.

Все в этой фразе было омерзительно: и топорная краткость, и злая прямота, и даже самая сумма. Будто нельзя попросить святое число: четыре тысячи или восемь! Боги, во что превращается двор!..

– Это легко устроить, миледи. Вы знаете, моя задумка с бумажными деньгами сработала неожиданно прекрасно. Я и не мечтала, что мое изобретение может дать такую прибыль! Завтра банк Конто выплатит вам пять тысяч.

– Благодарю, ваше величество. Но я имею еще одну просьбу. Она может показаться дерзкой...

Вигам схватился за голову. А раньше, значит, было не дерзко!

Лейла Тальмир выдержала паузу, собираясь с духом. Должно быть, такая наглость требовала немало сил.

– Ваше величество, я хотела бы получить участок земли в ленное владение. Небольшой, двух- или трехщитный надел.

Северянка ответила с малою паузой. Теперь даже эта пьяница заметила, до чего охамела фрейлина.

– Не вижу препятствий, миледи. Имея пять тысяч, вы с легкостью купите такой участок.

– Ваше величество, деньги нужны для другой цели.

– Хорошо, я заплачу вам больше. Найдите подходящий надел, сторгуйтесь о цене и назовите мне сумму. Я покрою ваши расходы.

– Ваше величество, мне требуется не купленная земля, а данная в ленную собственность. Я прошу пожаловать мне владение от имени Короны.

То есть, она напрямую нахально просит лордский титул?! Вигам дернулся от негодования, стукнулся головой, потер затылок, стяхнул сажу. За стеною тем временем царила тишина. Наконец, северянка заговорила:

– Будет сложно устроить это. Я располагаю личными деньгами, но не собственной землею. Все земли Короны находятся под управлением министерства земель, и я пока не имею

понятия, как распорядиться ими. Со временем разберусь во всем и, вероятно, выполню вашу просьбу. Но не сейчас.

– Ваше величество, прошу простить. Мне важно получить желаемое в скором будущем.

Вигам ощутил желание прочистить уши. По всей видимости, также и северянка.

– Не ослышалась ли я, миледи? Вы сочли нужным поторопить меня?

– Извините, ваше величество. Для меня это действительно важно.

– А почему, миледи? Какова причина настойчивости?

– Я предпочла бы умолчать об этом.

Если бы Рональд Вигам был ребенком, то сейчас бы скрутил два пальца в колечко и потряс ими, приговаривая: «Пусть случится! Пусть случится!» Пусть Лейла Тальмир вылетит прочь со двора! Хватит здесь и одной невежды из провинции.

– Леди Лейла, я знаю, сколь многое вы для меня сделали, – в сухом голосе северянки не было и тени прежней усталости. – Я готова щедро отблагодарить вас, но не допущу, чтобы вы переходили границы.

– Я нуждаюсь в помощи и пришла за нею. Какую границу я нарушила? Мне следовало записаться у секретаря? Подать ходатайство в письменном виде?

– Не забываетесь, леди Лейла.

– В свое время вы приходили за помощью ко мне. Дважды.

Оба раза я помогла.

– Довольно! Не потерплю нотаций. Я вам не дочь.

Фрейлина промолчала. Наконец-то хватило ума проглотить язык.

– Извольте объяснить причину вашего поведения. Что происходит? Зачем так спешно понадобились земля и деньги?

– Я не могу этого сказать.

– Что за тайна у вас появилась?

– Это моя тайна, ваше величество.

– И как я могу вам доверять?

– Простите?..

– Я спросила, миледи, как можно доверять вассалу, который алчет денег и не объясняет причин? Вас шантажируют? Вас подкупают, а вы хотите больше?

Фрейлина рыкнула так, что Вигам отпрянул и выпал из камина:

– Вы ничего не понимаете! Вырастете – узнаете, как бывает!

Владычица ответила, напротив, столь тихо, что Вигаму пришлось прижаться ухом к черной от сажи стенке очага:

– Вы не получите ни земли, ни денег. Я оставлю вас на службе ровно до той минуты, когда посмеете вновь повыситься голос. Ступайте, миледи.

Фрейлина выдержала паузу, будто искала еще слова. Но, так и не сказав, скрипнула дверью.

Рональд Вигам переждал, пока ее шаги прозвучат мимо кофейной комнаты, а тогда схватил поднос и ринулся за орджем. Душа пела от надежды. На радостях он решил не экономить, а влить в северянку настоящего лидского двадцатилетнего, лучшего из орджей, придуманных богами и созданных людьми. Глядишь, почувствует разницу. Глядишь, понемногу еще наладится жизнь!

– Эй, сударь, осторожнее! Вы скачете так, будто возглавляете атаку!

Вигам ахнул и согнул спину в нижайшем поклоне. Человек, возникший на пути, был самым лордом-канцлером.

– Я виноват, ваша светлость, прошу простить...

– Не беда. Дайте-ка взгляну, с каким оружием вы мчитесь в бой.

Герцог уважительно осмотрел бутылку:

– Отличный выбор, сударь! Лишь в одном искусстве Первая Зима так и не превзошла древний Лид: в умении готовить ордж.

– Ваша светлость, отец учил меня выбирать напитки, а дед – отца, а прадед – деда.

– Жаль, что мой дед учил отца совсем другим делам... Кому несете?

– Ее величеству.

– Тогда позвольте, я приму на себя вашу миссию.

Лорд-канцлер взял у Вигама поднос.

Май 1775 г. от Сошествия

День встречи ЕИВ Минервы с вождем Подснежников

Салемом

Фаунтерра, дворец Пера и Меча

– Бертрам, инспекция!

Берти Крейн, смотритель дворцовых складов, шутливо развел руками:

– Ах, милая Лизетта, вы ошиблись: я Бертрам, но отнюдь не инспекция. Я не имею чести быть ею. Да и честь-то, на мой взгляд, сомнительна. Я мог бы даже обидеться на вас за подобное допущение: я – инспекция? Помилуйте, Праматери!

Лизетта была девушкой, прекрасной со всех точек зрения, потому Берти не преминул потрепать ее по щеке, а она милейшим образом смутилась:

– Сударь, я не...

– Лизетта, я уже тысячу раз просил вас избегать всяческих сударей. Для вас не желаю быть каким-то безликим сударем. Я – Бертрам, Бертрам и еще раз Бертрам! Желаете, выложу свое имя из колбас и сыров в главном складе?

– Да, конечно, Бертрам... Я просто немного растерялась, поскольку...

– Не нужно теряться. Я не найду себе места от горя, если вы потеряетесь!

Он попытался ее приобнять, девушка вывернулась не без кокетства:

– Бертрам, ну инспекция же... Она пришла. Прямо сюда!

– Сюда?

– Ну, они ждут там, в прихожей... Это так необычно!

Берти хмыкнул. Лизетта была в меру глупенькой – то есть, могла проявить ум в тех редких случаях, когда это действительно требовалось. В частности, умела отличить обычное от необычного.

– Зовите же сюда странных гостей. Озарим их лучами нашего внимания!

Лизетта распахнула дверь и сделала реверанс, маняще оттопырив попку. Не без сожаления Берти перевел взгляд на гостей – и убедился, что они действительно необычны. Во главе инспекции шел министр двора. Он стоял в дворцовой иерархии непосредственно над Берти Крейном, но никогда прежде не унижал Бертрама чем-то вроде проверки. Министра не заботило, сколько и чего имеется на складе. Министра волновало одно: когда понадобится что-либо – от сухого цвета горных фиалок до копченой бычьей ноги – чтобы оно, требуемое, было сейчас же доставлено. Берти его не подводил.

– Мне так жаль, что беспокою вас в вашем царстве припасов, дорогой Бертрам! Я убежден, что фсюду у вас полный

порядок. А если и не полный, то это ли главное? Излишний порядок только давит душу.

– Я полностью согласен, милорд. Если бы Лизетта не вносила нотку хаоса, я просто задохнулся бы от уныния... Но, виноват, чему обязан вашей проверкой? Ее величество или лорд-канцлер выказали недовольство качеством поставок? Если так, то я весьма удивлен!

– Милейший Бертрам, никакого недофольства! Просто миледи фрейлина сочла нужным проверить, довольно ли припасов ко дню празднования победы над бунтарями. Вы же слышали про этих Подснежников? Какие странные люди, не понимаю, о чем они думают!..

Следом за министром вошла Лейла Тальмир – первая фрейлина владычицы. Ее появление сделало ситуацию еще более странной. Да, в отличие от министра двора, леди Тальмир как раз была склонна ко всяческого рода инспекциям. Но, во-первых, ни владычицы, ни лорда-канцлера сейчас нет во дворце – кто же приказал фрейлине учинить проверку? А во-вторых, она не принесла с собою ни счетов, ни карандаша и бумаги. Как же она думает пересчитать складские запасы – в уме?..

– Миледи, желаете мой блокнот и счета? – предложил Берти.

– Желая поскорее сделать дело.

Министр двора пожал плечами, как бы извиняясь за грубость своей спутницы.

– Ох, эта спешка... Никого она еще не дофодила до добра, кроме ее феличества при собачьей гонке. Вы же помните гонку, Берти? То было потрясающе феерично!

– Где хранятся съестные припасы? – сухо спросила фрейлина.

– Внизу, разумеется. В холодных подвалах, – повинуюсь ее напору, Берти ответил кратко, и сам себе стал противен.

– Проводите нас туда.

Четверо двинулись вглубь складов. Впереди выступал Берти, следом верная Лизетта, дальше фрейлина и министр. Несколько раз Берти останавливался и обращал внимание гостей:

– Чувствуете прекрасный запах? Здесь у нас хранятся всевозможные благовония и эфирные масла. Обеспечить приятный запах во всех помещениях, уберечь от травм обоняние барышень – одна из первейших задач министерства двора. Знаете ли, миледи, сколько эфирных масел потребляет двор за одни сутки? Я могу вам сказать с точностью до унции.

– Чшудесный аромат! – говорил министр.

– Не стоит задерживаться, – обрывала фрейлина.

– А здесь, как видите, запасы искровых ламп. Осветительная техника весьма ненадежна: каждый день не меньше десяти ламп выходят из строя – и что с ними делать? Нет, миледи, их нельзя починить. Искровая лампа – как судьба: если сломана, то уже не исправишь. Только выбросить и вставить новую.

– Как это ферно!

– Далее, сударь, далее.

– Мы входим в зал, миледи, где хранятся запасы всех видов материи, использованной в интерьере. С завидной частотой их приходится обновлять. Господа офицеры имеют склонность порывисто открывать вино, или взмахивать клинками ради драматичного жеста. Дамы неосторожно задевают шторы плечами в пудре или креме. Иногда приводят собачек или котиков, те и другие совершают непотребство... Словом, стены нередко страдают, и приходится обновлять драпировку.

– Как это вашно – беречь красоту! Куда скатится столица, если мы позволим дворцу обветшать!

– Судари, напоминаю: ее величество и лорд-канцлер отравились бороться с бунтарями. Очевидно, они вернутся с победой. Состоится праздник.

– Всенепременно, миледи! Невосможно не отметить такую радость! Эти бунтари, они фсе бунтуют и бунтуют, без конца и краю. Скорей бы этому конец!

– И что понадобится для праздника? Искровые лампы? Драпировка? Благовония?

– В деле праздника нет мелочей, каждая деталь важна!

– Судари, прежде всего важны съестные припасы. Праздник обернется скандалом, если гости будут голодны!

– Хорошо, миледи, будь по-вашему, – смирился Берти и кратчайшим путем провел инспекторов в холодные погреба.

Обед уже окончился, и слуги не сновали здесь со своими тележками, не грузили припасы в кухонный подъемник, не изводили Лизетту требованиями одного, другого, третьего. Стояла тишь. В величавом безмолвии желтели головы сыров, лоснились колбасы, круглились бочонки с маслом, возвышались копчености, вздетые на крюки.

– Пищевой склад, миледи, являет собою анфиладу погребов, в каждом из которых хранится свой тип припасов. К нашему счастью, здесь имеются такие отделы: колбасно-сырный, мясной, сахарно-масляный, хлебно-мучной...

– Думаю, я сама увижу.

Фрейлина зашагала вперед, мечая по сторонам цепкие взгляды. От ее деловитости Берти становилось не по себе. Он пропустил Лизетту и, идя за нею следом, нашел успокоение в созерцании. Помощница Берти была как раз такую девушкой, наблюдая за которой забудешь и о суровых инспекциях, и даже о бунтарях. Захотелось ущипнуть ее за попку, но Берти сдержался при гостях. Даже наедине он позволял себе пощипывать Лизетту не чаще раза в день. Щипки за попку приносят радость, пока они хотя бы отчасти запретны.

– Что здесь? – вторгся в его мысли сухой язык фрейлины.

– В ящиках находятся овощи. Извольте видеть, вот здесь картофель, здесь лук, здесь морковь... А вот яблоки – они, конечно, не относятся к овощам, но именно в этом погребе для них самые подходящие условия.

– Один ящик выглядит особенным. Он заперт на замок.

– Ферно, оччень даже заперт. Я бы, пошалуи, назвал его сундуком.

– Миледи, этот сундук принесли люди лорда-канцлера. Видимо, в нем их особенные северные лакомства. Никому, кроме кайров, нельзя отведать их вкуса. Как вы знаете, миледи, у северян много странностей.

– Можете отпереть?

– Простите, миледи. Мне не оставили ключа.

– Вы приняли на хранение сундук с неизвестными припасами, даже не открыв?

– Отчего нет? Если кайры желают питаться так, как у них принято, то я не стану препятствовать. «Позволь иному быть», – говорили Праматери. Я уважаю культуру других земель.

– Я должна проверить сундук.

Берти развел руками:

– Не вижу способа осуществить это. Разве только подождать возвращения северного войска и попросить... Миледи, что вы делаете?!

Лейла Тальмир развязала мешочек у себя на поясе, извлекла гнутую железку (весьма похожую на то, как представлял себе Берти воровскую отмычку) и вонзила в замочную скважину.

– Миледи, вряд ли это допустимо! Северяне возмутятся!

Ничем не выдав своего внимания к Бертраму, фрейлина прощупала отмычкой внутренность замка. С хрустом про-

вернула на полоборота.

– В сундуке может храниться нечто, легко портящееся. Видите, как плотно пригнана крышка. Вы откроете, и продукт придет в негодность!

Леди Тальмир вогнала в замок вторую отмычку и крутанула, не вынимая первой. Замок клацнул. Фрейлина скинула его и подняла крышку.

Внутри лежал труп.

Лизетта завизжала и кинулась бежать. Берти поймал ее одной рукой, а вторую зажал себе рот. Министр двора исторг из груди возглас:

– Святые Праматушки!

– Особое северное лакомство, – подытожила фрейлина.

Берти испытал сильное желание убраться отсюда и пригласить гвардейцев, а самому погулять в саду, пока идов сундук не вынесут. Но, обнимая Лизетту за талию, он не мог позволить себе малодушия. Храбро шагнул вперед и заглянул, зажав нос, чтобы не стошнило.

– Похожа на женщину.

– Вы наблюдательны.

– Ее убили.

– Метко сказано.

– Прямо в сердце!

– Изверги.

– Нужно доложить в протекцию! По дворцу ходит жено-

убийца!

Фрейлина помедлила, размышляя. Вообще, она держалась на диво хорошо: сохранила вот способность к размышлениям. Кремень, а не леди.

– Как вы думаете, сударь, северяне знали о содержимом сундука, когда принесли его?

Берти моргнул.

– Если думать по логике, то, пожалуй, должны... Но зачем им нести труп в пищевой погреб?

– Это самое холодное место во дворце. Только здесь тело сохранится долго.

– Вы правы, миледи...

– Я полагаю, северяне хотели сберечь покойницу. Возможно, при жизни она была им дорога.

– Боги, но почему здесь, у меня?!

– Я же сказала, сударь: здесь холодно.

– Не могу поверить! В моем складе, среди яблок и моркови...

– Неффероятно! Чшудовишно!

– Миледи, я позову гвардейцев.

Тогда фрейлина проявила дивное здравомыслие. Взяв Берти за плечи, она вкрадчиво спросила:

– Вы хотите расстроить герцога Ориджина?

– Конечно, нет! Я и не собирался!

– Вы непременно расстроите его, если позовете гвардию.

Гвардейцы похоронят бедную женщину. А герцог, очевидно,

хотел сохранить ее непогребенной.

– Он так хотел? Но почему?! Почему здесь?!

– Здесь холодно! Я говорила уже дважды.

– Боги, что нам делать?!

– Сударь, мне думается, проще всего поступить так. Когда вернется герцог Ориджин, скажите одному из его людей, что сундук источает легкий запах плесени. Северяне вынесут его, и проблема решится сама собою.

– Легкий запах? Вы зовете это «легким запахом»?!

– Станет легким, когда закрою крышку.

– Вы закроете крышку?

– Возьму на себя труд.

– Святые Праматери! Вы просто запретите сундук и сделаете вид, что ничего не случилось?!

– А что особенного случилось? Некий кайр сохранил тело своей жены или сестры. Убеждена, в Первой Зиме это – обычное дело.

– Да, миледи, наверное, но... Все так абсурдно!

Тут подала голос Лизетта:

– Бертрам, сударь... Лучше так сделать, как миледи говорит... Два дня потерпим – северяне унесут сундук, и мы все забудем. А иначе ведь следствия, допросы... Неизвестно, чем для нас кончится... Сударь, я прошу вас...

Недолго подумав, он признал правоту помощницы.

– Хорошо, леди Лейла, так мы и поступим. Сможете запретить сундук?

– Да, сударь.

– Умоляю: надежно заприте! Крышку поплотнее, чтобы не проникало.

– Я сделаю. Ступайте.

Ни Берти, ни Лизетта, ни министр не заставили себя уговаривать. Они быстро зашагали дальше, а через три минуты фрейлина нагнала их. В оставшееся время инспекция не выявила никаких нарушений, и Берти Крейн получил заслуженную похвалу не только от министра, но даже от леди Тальмир.

Спустя два дня герцог Ориджин вернулся во дворец злой, как черт. Берти не рискнул обратиться к нему, но встретился с кайром Робертом – самым спокойным из северян – и осторожно намекнул, что на сундуке изволила возникнуть плесень. Тем же вечером мрачный груз унесли из подвала, и жизнь потекла веселым ручьем, журча и искрясь.

В те три минуты, что леди Тальмир провела наедине с покойницей, милашка Лизетта ощутила прилив любопытства. Сие чувство нахлынуло внезапно и пересилило страх. Лизетта задержалась на миг и сквозь дверную щель глянула на фрейлину. Она увидела нечто такое, что предпочла считать видением, досадною ошибкой своих глаз и нервов.

*Май 1775 г. от Сошествия
День разоблачения генерала Алексиса Смайла
Фаунтерра, дворец Пера и Меча*

– Вот и все, ваше величество. Я сказал, что знаю, – окончил речь Серебряный Лис. – Теперь решение за вами.

– Ему нельзя доверять, – сказала фрейлина.

Это же думал и капитан, но промолчал. Все время, пока длилась чудовищная речь генерала, в груди капитана гвардии Шаттэрхенда, стоявшего подле владычицы, теснились два чувства.

Одним было... Негодование? Гнев?.. Скорее, просто желание выхватить шпагу и заколоть генерала. Капитан сжимал шершавую рукоять в проволочной оплетке, поглаживал большим пальцем витиеватую гарду. Каждое слово Лиса говорило капитану одно: такого не должно происходить. Не в Фаунтерре, не с ее величеством Минервой. Не у него, капитана, на глазах!

Но другое чувство сдерживало руку и не давало шпаге покинуть ножны. То был восторг. Но своем веку Шаттэрхенд видал трех императоров. Адриан был самым решительным из них; Телуриан, без сомнения, самым грозным. Обоим не занимать было ума и воли, оба правили железной рукой, оба

пользовались большим уважением капитана. Но только Минерва вызывала в нем восторг. Возможно, дело в том, что ее он знал очень близко – наблюдал и в ужасе, и в слезах, в похмелье и в горькой апатии, и на больничной койке. Сквозь золотую маску, носимую императрицей, он привык видеть душу. А может быть, в том причина, что Минерву не готовили к престолу. Телуриана и Адриана с малых лет закаляли и оттачивали, подобно лучшим клинкам; Минерва несла бремя сама, без помощи наставников. Шаттэрхенд восхищался ею до душевной дрожи, и безгранично верил в нее. Эта вера и мешала выхватить клинок. Телуриан и Адриан, конечно, приказали бы убить двурушника; но Минерва – иная. Ей может хватить милосердия на то, чтобы простить генерала.

Владычица обратилась к Серебряному Лису:

– Ваш рассказ весьма огорчил меня. Я мнила, что изо всех людей, обладающих военной силой, хотя бы на вас могу положиться. Очень жаль, что ошиблась.

– Ваше величество, клянусь, вы можете мне доверять. Я ни разу не совершил ничего вам во вред! Делал лишь то, что помогало вам укрепиться во власти.

– До сего дня – да. Но если вам прикажут меня свергнуть...

– Я отвечу решительным отказом! Никогда, ни за что не пойду против вас.

Рука Шаттэрхенда особенно сильно зачесалась. Двуликий подлец не имеет права на подобные клятвы.

– Генерал, однажды я читала забавную пьесу о слуге двух господ. Она не была основана на реальности. Не слыхала, чтобы кто-либо успешно служил двум сеньорам.

– Ваше величество, я рассказал достаточно, чтобы вы поверили: цели моей второй госпожи светлы и благородны. Верю, что вы разделите их, и всякое противоречие исчезнет.

– В том и беда, генерал. Я желаю лично решать, какие цели считать светлыми.

Минерва глянула на Шаттэрхенда:

– Мне думается, капитан, эта беседа затянулась. Вы согласны?

Его губы сложились в улыбку:

– Я с большим удовольствием положу ей конец.

Но Минерва качнула головой:

– Я имела в виду иное. Генерал, вы можете быть свободны, но останьтесь во дворце. Я предприму попытку простить вас. Завтра сообщу, увенчалась ли она успехом.

– Ваше величество.

Лис щелкнул каблуками и вышел строевым шагом.

Когда закрылась дверь, фрейлина сказала:

– Опасная игра. Он может как угодно использовать отсрочку. Например, поднять свои полки.

– Миледи, я уже приняла решение: генерал сохранит и жизнь, и чин, поскольку он полезен. Не знаю, прощу ли я его, но, боюсь, это не имеет значения. Лис нужен, и он останется. Моя власть хоть чего-то стоит, пока иные силы, большие чем

моя, уравнивают друг друга.

– Их цели очень странны, ваше величество. Я даже не поняла, к чему стремятся Лис со своей госпожой.

– Что верно, то верно, – подтвердил капитан.

– Об их целях мне следует подумать и понять, в какой мере они согласуются с моими. На данный момент не вижу противоречия.

Владычица, капитан и фрейлина потратили еще некоторое время на обсуждение. Оговорили то, как следует теперь вести себя с генералом, какие меры безопасности принять, и как подавить восстание Лиса, если тот сочтет нужным поднять мятеж. Условились также о том, что скажут капитан и фрейлина в случае допроса со стороны герцога Ориджина.

Затем Минерва поблагодарила вассалов:

– Я признательна за помощь и ту самоотверженность, с какую вы встали на мою защиту. Никогда не забуду вашей верности.

– Рад служить вашему величеству! – отчеканил Шаттэрхенд.

– Я должна вам кое-что сказать, – невпопад ответила Лейла.

– Конечно, – кивнула Минерва.

Фрейлина развязала мешочек, спрятанный в складках платья. В лучах ламп блеснуло стекло: крупный флакон или маленькая бутылочка, как посмотреть.

– Здесь находится одно вещество... – леди Тальмир за-

пнулась.

Не дожидаясь продолжения, Минерва взяла стекляшку. Капитан тоже присмотрелся: на самом деле, то был шприц с крупной колбой и короткой иглой. Внутри находилась густая темная жидкость, не то грязно-бурая, не то маслянисто черная. Минерва наклонила шприц, и жидкость качнулась: медленно, липко, гнойно.

– Что за мерзость? – спросила владычица.

Фрейлина глубоко вздохнула.

– Я увидела одну возможность и решила, что она заинтересует вас. Герцог Ориджин, одержимый охотой на хозяина Перстов, выдвинул теорию: якобы, Предметы говорят с теми людьми, в чьих жилах течет особенная кровь. Герцог измыслил эксперимент: поймать одного стрелка с Перстами и влить его кровь какому-нибудь кайру. Но герцог в узости мышления думал лишь о крови живого стрелка. Он не учел, что в теле мертвеца еще остается... скажем так, жидкость.

Пальцы Минервы задрожали, шприц выпал, но был в полете пойман капитаном. Негодуя, Шаттэрхенд сунул его фрейлине:

– Здесь гниль из жил покойника? Думайте прежде чем давать такую дрянь владычице!

Фрейлина спрятала стекляшку в ладонях, но продолжила рассказ:

– Как вы знаете, ваше величество, прислужница хозяина Перстов по прозвищу Знахарка являлась сюда в апреле. Лю-

ди герцога неосторожно убили ее. Сняли с трупа говорящий Предмет, а сам труп сохранили в холоде – в погребах дворца. Видимо, они пока не решили, что делать с покойницей: закопать или сжечь. Я предприняла некоторые действия...

– Вы... взяли гной из трупа? – Губы Минервы дрогнули. – Какая мерзость!

Лейла заговорила твердо и сухо:

– Ваше величество, мне также было мерзко и страшно. Я сделала это ради вас. Сколь бы жутким ни было вещество, оно дает нам возможности. Если теория герцога ошибочна, то мы узнаем это. Если теория верна, мы создадим человека, способного говорить с Предметами.

– И... и кому... – Минерва сглотнула, – кому вы предлагаете влить это?

– Два варианта, ваше величество. Вольем верному вам человеку – и вы получите исключительного воина, правда, лишь одного. Вольем человеку, неблизкому к вам, – навлечем на него подозрения Ориджина и, возможно, сумеем сравить северян с кем-либо.

– Как разумно... Как осмотрительно.

Минерва встала из кресла, но вдруг зашаталась и побеле-ла. Капитан ринулся на помощь, поддержал ее, помог сесть.

– Воды, ваше величество?

– Вина.

Он поднес бокал, Минерва лишь пригубила его.

– Знаете, миледи, я страдаю малокровием... Мне говори-

ли, помогает красное вино. От сильного переживания – например, страха – могу упасть в обморок, поскольку кровь отликает от головы. Это началось, когда мне делали кровопускания, пытаясь исцелить от выдуманной хвори. Но то был не последний раз, когда мне вскрывали жилы. Позже сию забаву повторил некий Мартин Шейланд в уютном подземелье, полном мертвецов. Он преследовал цель, сходную с вашей: создать особенное снадобье – эликсир бессмертия. Правда, даже он не опустился до того, чтобы выкачивать гной из трупов!

– Ваше величество, я ждала от вас понимания. – На лице фрейлины проступили злость и обида. – Я пошла на низость не затем, чтобы получить в награду ваши упреки. Знахарка не стала мертвее от моих действий, я никому не причинила зла. Но вы можете выиграть очень многое. Я старалась для вас, поймите это!

– Отчего же не довели старания до конца и не испытали жидкость на себе? Возможно, потому, что там полно трупного яда? Ваш подопытный может попросту умереть! Именно это случилось с большинством узников Шейланда!

– Ради вас я испытала бы на себе что угодно, и яд в том числе. Но в случае успеха Ориджин сочтет меня слугою Кукловода, а вас – стало быть, самым злодеем. Я слишком близка к вам, чтобы стать подопытной.

– Удобно... – выронила Минерва и залпом осушила бокал.

Ее мучения – боль и оживший в памяти ужас – капитан ощущал, как собственные. Этого больше нельзя было терпеть.

– Ваше величество, позвольте прервать этот разговор. Фрейлина совершила ошибку, которую позже осознает. Сейчас я провожу ее.

– Да, капитан, буду благодарна...

Но вдруг взгляд Минервы заострился, засиял голубою искрой догадки.

– Нет, постойте. Миледи, а откуда вы узнали?

– О чем, ваше величество?

– О теории герцога Ориджина. О мертвой Знахарке и снятом с нее Предмете. Лично я услышала то и другое в приватной беседе с герцогом – вскоре после того, как вы являлись со странною просьбой. Неужели герцог пооткровенничал и с вами?

– Я использую разные источники, ваше величество...

Ложь не давалась Лейле Тальмир. Слишком много осталось в ней благородства, чтобы врать без колебаний. Владычица выдохнула:

– Холодная тьма! Вы подслушали!

– Я не...

– Увидели, как ко мне вошел Ориджин, и решили подслушать разговор! Только так могли узнать, не иначе!

– Ваше величество...

– И я даже знаю, зачем! Не ради меня – о, нет! Вы

по-прежнему хотите землю! Искали то, что можно продать мне... И нашли эту дрянь!

– Это не так! – вскричала фрейлина.

– Ступайте к Ориджину, – бросила Минерва. – Он не догадался слить гной из трупа – подскажите ему. Возможно, наградит вас за находчивость. А может, прикончит на месте. Как я успела понять, он мало похож на Мартина Шейланда. Но дерзайте! Вам же так нужна земля – стоит рискнуть!

Фрейлина поклонилась владычице, опустила шприц на пол и сказала вовсе не то, чего можно было ждать:

– Ваше величество, есть в мире кое-что кроме интриг и заговоров. Бывает так, что человеку очень нужна помощь.

Она ушла, а владычица обратила к капитану некий взгляд... вопросительный, пожалуй. Ннедурно было бы сейчас сказать что-нибудь, подходящее к случаю.

Есть такая порода придворных, что любит резать правду в глаза всем, даже самому владыке. В этом поначалу есть опасность, но когда уже снискал репутацию правдолюбца и приучил к этому двор – получаешь выгоду. Слывешь прямым и честным, пользуешься доверием. И мозги понапрасну не сушишь: что взбрело на ум, то говоришь.

Но капитан Шаттэрхенд не принадлежал к этой породе. Искренне верил: императору нужно говорить лишь то, что он хочет услышать. Владыка знает, чего и когда хотеть. Пожелает узнать горькую правду – так и прикажет. Потому капитан сказал только:

– Странное дело, ваше величество.

– Странное?..

– Да, ваше величество. Не ожидал такого от леди Тальмир.

Я могу идти?

Минерва прищурилась:

– Капитан, что вы хотите сказать?

– Только то, что больше здесь сказать нечего. Какая-то кровь, какие-то трупы – скверно все это. По-другому и не скажешь.

Она вздохнула.

– Вы темните, капитан. Теперь и вы тоже... Ладно, ступайте.

Он попытался выполнить приказ, но ноги не понесли к двери. Так и замер дураком.

– Ваше величество... поверьте, я совсем не темню... Просто не хотел говорить то, что вы не хотите слышать. Было бы неправильно – без приказа-то.

– А чего я не хочу слышать?

– Ну... ваше величество, мне подумалось... леди Тальмир, возможно, права.

Ее глаза неприятно сузились:

– В чем права, тьма сожри? Что нам стоит делать зелья из трупов?! Или что я должна по первому капризу фрейлины давать ей земли и титулы?!

– Виноват, ваше величество. Мне показалось, вы велели говорить. Простите, я не так вас понял.

– Нет, вы поняли верно. Я приказываю, капитан: объясните! Лейла Тальмир пыталась подкупить меня омерзительной дрянью. В чем ее правота?!

– Ваше величество, ну... если брать по военной науке, то лучше иметь сведения, чем не иметь. Разведка всегда полезна, какие бы ужасы она не открыла. Знаешь, чего ждать – сможешь подготовиться.

– Подготовиться – к чему? К миру, где лучшими солдатами становятся отбросы, испившие крови мертвеца? Я не хочу готовиться к этому. Надеюсь, Праматери разделят мои взгляды и не допустят такого будущего!

– Ваше величество, если кровь этой покойницы имеет силу, то нам стоит хотя бы забрать и сжечь труп, чтобы не достался каким-нибудь колдунам. А если кровь силы не имеет, то мы просто обретем покой. В любом случае, эксперимент будет полезен...

– Хотите выпить? – Минерва тронула шприц носком туфли.

– Ваше величество, боюсь, что и здесь фрейлина права: испытав на одном из ближних вассалов, вы навлечете на себя подозрение.

– Тогда к чему вы ведете? Найти преступника в темнице, влить в него кровь колдуньи... Тьма, чем я буду лучше Мартина Шейланда?!

Капитан мотнул головой:

– Я не об этом, ваше величество... Я вот о чем: простите

леди Тальмир. Она не желала вам зла.

– Напрасная уверенность! Вы просто не слышали наш прошлый разговор. Фрейлина попросила у меня много денег и ленное владение с титулом. Попросила так настойчиво и жестко, что вернее сказать – потребовала. Отказалась назвать причины. Затем опустилась до подслушивания! Сидела у какой-то щели и слушала мой разговор! Могу ли я знать наверняка, что фрейлина все еще служит мне? Возможно, она уже продалась кому-то, или стала жертвой шантажа. Может, затея с кровью – вовсе не ее задумка, а чья-то провокация. Кто-то из моих врагов, возможно, только и ждет, что я соглашусь, а после обзовет меня колдуньей и подругой Кукловода!

Шаттэрхенд оробел, как и всегда, встречаясь с логикой Минервы. Владычица мыслила слишком изоциренно, изо всего умела сделать выводы, притом абсолютно логичные. Однако сегодня именно в безупречности ее мышления капитан чувствовал изъян. Нечто о том, что люди – не Праматери. Люди ошибаются, делают глупости и подлости, часто вовсе не со зла, не по расчету, а лишь потому, что далеки от идеала. Прощение – единственный способ принять свое и чужое несовершенство; не прощать – значит, спорить с богами и отрицать человеческую природу.

То была слишком мудреная мысль для капитана гвардии, он не осознал ее полностью, а лишь прошел по краю, и тщетно искал слова, чтобы выразить. А владычица тем време-

нем сказала:

– Впрочем, другое плохо... Вы правы: вряд ли фрейлина переметнулась, не такой она человек. Но простить ее все же не могу. Я слишком устала прощать, вот в чем дело. Слишком многие причиняли мне зло: Сибил Нортвуд, приарх Альмера, братья Шейланды. И всякий раз я не могла отомстить. Сибил исчезла, приарх недосыгаем, Шейланды под защитой Ориджина... Всегда есть весомая причина, вынуждающая стерпеть и утереться. Как же я устала от того, что слаба, а враги – безнаказанны! Если есть в человеке запас прощения, то мой исчерпан до дна. Серебряный Лис выпил последние капли. Скорее всего, фрейлина виновна лишь в том, что выбрала неудачный день для своей выходки. Но даже эту малую оплошность я не могу простить.

Столько горечи звучало в словах Минервы, что душа капитана наполнилась состраданием. А следом пришло бессилие: ничего тут не поделаешь. Жизнь часто горька, и самое мудрое, что можно сделать, – смириться.

– Да, ваше величество, – осторожно сказал Шаттэрхенд, чувствуя разом свою правоту, слабость и трусость.

– Благодарю, капитан. Очень ценно, что вы меня поняли... Ах, да: само собою разумеется, найдите и устраните возможность подслушивания.

– Конечно, ваше величество.

Он забрал шприц – не оставлять же эту дрянь, – и ушел.

Капитан не знал, что делать с бессильем и тоскою. То и

другое он ощущал очень редко, и по неопытности не имел защиты. Вполне возможно, демон тоски побудил бы его напиться вдрызг или с кем-нибудь подраться. Но, к счастью, капитана отвлек неожиданный рапорт:

– Лейтенант Август Мейс по поручению капитана Уитмора. Имею устное сообщение для владычицы.

Этот молодой лейтенантик был самым прославленным неудачником лазурной гвардии: рота под его командованием потеряла достояние Династии. Преступных действий Мейса протекция не обнаружила, потому его не вышвырнули к чертям, а просто выслали в Маренго. Теперь он явился ко двору.

– Какое еще сообщение? Вы не можете знать ничего, что достойно ее ушей!

Лейтенант повторил:

– Капитан Уитмор передал известие. У него для ее величества крайне важные сведения.

– Давайте пакет.

– Сообщение устное. Капитан Уитмор не доверился почте.

– А сам он где?

В отличие от Мейса, Уитмор был добрым служакой, но крайне не вовремя выпил чаю. Отравился, месяц пролежал в лазарете, а потом взял долгий отпуск по состоянию здоровья и отбыл в свое имение.

– Капитан Уитмор в Маренго. Он просит ее величество тайно приехать туда. Сведения секретны, можно только с

глазу на глаз.

Шаттэрхенд уточнил:

– Вы с ним, как бы сказать вежливо, очумели? Он дал себя отравить, ты спустил триста Предметов, а теперь думаете, что можете о чем-то просить ее величество!

Мейс покраснел до корней волос:

– В них-то и дело. Ну, в Предметах. Мы кое-что смогли...

– Вы нашли Предметы?! Быть не может!

– Не нашли, – согласился Мейс. – Но правда, ее величеству лучше приехать в Маренго. Клянусь Праматерью, она не пожалеет. Капитан Уитмор и майор Бэкфилд едут туда из Альмеры, они располагают...

– Бэкфилд будет в Маренго? – Один звук этого имени развеял тоску Шаттэрхенда. – Я доложу императрице. Надеюсь, она не откажется от путешествия.

* * *

Май 1775 г. от Сошествия

Спустя три дня

Маренго, дворец Тишины

Мелкого гада звали Птичник. Был этот парень дворянином, еще и первородным, да с дипломом из университета: шутка ли – заведовать всею почтой летнего дворца! Носил тройное имя – свое, мамино, бабкино. Однако был он мел-

кий гад, и звали его Птичник.

– Здоров, приятель, – бросил ему Бэкфилд, а сам плюхнулся в кресло. – Устрой мне винца.

– Сию минуту, господин майор! Только скажу, как рад вас видеть, и сразу же налью. Вам какого – белого, красного?

– Мне – лучшего.

Мелких гадов, в отличие от гадов крупных, майор Бэкфилд ни капли не уважал. Питал к ним заслуженное презрение, хотя порою видел их полезность. Нынешний случай был именно таков.

– Вот, господин майор: амино из Леонгарда, пятилетняя выдержка, самое лучшее!

Небрежным движением Бэкфилд смахнул бокал на пол.

– Амино – дешевка. Дай то, что пить можно.

– Виноват, у меня же не винный погреб... Имею что имею, а чего нет – того не найду...

Однако Птичник пошарил в шкафу за чернильными склянками и извлек бутылку с зеленым медведем.

– Есть вот нортвудский ханти... Коли вам по вкусу...

– Давай.

Птичник наполнил кубок и спросил, будто между прочим:

– Как ваши недоразумения с лордом-канцлером? Надеюсь, полностью улажены?

Ах, паршивец, угрожать вздумал! Взять бы тебя за холку и припечатать носом об стол...

Впрочем, Бэкфилд пребывал в радостном настрое и не

имел желания злиться.

– Коль так заботишься обо мне, приятель, могу тебя осчастливить. Я привез ее величеству такой подарок, что полковничий мундир для меня, считай, уже скроен. А теперь отправлюсь в Фаунтерру и привезу подарок лорду-канцлеру – да такой, что он меня обнимет, как брата.

– Вы наполнили меня радостью, господин майор!

– А ты наполни мне кубок. Видишь – пустеет. И закусок дай – сыру, ветчины.

Птичник захлопотал вокруг Бэкфилда.

– Как я рад, что вы вернулись, господин майор. Так долго вас не было, уже все заволновались... Где только вы пропадали? И что за дар для ее величества? Поди, какая-нибудь драгоценная диковинка...

– Ага, – бросил Бэкфилд с набитым ртом.

– Когда вы приехали сюда – ну, зимою – я очень встревожился. Ведь у нас порт, корабли, и все больше на юг. А времечко-то страшное было, и я подумал грешным делом: уж не бросает ли нас господин майор? Не улетает ли, как ястреб, в дальние теплые края?..

– А ястребы – перелетные?

– Взаправду-то кто их знает... Но если судить поэтически, то что угодно может упорхнуть: деньги, удача, девица. Взять хотя бы медвежью леди: была – и фффить, не стало!

– Майоры не летают.

– Но поэтически...

– Ты видал хоть раз летающего майора?

– Никак нет, господин майор.

– Вот и не увидишь. Я крепко стою на ногах и ни одному ветру не дам себя сдуть.

– Как я рад это слышать!

Бэкфилд уплетал за обе щеки и наполнялся благостью, какой не ощущал уже очень давно.

Зимою-то все шло очень мерзко. Прав мелкий гад: была, была мыслишка сбежать в Шиммери, а то и подальше – на Фольту. В столице ждал Бэкфилда кайровский меч. Минерва легла под Ориджина, на нее надежды не имелось. К северянам – даже к Нортвудам – Бэкфилд не нашел подхода. Галлард Альмера темнил, тянул время... Словом, ни с кем не удавалось договориться. Товар лежал без дела, покупатель все не находился, а время-то шло. Ориджин все больше подминал под себя столицу. Не ровен час, протянул бы щупальца на запад – и в Алеридане нащупал бы майора...

Но тут случилось кое-что: Бэкфилду встретился капитан Уитмор – лазурный растяпа. Тот с отрядом своих людей рыскал по Альмере, надеясь разыскать и вернуть похищенные Предметы. Поначалу Бэкфилд не верил в успех, ибо думал, что Предметы взял Ориджин. Однако примкнул к Уитмору – он любил армию, шпаги, гвардейские мундиры, офицерские шутки, сильно скучал по всему этому с тех пор, как бежал из столицы. Два месяца скитаний с уитморцами нежданно для Бэкфилда принесли плоды. И какие плоды – не черничную

ягодку, а цельное спелое яблоко! Сперва нашлись следы похитителей. Потом – пара свидетелей. Потом всплыла тайная схема на человеческой коже и некий совсем уже сказочный Абсолют – оружие, собранное из Предметов. Что особенно сладко: были при допросе двое вассалов Ориджина – и удивлялись так же, как все. Стало быть, не Ориджин все-таки. Стало быть, где-то бродит неведомый вор Предметов, и одна единственная ниточка, пара ценнейших свидетелей – в руках у Бэкфилда! У Бэкфилда с Уитмором, если говорить точно.

В делах чести, как давно убедился майор, очень полезно бывает вовремя промолчать. Будучи дворянином, он не нарушал своего слова. Но если слово не дано, а собеседнику лишь так показалось... Свидетель – этот усач со смешным прозвищем – очень уж молил: «Не отдавайте меня владычице! Конец мне тогда, а моя девчушка пропадет ни за грош... Не отдавайте, богами прошу!» Ворон Короны поклялся, что не отдаст – взамен на показания. Капитан Уитмор подтвердил: «Слово чести, что защищу вас». Бэкфилд же только кивнул, и наивный усач принял это за клятву. Дурачина.

И вот нынче в Маренго, во дворце Тишины, Бэкфилд с Уитмором стояли пред владычицей. Она слушала рапорт с великим интересом – и не мудрено: что ни слово, то диковинка! Узнав про Абсолют, похитителей и схему, Минерва аж засверкала глазами.

– Господа офицеры, вы принесли бесценные сведения! Я с радостью выделю вам любую награду, какой пожелаете.

Уитмор возразил:

– Ваше величество, я сделал это не для награды, а ради чести. Моя рота покрыла себя позором. Надеюсь, что хоть в малой степени я заслужил прощение.

Однако Бэкфилд не принадлежал к злосчастной роте. Он сказал:

– Ваше величество, прежде чем перейти к вопросу награды, я хочу сообщить вам еще кое-что. Думаю, вам любопытно будут имена свидетелей: девчушка Крошка Джи и усач Инжи Прайс.

– По прозвищу Парочка?..

– Так точно!

Вот что значит: измениться в лице. Кровь отлила от щек Минервы, кожа стала белой, а глаза превратились в лед.

– Благодарю, майор, это ценное знание. Приведите Парочку сюда.

– Ваше величество, – вмешался Уитмор, – Ворон Короны и я поклялись не выдавать Инжи Прайса.

Бэкфилд пожал плечами:

– Ну, а я не клялся, так что...

– Ваше величество, на его попечении девчонка-кроха. Пропадет без него.

– Не пропадет, – возразил Бэкфилд. – Сиротке все пути открыты: хоть в церковь, хоть в бордель. Ваше величество, Парочка оставлен под охраной в привокзальной гостинице.

Спустя час свидетелей ввели в кабинет и швырнули на ко-

лени пред Минервой.

Майору интересно было знать, что она скажет. Но владычица молчала и смотрела. Усач что-то забормотал, зачастил, посыпал горохом... Минерва приложила палец к губам, и он затих. Снова повисла тишина.

Она смотрела еще, наверное, минуты две. Даже Бэкфилда слегка пробрало.

Потом сказала:

– Да... Вниз его.

Парочку уволокли. Девчонка разрыдалась. Уитмор вздохнул и взял ее за плечо:

– Прости, кроха, скверно вышло... Тебе теперь некуда податься, так что идем со мной. Пристрою тебя, покуда решу, как быть.

Минерва качнула головой:

– Нет, капитан, я ее не отпускала. Она дорога Инжи, пусть останется. Вниз ее, в соседнюю камеру.

Уитмор, вроде, хотел поспорить, но не стал. Кивнул людям, чтоб увели мелкую, и сам ушел. А Бэкфилд сказал:

– Ваше величество, позвольте вернуться к вопросу награды. Я не имею большей мечты, чем служить вам верою и правдой в чине полковника. Но воплощению препятствует лорд-канцлер, а точнее, его на меня странная обида. Я прошу, окажите содействие нашему примирению!

– Вряд ли Ориджин простит вас, майор. Вы убили нескольких дорогих ему вассалов, в том числе – любимого

кузена. На его месте, я бы не простила.

– Ваше величество – девушка, мы же – мужчины. Война для мужчины – понятное дело. Вопросы прощения тут неуместны. Пока война – бьешь врага всеми способами, но когда она кончилась – время пожать руки и выпить чашу вина.

– Тогда зачем вам мое содействие? Ступайте к Ориджину, протяните ему руку. Он ведь мужчина, поймет.

– Я так и сделаю, ваше величество. Но сперва, будьте великодушны, сообщите ему, что я больше никоим образом ему не враг и хочу прийти с миром, и обо всем поговорить спокойно. Скажите, что я оказал вам большую услугу, и ваше величество ценит меня.

– То есть, взять с герцога слово, что он вас не убьет?

– Просто напомните ему, ваше величество: война кончилась, и будет очень бесчестно с его стороны – убивать ваших верных слуг.

– Хорошо, майор, – кивнула владычица.

Это и вправду было хорошо. Она даже не представляла, насколько хорошо, ведь главный подарок Бэкфилд припас не для нее, а именно для Ориджина. Теперь майору открыта дорога назад в столицу, ко двору, в гвардию! Одной лишь ниточки недостает, чтобы пришить к мундиру полковничьи знаки!

...Любопытное дело: все это время Птичник что-то там бормотал. Бэкфилд жевал, пил и крутил в уме, как здорово

все получилось, а Птичник все щелкал клювом, не заботясь о том, слышит ли майор хоть слово. Сполна насладившись своими мыслями, Бэкфилд вспомнил о Птичнике.

– Теперь, приятель, пора взяться за дело.

– Как, вы пришли по делу? Какое разочарование! Я-то думал, между нами приятная дружеская встреча...

– Конечно, дружок. И чтобы стало еще приятнее, ответь: случилось то, чего я ждал?

– Сполна случилось! В январе пришло два письма, еще одно – в феврале.

– Ты ответил, как я велел?

– Уж конечно! Я не подвожу друзей!

– Запечатал гербом?

– Ясное дело. Не первый день на свете живу.

– Письма у тебя?

– Где ж еще.

– Давай сюда.

Птичник откашлялся:

– Господин майор... я не хочу показаться меркантильным или алчным... Спрашиваю из чистой справедливости: не полагается ли мне награда?

Бэкфилд взял его за грудки:

– Приятель, ты мне должен. Не забыл?

– Нет, господин майор.

– Крепко помнишь?

– Да, господин майор. Но, простите... письма-то цен-

ные... очень ценные. Я ими, пожалуй, искупил-то свой долг, да с лихвой. Вот эту лихву – не вернете ли?

Бэкфилд прижал Птичника к стене и втолковал доходчиво:

– Пойми меня, гаденыш. Письма ценные, но они не твои. Их прислали потому, что я сделал кое-что. Я знал, что они придут, и сказал тебе, что ответить. Ты только написал вместо меня. Понимаешь, что к чему? Ты всего лишь выполнил мой приказ. И следующий выполнишь, и следующий, и еще один – пока долг не будет погашен.

– А... когда он будет погашен?

Бэкфилд отнял письма и сунул в карман.

– Когда я решу.

Он вышел из голубятни, сияя и блестя. С такими письмами да с покровительством Бэкфилду обеспечена и карьера, и чин, и столица. Да что угодно! Даже Ориджин забудет свои дурацкие обиды. Он ведь умный человек, иначе б не победил владыку. А умный человек думает головой и умеет отличить выгоду от...

– Майор, что вы забыли на голубятне?

Здоровяк в синем плаще возник на пути – капитан Шатт-эрхенд, командир столичной лазурной роты, прихвостень Минервы. Бэкфилд терпеть не мог офицеров, которые выслуживаются перед владыкой – особенно тех, которые делают это успешнее, чем он.

– Лейтенант Шаттэрхенд... простите, капитан. Забыл поздравить с повышением.

– Благодарю, майор. И все же, что делали в почтовом ведомстве?

– Не помню такой статьи устава, где сказано, что это вас касается.

– Пожалуй, не касается. Но вы ведете себя странно: только вышли от владычицы, как сразу в голубятню. Кому послали письмо? Что в нем?

Благодушие Бэкфилда начало уступать место гневу.

– Тьма сожри, капитан, вы следили за мной?!

– Никак нет. Я последовал за вами лишь затем, чтобы задать вопрос. Но вы так спешили на почту, что я отстал. Решил подождать вас тут. Ожидание затянулось, и я имел время задуматься. Теперь новый вопрос заботит меня сильнее прежнего: кому вы так срочно отправили послание?

– Пойдите к черту.

Бэкфилд решительно двинулся дальше. Шаттэрхенд заслонил ему путь. Они столкнулись, капитан оказался крепче, майор отлетел на шаг.

– Шаттэрхенд, ради Темного Идо, дайте дорогу! Иначе...

Бэкфилд бросил руку на эфес. Мундир сдвинулся, потревоженный этим рывком, и из кармана показался уголок письма. Взгляд капитана прилип к нему.

– Вы не отправили письмо, а перехватили чужое! Именем Короны, я требую отдать его!

– Убирайтесь, капитан.

– Вы поступили низко с этим Инжи и его крохой. Вы обманули Уитмора и Ворона. Ручаюсь: сейчас держите на уме новую мерзость.

– Желаете проучить меня – пришлите секундантов, поговорим на рассвете. А сейчас прочь с дороги, я спешу.

Шаттэрхенд помедлил – наверное, взвесил шансы напасть на майора и остаться не только живым, но и любимчиком владычицы. Шансы были так себе. Капитан сделал шаг в сторону, Бэкфилд прошел мимо, на всякий случай готовый к атаке. Шаттэрхенд сдержался. Оставив его за спиной, майор растянул губы в ухмылке. Капитан – не крупный гад и не мелкий, он вообще не гад, потому нет смысла опасаться его.

– Майор, есть только один способ, как вы могли появиться на свет. Праматерь Люсия спала с холопами. И с шаванами. И с их рабами.

Бэкфилд не принимал решения. Он услышал голос капитана, понял смысл – и миг спустя рубил наотмашь. Капитан отбил, шагнул вбок, атаковал с фланга. Бэкфилд легко отразил удар, увел в сторону вражеский клинок, ринулся в брешь защиты. Капитану пришлось отступить, а Бэкфилд атаковал и давил, загоняя в угол. Капитан сделал финт, ударил по ногам – но он слишком силен, а значит, медлителен. Бэкфилд уклонился и пнул капитана, отбросив к стене. Клинок сверкнул молнией – смертоносный прямой выпад...

Уже лежа на полу Бэкфилд понял: подлец капитан спла-

нировал все. Здесь слишком тесно, он это учел. В решающий миг прыгнул в сторону, клинок Бэкфилда вонзился в стену – и на миг застрял в штукатурке. Капитан ударил, майор упал, выронив оружие, и капитан пригвоздил его к полу.

– Подонок, – прохрипел Бэкфилд, – подлец!

– Я? – удивился Шаттэрхенд. – Отдайте письма.

– Нагнись и возьми.

Не вынимая клинок из раны, капитан шатнул его влево-вправо. Судорога боли пронзила тело майора.

– Ваша рана пока не смертельна. Но это легко изменить.

Письма, майор!

Левой рукою – правую он не чувствовал – Бэкфилд вынул из кармана конверты. Капитан взял их, одной рукой раскрыл, вторую держа на рукояти шпаги.

– Благодарю. Вернемся к моему исходному вопросу...

Краем глаза капитан скользнул по листу, зацепился за какое-то слово, возможно – имя. Зрачки расширились.

– Ого!.. Пожалуй, мой вопрос снят. От лица Короны благодарю вас за подарок.

* * *

Май 1775 г. от Сошествия

Тот же день

Маренго, дворец Тишины

Крошка Джи не очень-то испугалась. По крайней мере, не за себя.

За короткую жизнь особенной беды ей не выпадало: умереть – не умерла, болеть – не болела, руки-ноги не ломала. Частенько сидела голодной, но привыкла, считала – так и нужно. Потому Джи верила: Праматери ее любят, и ничего слишком плохого с нею не стряется, даже в темной запертой комнате.

Взрослые – другое дело. С ними все время случалась беда. Папа исчез сам собой, маму забрал мор. Крошку приютили тетя с дядей, но у них сперва сгорел дом, а потом их убил страшный человек по имени Лед. Тогда у Крошки появился дядя Инжи. Он был, наверное, лучшим из всех – даже лучше папы. За него Крошка очень сильно боялась. Взрослые всегда исчезают...

Оказавшись взаперти, она мало времени потратила на слезы. Когда Джи вырастет, станет пираткой, а пираты не плачут почему зря. Она протерла глаза, осмотрелась: было темно, лишь слабенький свет лился сквозь оконце. Наверное, я в темнице, – подумала Джи и взбодрилась от этой мысли. Пиратов сажают в темницы, и дядя Инжи бывал в темнице. Интересно, каково тут! Она обошла и осмотрела темную комнату – ощупала ладошками. Ничего особенного не нашлось. Большая недетская лежанка, стул, доска на стене – вместо стола, и ведро – вместо ночного горшка. Странно, что о темницах так много говорят. Ничего тут интересного,

скука.

Тогда Джи решила выглянуть наружу. На двери имелось малое решетчатое оконце выше головы девчушки. Не беда – есть стул. Подтащила его, взобралась, выглянула. Там был коридор, освещенный одной лампой. В противоположной стене виднелись две двери с решетками – одна слева, другая справа.

– Дядя Инжи! – позвала крошка.

Она помнила, как злая барышня сказала: «Вниз его», а потом: «Ее тоже вниз». Если низом злюка называла темницу, то дядя Инжи тоже где-то тут. И верно: за правой дверью раздался шорох, в решетке показались усы.

– Крошка?..

– Я здесь!

– В темнице?! Тебя тоже заперли?!

Сама Крошка Джи не удивлялась этому. Она – пиратка, а Инжи – пират. Они – два моряка из одного экипажа. Было бы странно, если б его заперли, а ее – нет. Но Инжи сказал удивленно и горько:

– Совсем она душу потеряла...

– Кто потерял?

– Минерва.

– Эта злая барышня?

– Раньше не была злой, но потом...

– Кто она такая? Почему злится?

– Владычица.

Крошке Джи захватило дух.

– Императрица злится на нас? Это как в сказке, да? Она злая потому, что потеряла душу, но мы найдем и вернем!

– Да, Крошка. Так и будет. Знаешь, с чего надо начать?

Он понизил голос, она тоже ответила шепотом:

– Сбежать из темницы!

– Умница! Что есть у тебя в камере?

– Где есть?..

– Камера – это комната в темнице.

– Ага...

Кроха перечислила все предметы.

– Говоришь, ведро... Оно деревянное?

– Ну да.

– Обжато железными обручами?

Кроха ощупала ведро.

– Да, есть такие колечки.

– Сними с него одно.

– Дядя Инжи, я не могу.

– Так не руками. Слушай...

Он объяснил. Она положила ведро на бок и прыгнула на него со стула. Дерево разлетелось, железные кольца спали. Кроха с Инжи прислушались, не идет ли кто на звук. Шагов не было.

– Теперь дальше. Одно кольцо сплющи, чтобы вышел плоский длинный прут.

Она сделала.

– Залезь на стул, возьми прут в ручку и просунь сквозь решетку. Она сделана так, что взрослая рука не пролезет, но ты маленькая, сможешь. Потому и прошу тебя.

Крошка Джи немного обиделась. Думала, Инжи просит потому, что она – его помощница и напарница, а оказалось – только потому, что руки маленькие... Но сейчас не время разводить обиды: надо выбраться из камеры и вернуть душу владычице!

– Посмотри на мою дверь – видишь снаружи засов? На твоей двери есть такой же. Нащупай его прутом, подцепи и сдвинь влево.

– Влево – это куда?

Он показал. Она просунула сквозь решетку прут и руку по локоть. Согнула руку, опустила железку, стала шарить по наружной стороне двери. Инжи командовал:

– Левее... выше... теперь правее...

Но даже с его подсказками было идовски трудно. Чтобы достать до засова, пришлось взять прут за самый кончик, он от этого стал вдвое тяжелее. Двигать его тремя пальчиками было почти невозможно. Джи кусала язык от натуги, пыхтела, вжималась в решетку. Наконец, подцепила рукоятку засова, и Инжи выдохнул: «Да!» – но прут соскочил и чуть не выпал из пальцев.

– Ай, канала! – ругнулась Крошка по-пиратски.

– Каналья, – поправил Инжи. – Но ты при деле не ругайся. Сосредоточься и выполни, а потом сколько хочешь.

– Не получается... Тяжело очень.

– Подложи под себя что-нибудь, станет легче.

Она сложила на стул обломки ведра, залезла, упала. Потерла ушибы, вытерла слезы. Сложила ровнее, аккуратнее. Залезла, просунула в решетку руку с прутом – на сей раз по плечо.

– Легче, дядя Инжи! Сейчас я...

– Тихо! Прячься!

Она тоже услышала шаги и втянула руку в камеру. Сунула прут и обломки ведра под лежанку, села, чинно сложив руки – и в этот миг дверь отворилась.

В коридоре стояли трое, Джи хорошо видела их: двое из трех держали лампы. Одним был незнакомый мужик в кожаном фартуке, с какими-то железками на поясе. Другим – высокий и красивый воин в лазурном плаще. Крошка назвала бы его добрым рыцарем, если б он не служил злой владычице. Третьей была императрица без души.

– Приказ ясен? – спросила она, и мужик в фартуке ответил:

– Да, ваше величество.

– Тогда приступайте.

Мужик вошел в камеру Крошки, а владычица-злюка и ее солдат – в комнату Инжи.

Мужик придвинул стул и сел рядом с Крохой. Снял с пояса узкий нож – Инжи учил ее метать такие.

– Зачем это? – спросила Крошка. – Здесь метать некуда,

стены-то из камня.

Мужик прижал палец ко рту – утихни, мол. Заговорил шепотом:

– Ты хочешь, чтобы стало больно?

– Не хочу, – ответила Крошка тоже шепотом. Мужик в фартуке был какой-то жутковатый, при нем хотелось говорить тихо, а не громко.

– Тогда кричи.

– Кричать, когда будет больно?

– Нет, дуреха, сейчас.

– А... зачем?

Он, кажется, начал терять терпение. Но голоса не поднял, все так же прошептал:

– Слушай. Я не обязан тебя мучить, но ты должна кричать.

Владычица велела, чтобы ты кричала. Ясно?

Да, стало чуть яснее.

– Это как в сказке? Она злая и любит детские слезы? Нужно кричать и плакать?

– Да нет же, просто закричи!

– А как?

Он замахнулся кулаком. Крошка взвизгнула.

– Хорошо, но давай дольше.

– Иииииии! – завопила Джи.

– Можешь не так пискляво? Уши вянут.

– Аааааааа!

– Ага, теперь прокричи какое-то слово.

– Какое?

– Ну, хоть: «не надо».

– Хоооть не наааадооо!

– Дура!

– Ааа! Не надо! Больнооо! Ааааааа!

– Угу, – шепнул мужик. – Так подойдет. Передохни чуток, потом давай снова.

Во время передышки она прислушалась, что творилось у дяди Инжи. Услышать было легко: в отличие от фартучного мужика, Инжи говорил в полный голос.

– Прекратите это, ваше величество! Она не виновата! Отпустите, дитя же!..

В ответ раздались холодные слова злоки:

– Я тоже была деткой. По крайней мере, вы меня так звали.

– Да, провинился, я ж не спорю. Но Кроху не мучьте! Чем она заслужила?!

– Сударь, вместе со мною тоже страдала невинная девушка. Я слушала ее крики. Послушайте и вы, разделите мои чувства.

– Сейчас давай, – шепнул мужик Крошке.

Она завопила. В камере Инжи что-то произошло: раздались быстрые шаги, звук удара, звук падения, стон.

Мужик усмехнулся:

– Давай чуть тише, а то он там убьется об лейтенанта.

– Это Инжи упал?!

– Ну, не лейтенант же.

– Дядя Инжи! – Кроха кинулась к двери, но задохнулась, когда мужик поймал ее за шею.

– Так не договаривались. Не беги, а тут сиди. И вопи, буд-то я тебя пытаю. Ага?..

Мужик отпустил Кроху, она покричала, сколько было дыхания. Умолкла, прислушалась к той камере. Говорила злока:

– Вы оказали мне последнюю милость: попросили шейландцев поговорить со мной, чтобы было не так страшно. Вот и я пришла с вами поговорить. Не желаете ли?

– Отпустите Крошку, будьте же...

– Вы звали меня Мирой и деткой. Зовите теперь так же. Меня постоянно предают люди, говорящие: «Ваше величество». Хочу вспомнить, каково быть преданной человеком, который говорит: Мира.

– Святые Праматери! Детка, какую же ты стала...

– Я стала? Возможно, меня сделали такой?.. Эй, что за тишина! Почему не слышу криков!

Мужик кивнул Крохе, она завопила, но не слишком громко – не хотелось кормить бездушную злоку. В перерыве услышала:

– Так вот, сударь, я желала побеседовать с вами. Знаю одну любопытную тему: прощение. Хороший человек советовал мне научиться прощать. Я потренируюсь на вас, Инжи. Не стану лгать: это сложная задача. Помогите, будьте так

добры.

– Как помочь?

– Вы учили меня справляться с похмельем, бороться со скукой, очаровывать мужчин, убивать людей... Теперь научите прощать. Скажите что-нибудь такое, что поможет мне простить вас.

– Ваше величество, ну...

– Мира.

– Мира, пойми... Я ж не хотел тебе зла, просто служил. Приказали – сделал. Сама же помнишь: я к тебе со всей душой. Но приказ есть приказ, не отвертись...

– Скучно, – ответила она. – Эй, палач, мне скучно!

Мужик в фартуке кивнул Крохе. Вместо крика она шепотом спросила:

– Ты – палач?

– Ага. Вопи давай.

Она коротко визгнула и вернулась к вопросу:

– Казнишь людей?

– Пытаю, казню.

– Часто?

– Раз в месяц, а то и реже. Здесь тихо, это ж не Фаунтерра.

– А как казнишь? Топором?

Он пожал плечами:

– Как суд решит. Топором, петлей, колесом... Кричи еще.

– Аааа!..

Она что-то пропустила – когда утихла, снова говорила

злюка:

– Не пытайтесь разжалобить, сударь. Не люблю жалких людей, да и вам не к лицу.

– Детка, я не о жалости, а о жизни. Мы не выбираем, какими быть. Сама сказала: нас такими делают. Кругом жестокость, равнодушие, подлость – вот и мы становимся...

– Что за словечко – «мы»? Вы видели меня подлой или равнодушной?

– Видел жестокой. Сейчас вижу. Пытаешь ребенка.

– Не волнуйтесь, Инжи: скоро займемся и вами. Скажите, наконец: как мне вас простить? Вы верите, что можно быть подлецом, что жестокий приказ или жестокая жизнь оправдывают злодеяния. Выйдя отсюда, вернетесь на ту же дорожку.

– Клянусь, что...

Палач кивнул Крохе, она покричала.

– Простите, не расслышала, – буркнула злюка.

– Я больше не...

Палач снова кивнул, крик оборвал слова Инжи.

– Снова не уловила, шумно здесь.

– Я изменился, стал другим!

Палач кивнул, Кроха шепнула:

– Подожди, дай послушать!

– Велено кричать.

– Тебе же тоже любопытно. Ну хоть минутку!

Он смирился и наострил уши. Злюка говорила:

– Сударь, скажите еще, что изменились благодаря мне. Соврите о том, как горько раскаялись и извелись упреками совести, все осознали, все переосмыслили. Молили богов дать второй шанс – и тут явилась Крошка Джи. Почти как я, только мельче и трогательней. Не это ли доказательство вашей перемены?

– Верь или нет, но так все и было. Чем хочешь поклянись...

– Клянитесь чем угодно, я не поверю. Вы были хитрецом, им и остались. Кроха для вас – маскировочный плащ. Кстати, палач, почему не слышу криков?!

Палач не успел ответить – снова что-то случилось. На сей раз шагов почти не было, только один, тяжелый – как прыжок. Тут же удар, еще удар, стон, удар, лязг железа. Глухой звук тела об пол.

– А он быстрый, – сказал солдат императрицы.

– Дядя Инжи! – закричала Кроха и метнулась мимо палача, но снова была поймана. Тяжелая ладонь зажала ей рот.

– Это становится опасно, – сказал солдат. – Ваше величество, позвольте его обезвредить.

– Он нужен живым.

– Подсечь сухожилия – жить будет, но не встанет.

– Как думаете, Инжи, дельный совет? Нужны вам еще сухожилия ног?

Раздался кашель, кряхтение, хруст суставов. Не без труда дядя Инжи поднялся на ноги.

– Ладно, детка. Раз так сильно просишь, то слушай. Только не злись потом, сама ж напросилась. Ты вот носишься со своею обидой, строишь из себя невесть какую мученицу... Сперва я исполнил двух человек, а потом устроился в гильдию. Там меня доучили и дали несколько заданий. Исполнил еще пятерых, лишь тогда попался. На суде из семи доказали только одного – потому я получил не петлю, а цепь, весло и миску похлебки. Но на галере Инжи Парочке не понравилось. Может, кто и рожден для гребли, но не я. Сбежал твой Парочка с галеры, а надзиратели были против – пришлось еще двоих уделать: одного цепью, второго за борт. Потом я странствовал и не много исполнял, но иногда приходилось. А потом занесло Парочку в Уэймар, где и нанялся к доброму графу Шейланду. Как думаешь, детка, ты была первой, кого мы выкрали по заказу графа? Пожалуй, и не второй... Словом, я к чему веду. Ты осталась жива и здорова, только хлебнула страху, да поболело чуток. Не кривись, так все и было. Может, ты права, и я законченный подлец, но не тебе о том судить. А может, есть во мне что-то такое, за что и простить можно – но снова же, не тебе решать. Ты, может, простишь мне свои страдания – а остальное кто простит? Только Праматери взглядом сверху могут все оценить по справедливости. Хочешь простить меня или не простить – вылезти из своего тельца, представь себя Праматерью, посмотри ее глазами.

Воцарилась тишина. Палач уважительно покачал головой: во твой Инжи завернул! Крошка гордо подняла нос: да, он

может.

А в коридоре тем временем раздались шаги. Еще один воин в синем – даже выше и красивее первого – прошагал мимо камеры Крошки и вошел к Парочке.

– Ваше величество, срочное сообщение.

– Благодарю, капитан. Дайте мне несколько минут.

– Кхм... Владычица, лучше прочтите эти письма сейчас.

Они имеют прямое касательство к нашей беседе... ну той, о прощении.

Раздался шорох бумаги. Долго висела тишина, потом – снова шорох. Тишина стала такой мучительной, что Крошка спросила:

– Покричать?..

Палач шепнул:

– Не, сейчас не надо.

Шорох – и снова тишина. Потом легкие, звонкие шаги – владычица расхаживала по каменному полу. Наконец, раздался ее голос. Он, как будто, стал теплее:

– Благодарю вас, капитан. Действительно, очень важно.

– Рад служить.

– Взяли их у Бэкфилда?

– Так точно.

– Он собирался продать их мне или кому-то другому?

– Сложно судить, ваше величество. Я встретил его на выходе из голубятни. По меньшей мере, он не хотел отдавать их мне.

– Бэкфилд жив?

– Конечно. Во Дворце Тишины хороший лекарь.

Крошка услышала кашляющий звук и не без труда поняла: это владычица усмехнулась.

– Вы – моя опора, капитан. Я очень вам обязана.

– Рад служить вашему величеству!

– Скажите... тот шприц с жидкостью – еще у вас?

– В Фаунтерре, в холоде.

Ее каблуки клацнули несколько раз, она остановилась в новом месте – наверное, возле Инжи.

– Что ж, сударь, ваш совет звучит очень дельно, как и все ваши советы. Я принимаю его.

– Ты шутишь!..

– Ничуть. Скажите, тот судья, что послал вас на галеру, был справедлив?

– Самый честный изо всех, кого я видел.

– А Праматери Ульяне доверяете? Считаете ее справедливой?

– Странно мне было б не верить ей. После всего, что для нее сделал, я ее любимый слуга.

– Тогда предлагаю вам два варианта на выбор. Первый таков: вы просто вернетесь на галеру. Мы доверимся честному судье и выполним то, что он предписал. Крошка Джи, конечно, выйдет на свободу.

– Сегодня выйдет?

– Как только мы с вами договоримся.

– За это благодарствую... Но галера Парочке не очень-то по вкусу. Что за второй вариант?

– Второй таков... – владычица помедлила, и Крошке почудилось, что кусочек души все-таки сохранился в ней. Чувство развеялось сразу, едва злока заговорила: – В вашу вену введут жидкость: смесь крови, трупного яда и некоего особого вещества. С равным успехом вы можете умереть или выжить, или обрести особую силу. Я буду считать это судом Ульяны Печальной. Если умрете – значит, Праматерь взяла вас. Если выживете – значит, она вас простила, тогда прощу и я. В этом случае забуду все ваши проступки и верну вам свою дружбу, и дам хорошую работу, если пожелаете. Одно условие: вы больше не станете убивать. По крайней мере, без моего приказа.

– Гм... Детка, сколько мне дано на решение?

– Минуты две.

– Дашь увидеть Крошку Джи?

– Конечно.

* * *

Май 1775 г. от Сошествия

Спустя шесть дней

Фаунтерра, дворец Пера и Меча

Гвардеец, несший вахту слева от двери, наполнил рюмку

вином из кувшина и опрокинул в рот.

– Достойный напиток.

– Достойный ее величества, – кивнул Рональд Вигам.

– Она давно не пила, – отметил гвардеец.

– Знаю. Шесть дней.

Воин протер бокал платком. Конечно, он не видел в Рональде отравителя, но служба есть служба. В ответ на стук в дверь раздалось: «Войдите», – и Вигам вошел.

Ее величество сидела у стола, заваленного бумагами и томами. Страницы пестрели рисунками – кажется, то были реестры Священных Предметов.

– Ваше величество, простите непрошенное вторжение. Я решил порадовать вас восхитительным вином: оркадским куадо семилетней выдержки.

– Верю, что ваш выбор, как всегда, прекрасен. Поставьте здесь, будет чем запить шоколад.

Он опустил кувшин и бокал в крохотный просвет между бумаг, возле вазы с конфетами.

– Ваше величество... позвольте, я осмелюсь дать вам совет. Не стоит закусывать вино шоколадом: это убивает вкус напитка.

– Правда?..

– Да, ваше величество. Шоколад очень вязок, он обволакивает рот и мешает вину соприкоснуться с органами вкуса.

– Благодарю... Сударь, вы подаете мне вино почти полгода. Каждый второй раз я пью его с конфетами. Почему толь-

ко теперь вы раскрыли тайну?

Вигам помедлил. Правдивый ответ был долог, а может ли чашник злоупотреблять временем господина?

Правда состояла в том, что северянка не пила уже шесть дней подряд. Прежде такое случалось лишь раз – не по желанию Минервы, а по воле ее исповедницы. Теперь же северянка сама решила воздержаться, и шесть сухих дней вызвали в душе Вигама перемену. Впервые чашник задумался: а ведь он может ее потерять! Минерва не знала сортов и марок, смешала весь двор грубостью вкусов – но она пила. Каждый вечер Вигам приносил ей что-нибудь – и был нужен. Не просто нужен! Он дарил ей отраду, врачевал душевные раны, пускай и грубым снадобьем. Чашник при пьющей владычице – первый среди дворцовых слуг!

Но он постоянно жаловался на судьбу и обидел богов своею неблагодарностью. Они отплатили Вигаму: северянка бросила пить. Всего шесть дней прошло, но чашнику хватило, чтобы сполна ощутить пустоту. Чего стоит его родовая привилегия – наполнять кубок владычицы, – если владычица не просит кубка? Даже лорд-канцлер с лидским орджем мало радовал Вигама: настроение герцога не зависело от орджа, чашник не спасал его от душевной боли, а просто наполнял бокал.

И вот Вигам сам, без спросу, приплелся к Минерве, неся кувшин лучшего, любимого своего куадо. Без воды, без примесей – кус чистый и светлый, как печаль чашника.

– Ваше величество давно не просили вина, – сказал он наконец. – Я подумал, что напиток богов опротивел вам из-за неправильного способа употребления. Потому и решился дать совет. Если будет позволено, я бы добавил еще кое-что.

– Слушаю вас.

– Когда ваше величество не ест шоколад, то пьет вино безо всякой закуски. Это тоже мешает наслаждению. Вкус большинства вин лучше всего раскрывается благодаря фону из определенного яства. К нынешнему куадо прекрасно подходят нежные мясные блюда – например, паштет из гусиной печени.

– Звучит весьма познавательно... Сударь, когда хотя бы часть моего разума освободится от политики, экономики, армии, налогов и Священных Предметов – не будете ли так добры научить меня разбираться в винах?

Вигам моргнул.

– Это... это честь для меня, ваше величество! Конечно, с великим удовольствием!

– Ловлю на слове.

Вигам спросил с замиранием сердца:

– Только, ваше величество, чтобы изучить вкусы, нужно будет пробовать... Если вы совсем откажетесь от спиртного, то я не смогу...

Владычица улыбнулась в ответ:

– Мне далеко до Вильгельма Великого. Я не обладаю такой силой воли, чтобы отказаться совсем. Я только реши-

ла несколько ограничить себя. При моем визите в Маренго произошло кое-что... Пришлось принимать непростые решения, управлять чужими судьбами. Я поняла: если беру на себя смелость судить, оценивать, прощать или не прощать – то должна сама стать хоть немного лучше. Вы согласны?

– Ваше величество, это попросту невозможно! Я не нахожу в вас изъянов! Кроме одного, совершенно ничтожного: склонности к белому сладкому вину. Поверьте, его создали южные торговцы чтобы убивать купцов-конкурентов. По чистой случайности этот снаряд угодил в императорский двор.

Минерва рассмеялась и попробовала куадо.

– Очень вкусно, сударь. По-особому вкусно.

– К тому и стремился, ваше величество.

– Вот только, кажется, это вино плохо подходит к размышлениям, а мне очень нужно подумать. Принесите его, когда буду гордиться собою, а сейчас велите подать кофе.

– Конечно, ваше величество. Рад служить!

Он вылетел из кабинета буквально на крыльях и промчался по коридору словно сокол, отпущенный из клетки. Боги, каким же был дураком, что не ценил! И Адриан, и Телуриан слыли тонкими знатоками вин, их вкус еще с юности был совершенен, отец Вигама служил их чашником – но не наставником! Рональду выпал исключительный шанс: обучить владычицу-невежду, взрастить из нее истинно великую царицу! Какой еще чашник за все века Династии мог похвастать та-

кою миссией?

Ослепнув от радости, Вигам чуть не налетел на встречных – точно как в день ссоры фрейлины с Минервой. Только теперь на пути попалась не леди Тальмир, а гвардейский капитан, ведущий девушку. Вигаму было не до них, он думал о своем, потому несколько секунд тупо пялился на девицу, почти ее не видя. Потом сообразил: она носит плод, месяц этак третий. Еще почти не видно, но у Вигама с тремя-то детишками глаз наметан.

– Простите, сударыня, не хотел вас напугать.

– Смотри, куда прешь!

Тут он заметил еще одно: одежда на девушке – простая, мещанская. Чашник возмутился: по какому праву мужичка ему хамит? Он обратился к гвардейцу:

– Капитан, что делает простолоудинка в императорских покоях? Я не хочу проявить бестактность, но если владычица увидит, кого вы привели, а тем более услышит ее речь...

– Это не простолоудинка, а личная гостья леди Тальмир. Позвольте пройти.

Они двинулись своим путем. Вигам задумался.

Он был честным парнем и знал свое место. Тот разговор фрейлины с Минервой подслушал из чистого любопытства и никому не посмел пересказать. Однако теперь знание налагало обязательство. Он слышал, как императрица заподозрила фрейлину в измене. А нынче эта самая фрейлина зовет во дворец невесть кого, еще и задействует капитана гвар-

дии. Если происки Лейлы Тальмир получили развитие, Вигам должен об этом узнать и защитить владычицу. Или не должен? Или все-таки?..

Он рассудил мудро: подумать можно и потом, а вот послушать потом нельзя. Спустя минуту он стоял в черном коридоре, предназначенном для горничных и лакеев. Коридор для слуг огибал спальню леди Тальмир, и кто-то говорил Вигаму, что там имеется щель между камней. Оставив поднос, он стал оглаживать драпировку чуткими пальцами, пока не нащупал прогиб: ткань есть, а камня под ней нету. Вигам припал ухом к отдушине.

– ...как же ты добра, что пригласила во дворец! Я вне себя от счастья!

Голос не принадлежал фрейлине, значит, говорила му-
жичка. Вигам протер уши: она зовет леди Тальмир, вторую
женщину двора, – на «ты»?!

– Вот только я ничего не рассмотрела из-за темноты. Днем
у тебя не нашлось времени? Или боишься, что кто-нибудь
увидит твою дочь?

Нет, слух точно подводит Вигама: эта простолюдинка го-
ворит «ты» второй женщине двора, и к тому же собственной
матери!

– Молчи и слушай, – прервала ее леди Тальмир.

– Ха-ха! Я всю жизнь только это и делаю: молчу и слушаю
тебя! А ты меня слушала когда-нибудь? Или все заглушает
голос твоей жалости к себе?!

– Я слушала две недели назад, когда ты сообщила новость. Я потратила это время, чтобы исправить твою ошибку.

– Бедная мамочка, как же тебе не повезло со мной! Только сбылась твоя мечта: вернули ко двору, приманили, приласкали, как собачку, – жить бы да радоваться! Но на зло есть я со своими...

Раздался сухой хлесткий звук – видимо, пощечина. Вигам не был уверен: ему не случилось давать оплеухи жене или дочкам, никто не доводил его до такого.

– Ай! – вскрикнула мужичка и умолкла.

– Слушай и смотри, – отчеканила леди Тальмир. Раздался шорох бумаг. – Вот адрес одной дамы, которая улаживает вопросы, подобные твоему. Она знает твое положение и найдет подходящую партию – мужчину из хорошей семьи, который закроет глаза на оное положение.

Вигам присвистнул: вот, значит, как! Дочь фрейлины носит в животе бастарда! Не диво, что леди Лейла держит это в тайне.

– Дама ждет оплаты за услуги; жених захочет вознаграждения за свою снисходительность. Здесь пять тысяч эфесов в векселях и ассигнациях, этого будет достаточно.

Снова шорох бумаг.

– И последнее. Нельзя ждать, что твой жених окажется первенцем лорда – такого чуда не сотворит ни одна сводница. Но я хочу, чтобы не дочь, так внучка моя стала дворянкой. Вот грамота за подписью владычицы о пожаловании мне

ленного владения: две деревни и восемьсот акров земли на берегу Ханая. А вот дарственная на твое имя.

Судя по шороху, мужичка взяла бумаги. Леди Тальмир сказала:

– Ты должна знать. Чтобы получить это так быстро, я совершила один очень мерзкий поступок и пошла на ссору с ее величеством. Рискнула и честью, и положением. Лишь по милосердию владычицы ты держишь в руках эти бумаги.

– Зачем ты это говоришь? Я теперь должна сгореть от стыда? Ползать на коленях и молить о прощении? Ты тоже поступила, как я! Меня б на свете не было, будь ты святошей!

– Я не имею намерения прощать, потому в просьбе нет смысла. Надеюсь в следующий раз увидеть тебя через пять лет, когда придет время отдать внучку в пансион. Не думай, что я позволю тебе испортить дитя. А теперь – ступай.

Она дважды хлопнула в ладоши. Скрипнула дверь, раздались тяжелые мужские шаги.

– Будьте добры, капитан, проводите сударыню.

Мужичка сказала что-то напоследок, но Вигам не расслышал: он был слишком потрясен.

Дочь леди Тальмир опозорила себя и мать, втоптала в грязь имя рода – и все равно получила жениха, деньги и титул. Единственной карой стало всего лишь отсутствие прощения! Рональд Вигам не мог вообразить, чтобы он сам или его отец, или мать, или хоть кто-нибудь на свете так великодушно обошелся со своим ребенком.

Теперь ты колдун

*Август 1756 г. от Сошествия Праматерей
Уэймар*

Когда раздался стук дверного молотка, Мик был очень занят. Он оттачивал технику «черного ветра», какую применяют жала криболы. В книге говорилось: «Совмещая заклинание морока и текучую плавность движений, болотный асасин может оставаться за краем поля зрения жертвы до самого момента атаки». Плавности движений Мику слегка недоставало: сегодня грохнулся посреди читальни, прямо под ноги Клариссе. С заклинанием морока тоже трудно: не поймешь, на себя его насылают или на противника. Что оно такое, этот морок? Он как плащ невидимости – накинул и исчез? Или какая-то хитрая пыльца – бросил в глаза, враг ослеп на месте? В книге не уточнялось, Мик пробовал и так, и этак. Противником был тот гад – охранник из банка. Мик подходил к нему в плаще, но без капюшона, потому видимый. Охранник спрашивал: «Зачем приперся?» – а Мик ему: «За твоей душой!» И сразу – капюшон на голову, хлоп – и исчез, как не было! Охранник туда-сюда: что такое, ой-ой, на помощь! – а Мик текучим плавным движением вжик ему за спину, и ножом по горлу. Один вдох – и гад на Звезде. Недаром дана кличка – Шустрый Мик!

С другой стороны, если морок – это пыльца, то все выходит еще красивее. Ведь верзила тогда совсем ослепнет, может даже со страху обделается! А Мику не придется носить плащ, и это очень хорошо, ведь летом в плаще взмокнешь от пота. Он как раз увлекся этим вариантом, распробовал все преимущества – и потому не сразу услышал стук.

А стук, между тем, сделался настойчивым до злобы. Кто-то колотил в дверь так, будто короля не пускают в тронный зал. Мик похолодел от испуга, спрыгнул с койки и шустро побежал отворять. После заката библиотека закрыта, это знает каждый грамотный горожанин. А раз человек знает, но все равно стучит, да еще так злобно – значит, есть у него право колотить в дверь. Видать, он – слуга какого-нибудь старейшины или самого бургомистра, или даже посыльный из замка. Такой парень может и Мика поколотить за промедление. Так что Мик прошмыгнул через читальный зал, перескочил край ковра, за который зацепился днем (текучая плавность, ага), вылетел в холл, дернул щеколду, распахнул...

За дверью не было никого. Сверкнула мысль: «Ассасин! В плаще невидимости!» Мик аж подпрыгнул, но успокоился от новой мысли: зачем ассасину стучать в дверь? Он бы ветром просочился в щелку, или шепнул магический заговор – щеколда бы и открылась. Так что Мик вышел за порог и хладнокровно, гордясь собою, осмотрелся. Сбоку от двери прямо на камнях веранды сидел человек. То был паренек – худосочный и мелкий, меньше Мика. Ясно, он не был ассасином,

и посыльным из замка тоже, и Мик напустился на него:

– Какого черта ты так колотишь?! Возьми молоток и постучи себе по...

Мик осекся, когда паренек поднял голову. Лицо – один большой синяк, нос расплющен, губы в крови. К тому же юноша трясся в ознобе – так сильно, что бился затылком о стену.

– Д-д-дай книгу, – выдавил парень.

– Досталось тебе, – посочувствовал Мик. – Давай-ка я...

Но что – я? Отведу тебя к лекарю? Есть ли у парня деньги? Одежда – рвань, тельце – кожа да кости. Нищий бродяга. Тогда – сам помогу? Так не умею же. Был бы я знахарем – тогда б конечно. Одно заклинание от боли, второе...

– Дай мне к-книгу.

Мик нахмурился:

– Ты бредишь, что ли? Это паршиво. Бредишь – значит, горячка, а горячка – значит...

– Мне плохо! Будет нервный коллапс! Дай же книгу! Скорее!

Паренек цедил слова со злобной мольбой. Хоть и просил о помощи, но умудрялся как-то между строк назвать Мика идиотом. Тот обиделся:

– Знаешь, чудила, я вообще-то помочь хочу. Но если такой умный, то могу и не помогать. Пойду себе, а ты сиди, умничай.

– Нет, извини! – вскричал парень. – П-пожалуйста, не на-

до, не бросай!

– Другое дело. Давай тогда вот что... я придумал. Если у тебя горячка, то, наверное, где-то есть плохая рана. Затащу тебя в прихожую и принесу лампу. Найдем рану, а потом...

Что делать с гнойной раной – Мик не представлял. Если в трущобах у кого-то случалась такая, то на нее мочились или клали куриный помет, или серебряную монетку. Судя по тому, что происходило дальше, это были не лучшие способы.

– Ладно, парень, мы же в библиотеке. Потерпи немного, я найду какую-нибудь книжку про целительство, и...

Мика осенило:

– Вот ты зачем книгу просил! Значит, котелок еще варит, хорошо. Давай-ка, пойдем...

– Что приключилось с этим несчастным? – на плечо Мика легла мягкая ладонь мастера Линена, хранителя городской библиотеки.

Многие годы за книгами испортили зрение мастера. Без линз он не видел дальше ярда от собственного носа, тем более в сумерках. Мик пояснил:

– Мастер, его сильно отдубасили, вся рожа в синяках, и еще его трясет.

Библиотекарь выронил:

– Жестокое время. Мало им войны... Отведите его в мой кабинет, юноша, и ступайте за лекарем.

– Мастер, тут такое дело... Судя по одежде, у него ни агатки нету.

– И что из этого?

Мик пожал плечами и взялся за дело. Поднял бродягу на ноги, повел по лестнице вверх, в покои смотрителя библиотеки. Это не составило труда: парень весил немногим больше кошки. Мик уложил его на тахту, а мастер Линен зажег светильники и, надев очки, рассмотрел гостя. Горестно покачал головой:

– Люди бывают мучительно, неоправданно злы. Мне стыдно за человеческий род... Мик, будьте добры, сейчас же приведите лекаря. Возьмите денег в моем столе.

– Не лекарь... – выдохнул избитый парень. – Не нужен.

– Вы заблуждаетесь. Ваш вид вопиет о медицинской помощи.

– Побои – ерунда... Дело в другом... Я – свет...

Парень трясся и стучал зубами, поди пойми, что говорит.

– Вы – свет?..

– Светлый!

– Светлый? Вы дворянин, сударь? Потомок Праматери?

– Да нет же! Светлый!

Он зло стукнул себя в висок. Мик высказал догадку:

– Он говорит: мозги ему отбили. Нужен лекарь по голове.

Мастер Линен вновь согнулся над больным:

– Сударь, простите, я не понял вас.

– Я – с-светлый, – зашептал паренек натужно, напрягаясь на каждом слове. – Не теневой, не казуал, а светлый. А у вас нет сферы. Хаос! Вы понимаете?

– Я понимаю, сударь, лишь то, что вам требуется лекарство.

Мик, сейчас же...

Бродяга истошно завопил. Скорчился в сильнейшей судороге, грохнулся и забился головой об пол. На губах выступила пена.

– Мик, держите его! Не дайте разбиться!

Мик сел верхом на паренька, схватил его голову, поднял от пола. Тогда бродяга выдавил:

– Книгу...

– Сударь, побои затуманили ваш разум. Никакая книга тут не поможет.

– Дайте любую! Сейчас!

– Любую?!

Мастер Линен разинул рот в замешательстве. Избитый чудак просит книгу – это еще ладно. Может, его поколотили из-за книги. Может, ему завтра урок сдавать, наставник сожрет с потрохами, если он не выучит что нужно. Но просить ЛЮБУЮ книгу!..

– Вы бредите, – твердо сказал библиотекарь.

– Горячка, – добавил Мик.

– Дайте историю... этого города.

– Мик, будьте добры, принесите деловой справочник и найдите лекаря по мозговой части.

– Я не псих! – заорал парень так, что в ушах зазвенело. – Книгу! Мне! Подыхаю же!

Мастер поколебался минуту.

– Сударь, я вызываю лекаря. Ради того, чтобы вы спокойно дождались его приезда, я дам вам книгу. Если испортите хотя бы страницу, я лично...

– Коллапс, – тихо и жутко произнес парень. – Осталось две минуты. Книгу.

– «Трудная судьба града на Торрее» мастера Ходжсона подойдет?

* * *

– Гык, – рыгнул Даг. Он сэкономил на пиве, брал дешевое, потому отрыгивал, как кабан. – Дай угадаю. Ты принес чудиле книгу, а он ее хватить – и в окно!

– Н-нет, дальше было очень с-странно.

Мик слегка заикался рядом с Дагом. Собственно, он вообще предпочитал помалкивать. Обычно Даг рассказывал истории: про всякое на вахте да про девок, – а Мик себе слушал и поддакивал где нужно. Оно и правильно, раз Даг на два года старше и на полфута выше. Но сегодня очень уж хотелось поделиться. Такого, как Мик сегодня увидел, не бывает ни на вахте, ни у девок.

– Странно? Гык! Сам ты чудила, малой! Отбитого голодранца привел в дом, еще и книгу дал. Ну и олух! Как-то на вахте я тоже такого встретил. Он, значит, позвал к себе домой...

– Нет, Д-даг, послушай меня!

– Ты че это, перебиваешь? – Даг ляпнул ладонь на плечо Мику, пригнув его к столу. – Полегче, малой.

– Я нет, Даг, я т-того... Чудо же! Послушай – уд-дивишь-ся!

– Это я тебе удивляюсь. Перебиваешь так, будто зубы лишние во рту.

– Из-звини...

Даг потрепал его по загривку:

– Да ладно, пошутил я. Валяй уже про свое чудо.

– Ну, я принес книгу...

– И он на нее поссал! Гык.

– Нет же!

– А что?

– П-прочел.

– Вот умора! Бродяга – а еще умничает! Значит, мало его били.

– Прочел за минуту!

Даг успел отвалить еще пару шуток, прежде чем уловил смысл.

– За минуту?!

– Да, Даг! Я тебе о чем!

– За одну минуту?! Твою Праматерь! Как это?!

Мик немного приврал: паренек одолел историю Уэймара не за минуту, а за десять. Однако в любом случае – диво. Две минуты из тех десяти он хлопал глазами над первым разво-

ротом, будто пытаюсь понять буквы. Мастер Линен с Миком этого и ждали – конечно, бродяга не знает грамоты. Мастер Линен пожал плечами и раскрыл справочник в поисках лекаря, а Мик от нечего делать дальше смотрел на паренька, и на третьей минуте узрел чудо. Взгляд парня вдруг прояснился и нацелился в центр страницы. Спустя несколько секунд бродяга перевернул лист и вперился в новую страницу, спустя пару вдохов опять перевернул.

– Мастер, глядите... он это...

Мик не сказал «читает». Мик никак не мог этого сказать: у него самого прочтение страницы заняло бы полчаса, у мастера Линена – минут пять. Никто не может сглотнуть разворот за пять секунд! Но паренек листал и смотрел, листал и смотрел, листал и смотрел, и его дрожь успокаивалась, в глазах разгорался интерес, на губах расплывалась улыбка. Мик редко видел счастливых людей, но не мог ошибиться: бродяга обрел счастье.

Закрыв книгу, паренек посидел минуту с закрытыми глазами, наслаждаясь так, как пьянчуга – первым утренним глотком ханти. Потом спросил:

– Добрый человек, как вас зовут?

– Мастер Линен Маргарет Харви, хранитель Уэймарской городской библиотеки.

– Мастер Линен Маргарет Харви... можно мне еще одну книгу? Пожалуйста!

Брови хранителя сошлись к переносице. Он не любил шу-

ток как таковых, а в особенности ненавидел шутки над книгами.

– Сударь, я не позволю вам унижать и высмеивать печатное слово подобными фокусами! Вы безграмотны! Я не верю, что вы прочли хоть строку.

– Очень обидно... – сказал паренек. – Основан в тысяча четыреста двадцать третьем году, пятнадцатого августа. Начальная численность населения – триста шестьдесят два, в том числе пятеро детей. К тысяча четыреста тридцатому население составило...

В течение часа паренек назвал не только все важные даты и числа из книги, но и номера страниц, где они приводились. Под конец мастер Линен выглядел так, будто готов был упасть на колени.

– Сударь... сударь, вы – самое яркое доказательство силы слова, которое я встречал! Печатное слово не только ослабило ваш недуг, но и проникло в самые глубины вашей памяти! Сама Праматерь Эмилия, создательница азбуки, благословила вас!

Паренек скривился.

– Мастер Линен, совсем не стоит хвалить меня. Я – светлый, и не сделал ничего такого, что не умеют другие светлые. А вот вы спасли меня! Поверили и дали книгу – наверное, дорогую. Без нее меня точно ждал коллапс. Я не знаю, чем отблагодарить. Разве что у вас есть книга, которую скучно читать, но вы хотите узнать из нее все важное. Дайте ее

мне...

– Твою Праматерь! – сказал Даг и рыгнул. – Что ж потом? Старик дал ему еще одну?

– Да, а потом еще. Бродяга сглотнул и вторую, и третью. Потом вроде как наелся ими и уснул, а во сне лыбился, будто сытый.

– И на утро вы его прогнали?

– Н-нет. На утро он попросил еще, а старик сказал: «Его устами говорит Праматерь Эмилия, нельзя отказывать» – и дал. Этот парень нынче весь день сидит с книгами. Скушал их не меньше трех дюжин! И клянусь тебе: не для виду листает, а читает взаправду! Мастер Линен проверял: о чем не спросит – чудак знает все.

– Хех, – крикнул Даг, допил пиво и плюнул в кружку.

В отличие от Мика, здоровила Даг не верил в чудеса. С Миком однажды случилось нечто вроде чуда. Когда охранник отдубасил его до полусмерти за попытку просить милостыню у банковских клиентов, Мик уполз куда попало, за слезами не разбирая дороги, лишь бы от банка подальше, и потерял сознание на ступенях читальни. Там его подобрал мастер Линен, дал жилье и пищу, и даже худо-бедно обучил грамоте. Конечно, не боги или Праматери сотворили это, а обычный старик-библиотекарь, но все же случай был дивный. А Даг вырос в одной с Миком канаве, тоже клянчил подаяние, тоже бывал избит (хотя чаще побеждал в драках),

и тоже смог устроиться – его взяли в городскую стражу. Но причиной тому была выносливость и драчливость Дага, а не какое-нибудь чудо. Так что теперь Даг сказал:

– Дерьмово это кончится.

– К-как может чудо кончиться дерьмово?

– Дурачина ты! Никакое не чудо, просто этот тип – лорденыш.

– Лорденыши тоже не могут так читать.

– Много ты знаешь о лорденышах! Говорят, старший сын графа может в уме помножить двадцать пять на тридцать шесть.

– Д-даже если он – сын лорда, какая беда?

– Много какая. Первое: ты ему хоть слово не так скажешь, а он обидится и отомстит. Пришлет вассалов, чтобы плетей тебе выдали. Второе: ты говоришь, он избитый пришел. А если в суд подаст, чем докажешь, что не ты его отделал?

– З-зачем в суд? Ч-что я ему плохого?

– Даже если не ты – так у него же в голове все спуталось. Он же не помнит, как было взаправду. Может решить, что и ты.

Это сильно встревожило Мика. Его частенько наказывали ни за что, гораздо чаще, чем за дело. Даг прав: если Мик не виноват перед странным лорденышем, то как раз его, Мика, и накажут. Так ведь всегда бывает.

– М-мы ему только хорошее... – сказал Мик жалобно. – Пустили ночевать, книжек дали...

Даг рассмеялся:

– Дурак ты, малой! Это ж самое худшее – книжки. Он читает быстро, да? А ты – через пень-колоду? Вот и возьмет его старик Линен себе в помощники, а тебя выгонит.

– И ч-че же мне делать?..

Этот вопрос между ними означал просьбу о помощи. Когда Мик спрашивал Дага: «Что же мне делать?» – происходило одно из двух: либо здоровяк устраивал взбучку тому, кто обижал малого, либо давал подзатыльник самому Мику и говорил, что нужно терпеть. Но сейчас не случилось ни того, ни другого. Даг предпринял нечто неожиданное: задумался. Хорошенько почесав затылок, он сказал:

– Тут я тебе не помогу. Коль он лорденыш, то я не могу его тронуть. Страже нельзя задевать благородных. Но ты вот что: избавься от него поскорее.

– Как – избавиться?! Выгнать на улицу? Тогда он точно отомстит!

– Нет, малой. Узнай, как зовут его отца да мамку, где они живут. Потом иди к нему в дом, поболтай со слугами. Наверняка там паника: куда делся сыночек? Вот и скажи, что вы его нашли, накормили, одели и в читальне поселили. Тогда родичи заберут его, а тебе, глядишь, денег дадут. Кстати, с тебя потом причитается. Половину мне за совет!

– Это... с-спасибо, – выдал Мик. Обычно-то он соображал лучше здоровяка, но на сей раз Даг отлично придумал. Избавиться от опасного бродяги, да еще и заработать – вот

идея!

– Ты только того... накорми его сначала, помой да переодень в чистое. Чтобы родичи-лорды видели, как ты позаботился. Накорми от пуза, а потом уже начинай.

* * *

Когда Мик вернулся, бродяга сидел с очередной книжкой. Читал при свете. Мастер Линен дал масляную лампу! Ревность уколола Мика, и он решительно взялся за дело.

– Хочешь поесть?

Бродяга не оторвал глаз от книги:

– Благодарю, мастер Линен уже накормил меня.

Теперь Мик заметил миску с остатками гречки на дне. От удивления выпучил глаза:

– Ты не доел?!

– А?..

– Говорю: ты что, не доел кашу?!

– А в вашей культуре это принципиально?

Мик не понял ни слова и пропустил мимо ушей.

– Парень, ты выглядишь так, будто не жрал две недели. У тебя вон щеки ввалились, а на руках все кости торчат.

Бродяга поднял глаза от книги и уставился на Мика.

– Прости, я не вполне уловил подтекст, но понимаю, что хочешь обо мне позаботиться. Благодарю тебя, Мик. Будь так добр, подожди три минуты, пока я дочитаю, хорошо?

Это был том «Покорение западных земель» толщиной в кулак Мика, прочтенный до середины. Мик отошел, принес пятиминутные песочные часы, поставил прямо возле книги. Еще утром его восхищал талант бродяги, теперь – злил. Было бы приятно увидеть, что бродяга ошибся со временем. Но увы, когда тот закрыл последнюю страницу, песок в колбе истек ровно наполовину.

– Как тебя зовут? – спросил Мик.

До сих пор он не узнал имени бродяги – увиденное чудо выбило из головы все обычные вопросы.

– Допустим, Натаниэль.

– Допустим – это как? Ты че, не знаешь имени?

– Знаю, но оно длинное и сложное, тебе будет трудно произносить.

– А ты попробуй!

Бродяга сказал. Мик скривился:

– Ладно, Натаниэль. Ты благородный?

– Это относительное и оценочное понятие.

– Ты о чем?

– А ты?

Мик сжал кулаки. Он не был особым драчуном, но Натаниэль больно уж нарывался.

– Послушай, парень, я с тобой пока говорю по-хорошему. Но если будешь наглеть, то сильно пожалеешь. Отвечай по-человечески!

– Прости, мне это сложно. Я вовсе не хочу тебя злить, не

обижайся, просто мне трудно говорить на здешнем диалекте.

– Дилек – это че такое?

– Я имею в виду, что в моих краях говорят немного иначе.

– Но ты же можешь сказать, какого ты рода?

– В грамматическом смысле – мужского... – Мик замахнулся, бродяга взвизгнул: – Ай, не надо! Пожалуйста!

Мик ощутил приятное – хорошо, когда тебя боятся, а не ты. С улыбкой разжал кулаки:

– Ладно, парень, я не буду тебя бить, тем более, если ты благородный. Но ты давай, отвечай: от какой Праматери идет твой род?

– Ах, теперь я понял! Прости меня, тяжело обходиться без сферы. Нет, я не потомок Праматери.

– А Праотца?

– Тоже нет.

– Значит, ты простолюдин?

Натаниэль сильно помедлил с ответом.

– Никогда не применил бы к себе это слово... Но согласно твоей логике, да, я простолюдин.

– Бездомный простолюдин-бродяга? – уточнил Мик.

– Абсолютно верно.

– Сколько тебе лет?

– А сколько ты дашь?

Мику было, вроде, лет пятнадцать, Натаниэль выглядел на столько же, и Мик чуток отнял, чтобы самому стать важнее:

– Думаю, тебе четырнадцать.

– Да, ты прав.

Мик усмехнулся:

– А мы с тобой можем подружиться.

– Я не против самой идеи, но хотел бы сначала узнать твое понимание дружбы.

– Вот если будешь умничать, то не подружимся. Друзья говорят по-простому. И все знают друг о друге.

– Я о тебе знаю крайне мало, – отметил Натаниэль.

– Ну, меня зовут Мик или же Шустрый Мик, – было еще мерзкое прозвище Губа, но о нем Мик промолчал. – Я из Старого Порта, родителей не помню. Сначала перебивался по-всякому, а потом попал к мастеру Линену. Теперь вот служу его подмастерьем.

– Приятно познакомиться, – с улыбкой сказал Натаниэль.

Теперь Мик понял, чем бродяга подкупил его: тем, что смотрел Мику прямо в лицо.

– Ты вот так на меня смотришь... Че, не противно?

– Почему должно быть? – удивился Натаниэль. Потом сообразил, будто лишь теперь заметил: – А, ты об этом отклонении внешности... Неэтично и грубо придавать такому значению.

– То есть, ты не хочешь как-то пошутить?

– Обидно, если думаешь, будто хочу.

– Вот и смотри мне. Пошутишь – получишь в зубы!

Натаниэль нахмурил брови:

– Откуда у вас столько агрессии? Почему все постоянно

хотят драки?

– А чего ты говоришь: «у вас»? Что, в твоих краях люди другие?

– Мы умеем сублимировать... Ну, направлять энергию агрессии в другое русло.

– И в каком городе живут такие умники?

– Какие умники?

– Как ты. У которых язык длинней, чем руки.

– Что?.. А, метафора! Очень остроумно... Нет, в моем городе не все любят поболтать.

– Какой это город?

– Ты его не знаешь.

– Не знаю твоего города? Он что, не в нашем графстве?

– Нет. Точнее, да, не в вашем.

– В Нортвуде?

– Разве я похож на нортвудца?

– Да уж, не похож. Хилый ты для медведя.

– А на кого я похож?

Мик прищурился. Вообще-то из чужеземцев он видел только медведей, да теперь вот еще кайров насмотрелся, когда те пришли воевать. Если Натаниэль не из Нортвуда или Ориджина, то Мику нипочем не угадать, откуда он. Однако хотелось соорудить знатока, и Мик заговорил с важным видом:

– Все знают, что шаваны смуглые, а ты белокожий, значит, не шаван. Путевцы любят пожрать, а ты вон кашу не доел,

значит, и не путевец. На столичника похож – сильно умничаешь. Но я б тогда распознал твой говор, я-то знаешь сколько столичников повидал! Выходит, ты из Альмеры, ага?

– Положим, из Альмеры, – сказал Натаниэль без уверенности.

– Вот чего ты врешь все время? Че, в твоих землях нормально – врать другу?

– У нас нет понятия о безнравственности лжи. Уместность правды оценивается по ситуации, и если правда неуместна, то ложь признается вполне этичной.

Мик поднес кулак к его носу:

– Это была твоя последняя выходка, понял? Снова заведешь такое – получишь сразу.

– Ох, беда, – вздохнул Натаниэль, – в ваших краях очень сложно не получить в нос. Я пока не овладел секретом: как говорить с людьми, чтобы они тебя не били?

– Просто: тебя спрашивают – ты отвечаешь!

– Так за это же я и получал! Меня спросили: откуда я? Ответил – получил взбучку. Подошел к другим, они тоже спросили. Я снова ответил честно, поскольку еще не сделал вывода. Снова получил так, что еле поднялся, и тогда уже установил закономерность. А теперь вот ты спрашиваешь...

– Тебя побили, когда ты назвал свою родную землю?

– Совершенно точно.

– Значит, ты не из Альмеры. Альмерцев теперь не бьют.

– Очень жаль, что я не альмерец.

– Но откуда же ты? Клянусь, что бить не стану!

– Как бы мне хотелось принять это на веру...

Натаниэль впервые отвел взгляд, уставился на колбу песочных часов. Было ясно, что он пытается сочинить какое-то вранье, но Мик не мог его винить. Мик никогда не делал в третий раз то, за что дважды получал в нос.

– Ладно, малой, молчи, коли боишься. Я на тебя еще днем погляжу и сам догадаюсь. Это я сейчас не угадал только потому...

И вдруг Мик понял. Аж дух захватило!

Все сложилось одно к одному. Слово «светлый», слово «сфера». Жажда книг, дивный талант к чтению. Способность обходиться без еды. Далекая земля со странными нравами, за которую могут побить.

– Ты из Дарквотера!! – прошептал Мик.

Мик верил в чудеса. Пусть редко – раз в десять лет – но они случаются.

Первые пять лет своей жизни (когда были живы родители) Мик не очень-то помнил.

Следующие пять провел на улицах Уэймара, выклянчивая милостыню. Если просил там, где нельзя, то его били, порою жестоко. Если просил там, где можно, то били реже, но старшие мальчишки забирали большую часть добычи. Иногда его защищал Даг. Иногда – если денег на двоих не хватало – сам же Даг отнимал все.

Какое-то время Мик верил в Праматерей и пытался выклянчить у них что-нибудь. Новых родителей взамен умерших. Старшего брата, чтоб заступался в драках. Крышу над головой. Пускай не дом, а просто местечко в сарае или конюшне. Острый нож. Пару агаток. Когда Мика били, он просил Праматерей о каком-нибудь спасении: проходящем мимо добром рыцаре или внезапном ливне, чтоб разогнал обидчиков по домам. Праматери всегда оставались равнодушны.

Одним весьма памятным днем Мик расселся на ступенях банка. Ему казалось, это хорошее место для подаяния: тут ходят богато одетые господа. Но господа воротили нос, стараясь не замечать его. Мик дернул одного за полу сюртука – лишь затем, чтобы привлечь внимание. Этот гад завопил: «Воры!», охранник банка вышел на крик и запинал Мика ногами до полусмерти. На сей раз Мик уже не просил. Отполз от злосчастного банка насколько смог, скорчился у колонны какого-то здания, простонал: «Чтоб ты сдохла, Глория-Заступница! Чтоб тебя чесотка заела!» – да и вырубился от боли. А следующим днем убедился, что чудеса таки бывают. Он очнулся в мягкой постели, весь в бинтах и припарках. Получил миску каши, кусок колбасы да кружку горячего чаю, и услышал такие слова:

– Меня зовут мастер Линен, я хранитель уэймарской библиотеки. Лекарь сказал, что вам, юноша, нельзя ходить еще неделю, и хотя бы месяц не ночевать на холоде. Хорошо

бы вам совсем остаться здесь. Но я могу взять на довольствие лишь того, кто приносит какой-нибудь прок библиотеке. Скажите, юноша, вы грамотны?

Мик сложил из пальцев букву:

– Мастер, я знаю, что это буква А. Остальные быстро выучу. Поверьте, я смысленный!

Так мастер Линен обрел нового помощника, а Мик – жилье и веру в чудеса.

Грамоте он учился медленно, зато мгновенно усвоил другую науку – как говорить с людьми. Показывать услужливость, льстить, угождать. К каждому подбегать так торопливо, будто именно этот посетитель – самый важный на свете.

– Чего изволите, милорд? Давеча вы просили «Судоходство на Дымной Дали», прикажете снова ее?.. Чем могу помочь, миледи? Вы говорите, об искусстве семейной жизни? Давеча леди-супруга бургомистра высоко отозвалась о книге «Я – хранительница очага». Не изволите ли взглянуть на нее?..

Даже теперь Мик читал медленно и скверно, но имел прекрасную память. Если ты – сирота, то должен все ловить на лету, без этого не проживешь. Когда при нем брали какую-нибудь книгу, Мик твердо запоминал, где она стоит, кто ее читал и что сказал о ней. Так он и справлялся с работой: почти не читая книг, но зная, что говорят о них люди.

– Милорд шериф, вчера к нам доставили из Фаунтерры «Новые методы в дознавательском деле». Торговец сказал,

это прекрасная книга, в ней описаны все допросы по Шутовскому заговору. Не желаете ли взглянуть?..

Помимо этого, он угождал и мастеру Линену. Другие подмастерья, что появлялись у хранителя библиотеки, излишне задирали носы. Гордые своей грамотностью, они старались увильнуть от любых черных дел, не связанных с книгами. Мик же не гнушался ничего. Помыть полы? Принести еду? Унести посуду? Белье доставить к прачке? Среди ночи нагреть воды, чтобы мастеру попарить ноги?.. Все – пожалуйста, чего только мастер захочет. Благодаря Мику хранитель библиотеки неплохо сэкономил на прислуге, потому ценил его. Уже пять лет Мик служил в уэймарской читальне, хотя Даг говорил, что его выкинут в первый же месяц.

А вечерами, набегавшись со всеми поручениями, Мик возвращался в свою каморку, где сидел в потемках, пока не сваливался в сон. Мик почти не читал книг и не любил затемно выходить на улицу, однако он знал, как бороться со скукой. Он думал о волшебстве.

Это началось с Клариссы. Старейшина судоходной гильдии решил дать дочке образование и выписал наставника из Фаунтерры. Тот задавал Клариссе много уроков, она трижды в неделю приходила в читальню заниматься. Она зацепила Мика не красотой, хотя была очень недурна, и не манерами, а тем, что никогда не смотрела ему в лицо. Мик знал: мало кому на свете его рожа кажется приятным зрелищем. Но Кларисса избегала его слишком нарочито, даже когда го-

ворила с ним, даже когда брала книги. Взгляд – на руку, на книжку, в пузо, но не в лицо. Это было обидно. Взгляд и звездочки не стоит, но ей для Мика даже взгляда жаль. И вот однажды мелькнуло у него – просто раз и стрельнуло в голову: а как бы легко было, живи я в Дарквотере! Сделал бы ей приворотное зелье – и все!

Мик знал, что в читальне имеются две книги о дарквотерской магии. Затратив три месяца, он прочел их. Не держал на уме ничего серьезного, не верил, что сумеет взаправду изготовить зелье. Однако читал, и было приятно. С каждой страницей приходили фантазии: как станет Кларисса смотреть на него, как будет просить: «Постой возле меня еще минутку, дай наглядеться!» Или как попросит книгу о любовном мастерстве, а он спросит: «Скажите, к какому сорту человека вы питаете чувства? Мне следует знать это, чтобы лучше подобрать книгу», – и она ответит: «Парнишка лет пятнадцати, сирота, но грамотный и очень миловидный!»

В тех книгах, конечно, не было рецепта приворотного зелья. Авторами были не колдуны, и даже не болотники, а имперские ученые, когда-то посещавшие Дарквотер. Они писали о магии с зазнаистым высокомерием: «К так называемому «светлому ведовству» относится и обширный класс приворотных ритуалов. По форме они рознятся зависимо от местности, на севере Дарквотера претерпевают влияние степной культуры, а на юге обретают оттенок шиммерийского мистицизма. Суть же их сводится к следующему: так называемое

«приворотное зелье», будучи употреблено вовнутрь, якобы, вызывает сильные сердечные чувства». В таком духе были обе книги, и Мик не взял из них ничего полезного, но его фантазии только окрепли. Конечно, плоха та магия, чьи секреты расписаны тут и там. Книга может описать волшебство, но обучить ему может лишь настоящий колдун!

Вечерами в своей каморке Мик закрывал глаза и улетал в мир магии. Теперь он мечтал не только о приворотном зелье, а представлял, каково вообще быть волшебником. Не только Кларисса, а всякий смотрит на тебя с уважением. Если кто скажет злое слово – щелкни пальцами, и обидчик будет кашлять день и ночь, и никакие снадобья не помогут, пока он на коленях не попросит прощения. Если кто рискнет тебя ударить – ты моргнешь и исчезнешь, а появишься за спиной у драчуна. Он только обернется – ты снова исчезнешь, и снова за спиной. А если нападут на тебя сразу несколько, то дохнешь им в глаза и нашьлешь морок. Они начнут драться меж собой, все кости друг другу переломают, а ты только со стороны посмотришь. А понадобятся тебе деньги – тоже легче легкого. Придешь к банку Шейланда – тому самому, где тебя чуть не убил охранник – прочтешь заклинание и превратишься в ветерок. Влетишь в открытое окно, потом через щель под дверь – в ту комнату, где золото хранится. Набьешь все карманы эфесами, снова заклинание – и вылетел прочь, как тебя и не было! Вот как оно – быть колдуном!

Мика настолько увлекли эти мечтания, что временами он

уже не дожидался вечера, а начинал фантазировать днем, пока работал. Потому нередко путал книги, потому споткнулся вчера, когда нес заказ Клариссе, потому и мастер Линен бывал им недоволен. Как раз поэтому пророчество Дага звучало вполне весомо: «Возьмет старик Линен себе в помощники Натаниэля, а тебя выгонит». Словом, Мик имел явную причину невзлюбить пришлого чудака... Но все изменилось в ту минуту, когда странности бродяги сложились одна к одной, и догадка вспыхнула в смышленном мозгу Мика:

– Ты из Дарквотера!!

Натаниэль вздрогнул и сжался, будто хотел спрятаться за песочные часы.

Мик ухватил его за руку:

– Эй, ты неправильно понял! Я не стану тебя бить. Наоборот, я люблю Дарквотер, понимаешь?

– Угу, – буркнул бродяга, боясь поверить.

– Я никому тебя не выдам. Будь ты самым темным колдуном изо всех, и то не выдал бы, а ты же – светлый!

– Да...

– Значит, можешь не бояться и сказать мне по секрету. Ты из Дарквотера, да?

– Угу.

– И ты... – дух захватывало! – Ты колдун?

– Ммм... Что ты понимаешь под этим словом?

Мик прикусил губу. Конечно, это же проверка! Колдуны

так просто не раскрывают себя кому попало. Скажешь глупость – и все потеряно, никаких тайн не узнаешь. Мик отбросил слово «магия» – наверняка волшебники зовут свое искусство как-то иначе. Мик не ляпнул о приворотном зелье – звучит слишком просто и по-детски. Требовались мудрые слова, Мик произнес с замиранием сердца:

– Колдун – это тот, кто владеет особым знанием и умеет то, что недоступно другим людям.

– Я – колдун, – признал Натаниэль.

– Научи меня!

Мик тут же пожалел, что не сдержался. Натаниэль нахмурился, поджал губы.

– Так не выйдет... Нужно быть светлым. И нужна сфера...

– Ага, я понимаю.

– И много других факторов...

– Да понял я.

– И я сейчас нестабилен... Плохо мне от голода.

– Ладно, ладно.

– Принеси мне еще книгу, а?

– Какую?

– Об истории. Или социальном устройстве.

Мик поднялся, злясь на себя за несдержанность. Натаниэль мог согласиться! Он бы точно согласился, если б Мик вел себя поумнее! Но ничего, еще есть шансы, можно попытаться снова. Главное – угождать Натаниэлю.

– Мигом принесу. Если ты не хочешь поспать сначала.

– Я посплю час, а дольше – опасно. Обостряется дефицит, могу проснуться в коллапсе.

– Тебя разбудить через час?

– Спасибо, сам проснусь.

Мик не спросил – как. Невеликий фокус для колдуна!

Мик взял песочные часы и пошел за книгой.

– Они дают погрешность, – сказал Натаниэль.

– Че?

– Часы неверно идут. Песок стекает за пять минут тринадцать секунд. Наверное же ровно пять должно быть?..

* * *

Теперь Мик без усталости наблюдал за Натаниэлем. С жадностью золотоискателя выискивал, высматривал способности колдуна – и в мечтах примерял на себя. А талантов у Натаниэля оказалось множество, чтение книг было лишь хвостиком репки.

Колдун не зря отнекивался от каши: магия позволяла ему не чувствовать голода. Иногда ему требовалась пища, но если ее не было – Натаниэль не страдал. Не сверкал хищным блеском в глазах, не провожал злобным взглядом каждый кусок, попавший в чужой рот. Для проверки Мик однажды забрал его порцию и съел перед носом колдуна – тот даже не отвлекся от книги.

Колдун спал по часам, причем часы имелись у него в го-

лове. Бывало, он говорил: «Проснусь через сорок минут» – и просыпался ровно через сорок, минута в минуту. Зачем вообще вставать среди ночи? Ради книг. Натаниэль не мог читать меньше одной книги в два часа. Полчаса без чтения он выдерживал свободно, во вторые полчаса беспокоился, после часа начинал метаться по комнате, как медведь в клетке: «Книгу, дайте книгу, ну пожалуйста!» Конечно, Мик не отказывал ему.

Натаниэль обладал диковинной памятью. Мик и сам не жаловался на извилины, но колдун дал бы ему сто очков форы. Например, Мик помнил, где стоит каждая книга, но колдун помнил даже то, сколько в ней страниц!

Если прав Даг, и сын графа Шейланда – талант в математике, то Натаниэль был – как десть сыновей десяти графов вместе взятых. Мик спросил его:

– Сколько будет тридцать шесть помножить на двадцать пять?

Тот удивился:

– Зачем тебе?

– Ну, мастера предлагают купить сундуки – двадцать пять сундуков, в каждый влезет по тридцать шесть книг. Он велел сосчитать, сколько всего поместится, а я потерял счеты...

Несколько вдохов колдун молча взирал на Мика, потом сказал:

– Девятьсот.

Мик кивнул с уважением:

– Быстро ты сосчитал.

– Счет вовсе не занял времени. Время ушло на догадки о том, почему ты не смог умножить сам.

– Как – не занял времени? Хорош меня дурачить!

– Обидно, – сказал Натаниэль, взял листок и стал писать числа в столбик. С каждым числом он говорил:

– Это – тридцать шесть помножить на двадцать пять и еще на двадцать шесть. Это – предыдущее число, умноженное на двадцать семь. Это – прошлое число, умноженное на двадцать восемь. Это – прошлое число, умноженное на...

Он не делал перерывов на счет. Выведя одно число, сразу начинал писать другое. Тут же, без передышки. Восьмое число заняло собой чуть не половину строки, в нем было пятнадцать цифр.

– Проверь! – Натаниэль бросил листок Мику, а сам уткнулся в книгу.

С помощью счетов, учебника по математике и мастера Лина Мик смог проверить только первых четыре числа. Все точные!

Прошло несколько дней, и Мик увидел в действии также магию целительства. Раны колдуна заживали с безумной быстротой. На второй день затянулись все ссадины, на третий исчезли опухоли, на четвертый погасли синяки. Лицо, еще вчера напоминавшее синюю кляксу, стало белехонько и гладко, как у девицы.

Когда-нибудь и я так смогу! – с замиранием сердца думал

Мик. После побоев в банке он неделю не мог встать и целый месяц стонал от боли. А тут – прочел заклинание, и за три дня – как новенький! Это было так чудесно, что он даже не верил глазам, и на всякий случай спросил:

– Натаниэль, ты ведь правда вылечился так быстро? Мне не почудилось, а?..

– Быстро?.. – распахнул глаза колдун. – Какое же быстро! Из-за коллапса я не мог сфокусироваться на лечении, потому страдал целых трое суток! Думал, выть начну от этих синяков!

– Целых трое суток?! А если б не твой этот, как его... Ты бы тогда еще быстрее?

– Стыдно тратить на такое три дня. Если бы мне сломали несколько костей, подобная трата времени была бы обоснована.

– Ты можешь сам заживить перелом?!

Натаниэль напрягся.

– Только не нужно проверять, хорошо? Пожалуйста, поверь на слово!

– Я верю! – Мик сотворил пальцами спираль.

И что самое поразительное: мастер Линен не замечал никакого волшебства! Бешеную скорость чтения он называл «благословением от Праматерей», а об остальном говорил так:

– Вот ярчайший пример того, как книги развивают интел-

лект! Сей юноша прочел сотню томов – и вот уже множит числа в уме, и знает время до минуты. Только представьте, чего он достигнет, когда прочтет тысячу!

Мик поддакивал каждому слову мастера, восхищался его мудростью, кланялся до пола и молился про себя: «Только б старик не понял, что он колдун! Только бы не понял!» Ведь если Линен поймет, все кончится очень плохо. Тогда мастер или сдаст Натаниэля шерифу, или сам захочет у него учиться, а мастеру, в отличие от Мика, есть чем оплатить науку!

В просветах между книгами, в минуты, когда Линен был далеко, Мик наставлял колдуна:

– Ты уже понял, да: у нас таких, как ты, не любят.

– Еще как понял, – отвечал тот.

– Я тебя люблю, но я – парень особый. Ты не надейся, что мастер Линен тебя обнимет, когда узнает, что ты колдун.

– И не надеюсь.

– Если узнает, он позовет констеблей, и те запрут тебя в темницу. Может когда-нибудь ты сможешь доказать, что не делал черной магии, а только светлую. Тогда тебя, наверное, выпустят, но через много месяцев. Все это время ты не будешь читать!

Колдун белел от ужаса:

– Не говори мастеру Линену, пожалуйста!

– Не скажу. Но скоро он сам начнет спрашивать: откуда ты такой странный? Из какого города, из какой семьи, почему говоришь по-особому, где считать научился и все остальное.

Отвечай на это правильно.

– Как отвечать? Мик, прошу, помоги! Всякий раз, как я отвечал кому-нибудь, кроме тебя, меня или били, или прогоняли. Похоже, я ни разу не ответил правильно.

– Сейчас научу, но будешь мне должен. Идет? Когда я тебя что-то попрошу...

– Обещаю, я не забуду!

У Мика жарко билось сердце. Не забудешь, да! Сегодня я тебя научу, а завтра...

– Смотри. Если спросят, откуда ты, говори, что из Фаунтерры. Там есть университет, вот и говори, что там учился. Чего такой умный? – от университета! Если спросят, как зовут родителей, то ты вычитай в книгах несколько столичных имен и их называй. Потом, спросят, как ты здесь оказался – говори, что спутал корабль. Ты собирался в Южный Путь, у тебя там... ну, не знаю, бабка живет. Но по ошибке сел на лодку до Уэймара, так и попал. Почему назад не вернулся? Дык, деньги украли. В Уэймаре у тебя никого нет, ты заночевал на улице – вот и стянули кошелек. Запомнил?

– Конечно. Здорово ты придумал, спасибо!

– Дальше. Мастер Линен, добряк, захочет послать тебя назад в Фаунтерру. Ты скажи: мастер, дайте мне чуть-немножко денег, чтобы письмо семье отправить. Он даст, ты как буд-то отправишь письмо, и поживешь у нас, пока оно как буд-то идет. Будешь себе читать сколько угодно, а чуть мастер спросит, ты ему: жду ответа от семьи, мастер Линен. Уже

вот-вот, со дня на день.

– А если спросят, почему я читаю много книг?

– Отвечай: для университета.

– А били меня почему?

– Чтоб не умничал.

– Ты говорил, что у столичников акцент особый, не такой, как у меня.

– Это точно. Болтаешь ты как самый настоящий болотник. В каждом слове жабы квакают. Придется тебе научиться постоличному.

– Как мне научиться?

– Тут тебе повезло, дружище! У нас же праздник, Дар богов прибыл! По этому поводу вчера приехал в гости император с принцем! А с ними еще много всякой свиты, все как один – из Фаунтерры. Вот пойдем с тобой на ярмарку, послушаем, как они говорят.

– Мик... может, не надо на ярмарку? Как раз там меня побили в прошлый раз.

– Теперь я с тобой буду! Научу, как ходить, чтобы не били, и с кем говорить, а с кем не надо, и как просить монетку. Колдун не колдун, а может пригодиться. Например, забудешь заклинание против голода – понадобятся деньги, чтоб покушать. И еще город покажу, будешь каждую нору знать. Поймают тебя констебли за черную магию – а ты шусть, и след простыл.

– Спасибо тебе, Мик! Не знаю, как и благодарить!

– Пустое. Я тебя всему научу, мне не сложно. Только ты это... не забудь потом, а?

* * *

Люди говорили: пусть славятся Праматери, Дар богов прибыл! Люди говорили: да спасут нас боги, война началась! Мик-то, конечно, слышал о том, да кое-что и сам заметил. Например, на улицы вдруг высыпало много графских солдат – тревожных и злых, – а потом куда-то пропали. Даг рассказал про несколько потасовок: граф резко повысил налоги, ремесленники возмутились, стража их успокоила. В один день пролетел слух: будет осада, – и горожане рванули на базар. За час раскупили все съестное, мешками растащили по домам лук, горох, репу, гречку. Мастер Линен послал Мика, да поздно: на базаре – уже пустыня. Но осады так и не случилось, да и вообще ничего особого. Только прибавилось разговоров о закатниках, а потом – еще об Ориджинах, да еще в читальне часто просили книги про Предметы. А в начале осени вдруг нахлынули в город красно-черные плащи, и с ними вместе пришла новость: мы победили! Мик подумал: ладно. Пошел на базар – поглядеть северян.

Кайров сложно было увидеть – терялись в толпе мещан, пришедших, как и Мик, поглазеть. Все же нескольких он рассмотрел и ощутил уважение, но не интерес. Кайры были крутыми суровыми вояками, но не владели магией. Мик по ли-

цам видел: нет, это тебе не колдуны, не жала криболы. Если ты умеешь колдовать, то не будешь ходить с такой мрачной миной.

А позже – уже после Натаниэля – в город пожаловал император. Мик очень хотел поглядеть на него, ибо был уверен: у владыки есть придворный колдун. Просто не может не быть! Имперский чародей представлялся Мику бородатым стариком с посохом, а на конце палки – красный камень, вроде рубина. Старик всегда держится подле владыки, но магию творит очень редко – только по особому приказу, чтобы казнить предателя или поразить толпу, или защитить владыку от другого, злого волшебства. Предателей и злых колдунов в Уэймаре не было, а вот толпы хватало, и Мик надеялся, очень надеялся увидеть тот самый момент, когда...

Ни в день прибытия, ни на следующий Мик не выбрался в город: мешала возня с Натаниэлем. Но воскресным утром он отпросился у мастера, взял Натаниэля и потащил в центр, на озерный базар.

– Вот увидишь: там будут столичники! Ходи и слушай, как говорят, и сам учись. А если повезет, мы и владыку увидим!

Натаниэль выглядел совершенно здоровым. Последние следы побоев исчезли, но вместо закономерной радости на лице темнела тревога.

– Послушай, Мик, я отчего-то волнуюсь... Нет ли способа выучить акцент как-нибудь иначе?

– Да ты не бойся! Я всему научу, никто тебя больше не

побьет! Начнем с имени. Оно у тебя больно заковыристое, за одно это можешь получить. Так что будешь просто Натан, ага?

– Хорошо, пускай Натан.

– Дальше смотри. По центру дороги ездят лошади, по бокам ходят всякие важные. А такие, как мы, ходят не с краю, но и не посерединке, чтоб и под лошадь не попасть, и под ногами не путаться. Ходить лучше быстро, но не бежать – не то подумают, что мы что-то украли. В глаза никому просто так не смотри, а если смотришь – то жалобно, как я. Всех называй «мастер» или «добрый господин», вообще всех, даже пьянчугу под забором. И голову держи вперед и вниз, бороду не задирай, а то решат – зазнался.

Натаниэль делал все наоборот. Шел медленно, временами вообще вставал на месте и пялился на что-нибудь дурацкое: ржавый флюгер, коновязь, башмак на башмачной мастерской, чистильщика сапог, старуху-гадалку, черного поросенка. Держал голову не вперед и не вниз, а гордо поднятой кверху, точно какой-нибудь дворянчик. Жалобный вид напускать не умел, а носил на лице такую удивленную мину, будто попал в Подземное царство. И самое глупое: он боялся коней. От звона подков вздрагивал и бледнел, а когда слишком близко проезжала телега – хватался за сердце.

– Что с тобой, парень? Ты в Дарквотере что, лошадей не видал?

– Ага... У нас все ездят на этих... саламандрах.

– На ком?!

– Большие ящеры-амфибии, на них можно ездить и по суше, и по воде. Удобнее, чем лошадь.

– Вот же!..

Ладно кони – скоро выяснилось, что Натан и вовсе не умеет ходить по улицам. Дважды пытался пролезть между купцом и его охранником – Мик вовремя ловил за руку. Раз вперся на чужой двор: «Ой, а я думал, это просто сквер...» Даже перейти улицу – и то была проблема! «Как – перескочить канаву?.. Что это вообще за канава? Она так смердит – ужас. Как вы терпите?..»

Мик очень внимательно поглядел на колдуна:

– Ты правда не знаешь, что в канаве?

– Фу-уу! Почему они текут прямо по улице?!

– А вы куда сливаете?

– У нас это... магическая канализация.

Мик рассмеялся:

– Ты ври, да знай меру! Не бывает магической канализации. Наверное, просто в болото выливаете. У вас же болота повсюду.

Кое-что в городе удивляло и Мика. Оказалось, Уэймар подготовился к приезду императора: улицы убрались и принарядились, дома украсились, как на Сошествие, извозчики вплели ленточки в гривы коням, всадники надели шлемы с плюмажами.

– Гляди, как нарядно! – показывал Мик.

– Где?

– Да всюду же!

– Прости, я что-то не замечаю.

– Ну, вот же: гирлянды, флажки, спиральки на окнах! Вон ленты в гриве, а вон, гляди, перья на шлеме!

– Ах, ты об этом... Какое-то убожество. Убрать бы это все.

– Что ты сказал?

– Говорю: мишура и безвкусица. У нас... в Дарквотере такого не любят.

Не будь Натан колдуном, Мик дал бы ему под зад. А так посопел обиженно пару минут, но потом забыл обиду и ринулся на помощь. Натан снова шархнулся от повозки и наступил на ногу констеблю, а вместо извинений додумался заявить:

– Нужно упорядочить дорожное движение! Так и сообщите вашему начальству, констебль: кареты создают опасность для пешеходов!

Мик подскочил как раз вовремя, когда рука констебля уже легла на дубинку.

– Простите моего друга, мастер! Мы с ним служим в библиотеке, он совсем ослеп над книгами, вот и не видит, куда прет. Читает целыми ночами, простите дурачину!

Кое-как выпутались и почти без приключений добрались до рыночной площади. Здесь возникло препятствие. Как и ожидал Мик, многие столичники из свиты императора пришли на рынок. Чтобы создать им удобство и не допустить

толпы, граф Шейланд ограничил вход на площадь. Стражники пропускали лишь хорошо одетых взрослых мещан, а беднякам и мелюзге прохода не было.

– Не беда, – сказал Мик, – идем другим путем.

Он порадовался, что может блеснуть своими знаниями, и повел Натана вокруг – по задворкам купеческих домов, между лавкой шляпника и трактиром Старой Греты, через кучу бочек в переулке за трактиром – напрямиком в щель у собора Вивиан. Очень узкий лаз вдоль стены храма оставлен, видимо, затем, чтобы было куда стечь воде с крыши собора. Стража думала, что человек не пролезет в такую щелку, но щедушный Мик и худосочный Натан легко юркнули в нее – и оказались на площади.

Мик даже ахнул от того, как тут было красиво. Все люди – в нарядных одеждах, кто в серебре, кто в красном, кто в черном. Все в шляпах, все с прислугой, кто со шпагой, кто с тростью. На всех прилавках – самый лучший товар: блестит, пестреет, лоснится. Даже упаковочные коробки – и те красочные! Мик годами попрошайничал на этой площади, и ни разу не видел ее такой нарядной. От восхищения встряхнул Натана:

– Ты только погляди!

И тут заметил, насколько колдун бледен.

– Что с тобой?

– Много людей...

– Где же много?! Обычно – вдвое больше!

– Мне дурно в толпе... Давай уйдем, а?

– Вот чудак – где ж тут толпа! Может, сотня-другая! И никуда мы не пойдем, пока не послушаешь столичников.

– Тревожно стало... Мне бы книгу...

Мик показал ему кулак:

– Вот тебе, а не книгу. Сначала дело, потом угощение. Давай, слушай!

Мик заметил пару столичных гвардейцев – они выделялись ослепительно красными мундирами. Один держался важнее и имел длиннющие усы – Мик решил: офицер. Второй был скромнее и отставал на полшага – помощник офицера, или как это называется? Мик и Натан пристроились за ними.

Офицер с помощником шествовали по рынку, но редко и нехотя смотрели на прилавки. Больше, чем товар, их занимала собственная беседа.

– ...не по нутру. Шейланд проявляет заносчивость: ведет себя так, будто принимает нас в гостях.

– Но ведь это правда, сир Уильям: мы – гости на его земле. Боги его благословили.

– О, он все выжмет из этого Дара, не сомневайтесь! Выдоит его досуха, как старую корову!

– Сир Уильям, не гневите богов.

– Правдой?!

Гвардейцы говорили не по-здешнему. Столичный акцент был очень силен, и Мик радостно толкнул Натана в бок:

– Слушай и запоминай!

Натан забыл о тревоге и с предельным вниманием ловил каждое слово.

– Вы несправедливы к графу, сир Уильям: он аккуратно исполняет все традиции, предписанные в подобном случае.

– Соблюдение традиций, сир Клод, в данном случае граничит с оскорблением. Простой пример: видите собор? Вчере здесь была праздничная молитва, и граф подошел к алтарю раньше владыки.

– Но такова традиция: правитель благословенной земли...

– Именно! Из-за какой-то там традиции сын торгоша подходит к алтарю первым и показывает императору свою задницу!

– Сир Уильям...

– Задницу, сир Клод! Круглый купеческий зад, не касавшийся спины боевого коня!

– Сир Уильям, я признаю, то был неприятный момент. Однако...

– Вы знали, что владыка подумывал упразднить графство Шейланд как таковое? Изъять ленную грамоту, объявить эти земли прямой собственностью Короны.

– Ходили слухи, Альмера предлагал это.

– Альмера прав, хоть и юнец! Нынешние Шейланды не могут зваться Великим Домом. Можно, так и быть, оставить графа в роли наместника Короны – но не больше того. И поставить здесь батальон алой гвардии, чтобы обеспечить пол-

ную и твердую лояльность. Я бы не отказался командовать этим батальоном.

– Вы заслужили такую честь, сир Уильям.

– Но теперь это невозможно! Сами Ориджины защитили Шейландов! Сам император почтил их своим визитом! Нельзя упразднить Великий Дом, который удостоился...

Тут некая дамочка попала на пути гвардейцам, и они остановились. Мик сразу отскочил на шаг и стал рассматривать фрукты на прилавке. Натан как шел – так и налетел на гвардейца.

– Смотрите, куда идете, юноша! – рыкнул офицер, а его помощник схватил Натана за ухо.

– Сир Уильям, я уже видел его минут несколько назад. Он и тогда шел за нами.

– Шпион?!

Душа Мика разорвалась на две части. Одна половина сделала то, что и нужно в таком случае: сбежала со всех ног. Но вторая не смогла двинуться с места. Натан – колдун. Да больше: Натан – живое чудо! Святые боги, как его спасти?

Мику хватило вдоха, чтоб придумать: схватить персик с прилавка и бросить в рожу гвардейцу. Тот растеряется, выпустит ухо Натана – и тогда бегом, во всю прыть! Мик успел все придумать, успел даже взять самый сочный персик, вот только решиться не успел – как тут Натан раскрыл рот:

– Виноват, сир Уильям. Мои действия, хоть и напоминают шпионаж, но отнюдь не являются им. Поверьте: я шел за ва-

ми лишь затем, чтобы послушать говор. Столичный акцент звучит как музыка для моих ушей, ведь я – студент Университета Фаунтерры.

– Лжешь.

– Никак нет, сир Уильям. Окончил два курса на факультете Физики и Искровой Техники, затем мою семью постигли финансовые трудности, и я временно прервал обучение, но ужасно тоскую по Фаунтерре, потому не смог удержаться, чтобы не послушать вас.

– Тебе не повезло: мой брат учился на том факультете. Я могу проверить твои слова. Каков герб факультета Физики?

– Изначально – свеча знаний на фоне спирали мироздания. Двадцать два года назад, с развитием искровой техники, решено было добавить искру на основании свечи.

– Где находится кампус?

– На перекрестке улиц Благоденствия и Праотца Эвриана. Там еще забавный фонтан – он выключается, едва зажигают фонари. Не хватает искры на то и другое вместе. Мы еще шутили: «Когда наступит торжество прогресса? Когда фонтан потечет ночью!»

– Скажи какой-нибудь закон физики.

Натан изрек нечто настолько заумное, что Мик не уловил ни слова. Кажется, и офицер понял мало, но уверенность Натана убедила его.

– Ладно, юноша... Принеси извинения и ступай.

– Сир Уильям, – вмешался помощник, – он слышал всю

нашу беседу.

– И что же? Я не стыжусь ни слова из сказанных мною.

Помощник нехотя разжал пальцы, и Натан выскользнул.

Вдох спустя потрясенный Мик расспрашивал его:

– Откуда все это знаешь? Ты че, правда учился в столице?

– Нет, конечно. Прочел ночью в книге. Я же готовился изображать студента, вот и взял с полки историю Университета... А большие неприятности мне грозили? Что у вас полагается за подслушивание?

Мик поморгал:

– Ты правда не понимаешь? Чем важней рука, тем больнее бьет. Какой-нибудь стражник просто поколотил бы тебя, но это – офицер, да из самой столицы. Вынул бы шпагу и заколол на месте.

– Честно?..

– Честнее не бывает.

– А разве так можно? Это же не по закону.

– Чудак ты, Натан...

Колдун еще немного подумал и изменился в лице. Что-то особенное на нем нарисовалось, чего Мик в своей жизни почти не видал.

– Я так понимаю, Мик, что твоя этика позволяла взять и убежать.

– Не знаю, че за этика, но хотелось сделать ноги.

– И почему не убежал?

– Ну, это... помочь же...

– Я очень тебе благодарен, – сказал Натаниэль. Вот что было на лице – благодарность.

Мик ощутил подходящий момент: если просить Натана – то сейчас. Но вместо просьбы влетел в голову вопрос:

– Слушай, а как ты попал к нам?

– Так я же... ну, корабль спутал.

– Это ты соврешь мастеру Линену, а мне говори честно.

– Честно... честно – боюсь, что ты не поверишь.

Мик снизил голос до шепота:

– Ты же колдун. Я всему поверю.

– Я шел колдовским путем. Есть такое заклинание: открыл портал, вошел в него – и вышел в другом месте.

– Твою Праматерь! И ты шел к нам, в Уэймар? В библиотеку? У вас в Дарквотере нет таких книг?

– Нет, Мик, не к вам, а совсем в другое место. Очень далекое отсюда.

– В Клык Медведя?

– Ну... да, в Клык Медведя.

– А как попал сюда?

Натан тяжело вздохнул:

– Я расскажу, только не перебивай все время, ладно? Трудно говорить так.

– Ладно, извини.

– В общем... как сказать... Портал сработал неправильно. Он открылся прямо в это озеро, Дымную Даль. Я плюхнулся в воду и чуть не захлебнулся, еле выплыл. Оказался на око-

лицах города... Уэймара. Без сферы, без оружия, без денег, без ничего. Не знаю, как так получилось. Я не мог ошибиться в заклинании. Я никогда не ошибаюсь, понимаешь? Я же светлый. Но вот так вышло, и теперь мне остается только одно: ждать.

– Ждать – чего?

– Мои... ну, другие колдуны заметят, что я попал не туда. Они откроют для меня новый портал, и я вернусь.

– Почему сам не откроешь? Ты же умеешь!

– Нужна сфера. Как бы объяснить... для моей магии требуется сфера – как бы такой источник волшебной энергии. Без нее я ничего не могу.

– Как так – ничего? Ты на себе все раны залечил!

– Это – мелочь... Даже не магия, а просто, ну... умение такое. Для настоящего колдовства нужна сфера.

– А когда они... эти другие колдуны... откроют тебе дверь?

– Им нужно подготовиться... подсчитать кое-что и подсобрать энергии. Полагаю, через месяц или два меня заберут.

Сердце Мика отчаянно забилося. Всего месяц! Он не сдержался:

– Умоляю: научи меня! Времени мало, но увидишь: я быстро схватываю!

Натан качнул головой:

– Прости. Без сферы ничего не выйдет...

И тут Мик расплылся в улыбке:

– А знаешь, я помогу тебе! Я знаю, как решить все твои беды! Только поклянись, что дашь мне волшебную силу!

– Вероятность того, что ты можешь мне помочь, равна примерно...

– Я не понимаю ни слова. Скажи просто: согласен или нет? Если помогу тебе – дашь мне силу. Не помогу – не дашь. Все честно, ага?

– Хорошо. Клянусь.

– Идем!

Мик поволок его прочь с ярмарки. Между прилавков, в обход помоста скоморохов, вдоль щели у стены собора – на Соборную площадь. От портала храма тянулась очередь в несколько сотен, Мик побежал вдоль нее, выискивая нужного человека поближе ко входу. Увидел: пожилая дама с унылым лицом и крохой-дочуркой. Дочь – уродина: родимое пятно на всю щеку. Мик подбежал к даме, подтащил Натаниэля, плаксиво запричитал, выпячивая заячью губу: «Добрая госпожа, умоляю, возьмите нас с собой! Нету времени очередь стоять, мастер отпустил всего на час. Это у меня одна возможность, другой не будет. Возьмите, Праматерью прошу!» Оттянул пальцами губу, пустил слезу из глаз. Дама расплылась от жалости. Спросила про Натана: с ним чего? «Он есть не может, слаб желудком, бедолага. Один сухарь в день – и все. Видите, добрая госпожа, какой худой!» Она сдалась, впустила перед собою. Через несколько минут они входили в храм.

Очередь вилась и тут – петляла, огибала фонтан, тянулась к алтарю. Туда и вел Мик Натана, пританцовывая от нетерпения и без конца шепча: «Вот увидишь, я тебя совсем спасу! Всего целиком! Только не забудь, что обещал». Казалось, минуты растягивались на целые дни, у Мика уже все чесалось от языка до пяток, он подпрыгивал, крутился, болтал не умолкая. Подошел дьякон и пригрозил выгнать, лишь тогда Мик немножко успокоился, а очередь, наконец, приблизилась к алтарю. На нем лежало то, что могло изменить всю судьбу Мика.

Говорят, Ориджины задали перцу закатникам. Говорят, закатники забрали из Дара почти все Священные Предметы, а Ориджины отбили их и теперь отдадут императору, чтобы тот поделил. Но еще говорят – и не только говорят, а вот, своими глазами видно! – что два Предмета северный герцог сразу отдал графу и просил выставить на виду, чтоб люди радовались победе. Они лежали на алтаре, ровно два, не больше и не меньше. Один из них звался...

– Светлая Сфера! Так называют Предмет! Он священный, значит – волшебный! Ты говорил: тебе нужна волшебная сфера! А еще говорил, что ты светлый! Вот тебе Светлая Сфера! Бери силу – сколько захочешь!

Сначала Натан не понял слов Мика. Послушал вполуха, скривился, проворчал:

– Да нет же, я не это имел...

Но потом он разглядел Сферу.

Побледнел.

Вспыхнул румянцем.

Часто-часто заморгал.

– Это Священный Предмет?

– Ага!

– Точно?

– Стану я врать!

– Я читал в книгах про Священные Предметы, но не видал ни одного. Ты уверен, что это он?

– Сам подумай головой! Зачем бы здесь толпа собралась, если б не Предметы? Ради них и стоят!

Очередь шла так же медленно, и оставшиеся ярды до алтаря растянулись на пять минут. С Натаном творилось неладное. Мик видел его избитым, больным, голодным, но никогда – настолько испуганным. Казалось, вид Предметов разбудил в душе колдуна самые черные и жуткие мысли. Ужас пожирал Натаниэля.

Мик зашептал ему на ухо:

– Эй, эй, успокойся, ну! Это же Сфера, как ты хотел! Или тебе второй Предмет не нравится? Так не смотри на него!

Колдун с огромным усилием овладел собой. Хрипло выдавил:

– Ничего, я в порядке...

И тут они вышли к алтарю. Светлая Сфера была как два стеклянных кольца, вложенных одно в другое. Внутреннее висело прямо в воздухе, это было чудо, Мику бы ужасно по-

навилось, если б он присмотрелся. Но он не мог оторвать взгляд от Натана. Сейчас колдун возьмет силу у Сферы. Как это будет? Что произойдет?

Натаниэль протянул руки к Предмету. Уверенно, легко, без тени трепета. Так констебль тянется к дубинке, а сапожник – к молотку. Дыхание Мика застыло от восторга.

– Будьте добры, не прикасайтесь.

Это сказал священник, стоявший за алтарем.

– Почему? – удивился колдун.

– Перед вами великая святыня. Не тревожьте ее покой, иначе придется вас вывести.

– Великая святыня?..

Ладони Натана замерли в дюйме от Сферы. У Мика пересохли глаза – так пристально он всматривался в зазор между пальцами и Предметом. Не знал, можно ли увидеть течение волшебной энергии, но если можно... если удастся заметить хоть тень, хоть искру...

– Проклятье, – выронил Натан, когда по внешнему кольцу Сферы пробежала волна мягкого, слабого света.

– Ну довольно, молодые люди, – возмутилась дама за их спинами. – Я вас пропустила, а вы теперь задерживаете... Проходите уже!

Натан опустил руки и шагнул ко второму Предмету.

– Ты успел?..

Натан мотнул головой. У Мика внутри все упало. В глазах стало темно, он еле увидел второй Предмет: прозрачный

стержень, длиной с плечо, покрытый блестящими серебряными каплями.

– Чистильщик... – шепнул Натан. – Ты-то зачем...

Священник поправил:

– Этот Предмет зовется не чистильщик, а Роса Счастья. Первично присвоено такое название, но высший капитул еще может переименовать.

– Роса Счастья... – повторил Натан. – Забавно.

Но забавно ему не было. Он был чернее тучи, когда отошел от алтаря. Да и Мик тоже.

– Ничего, придем завтра, попробуем взять силу...

Попытался утешить колдуна, но сам не верил своим словам: и завтра, и в любой день здесь будет священник, дьякон, очередь людей, охрана. Никогда Натану не позволят взять Сферу в руки. Видно, колдун и сам это понял.

– Угу... Предметы хорошо охраняют, верно?

– Еще бы. Днем стража в соборе, ночью – вокруг.

– Сколько?

– Эх...

Мик не знал точного числа, но видел – стражников много. У каждой колонны, под каждым окном. Никак не проскользнешь незаметно.

– Тридцать девять, – подсчитал Натан.

На самом деле, стражников было сорок. Один стоял за колонной, и Натан не заметил его. Когда друзья прошли мимо, он выступил из тени и поймал Мика за рукав:

– О, малой! Пришел Предметы поглядеть?

Мик дернулся от испуга, но сразу успокоился: то был Даг.

– Д-да! Ин-ннтересно же. Чего ты?

Даг отпустил его.

– Да я – ничего. Просто смотрю и думаю: с кем это малой?

Что за чудака взял за компанию?

– Ну, это... Н-натаниэль. Ну, тот... Я р-рассказывал.

– Лорденыш-книжник?

– Ага.

– Вижу, вы сильно подружились.

– Д-да нет. Ну, просто... П-показал ему Предметы... да

и все.

– Да и все, – повторил Даг. – Ладно, бывай, малой.

Мику стало вдруг тревожно.

– Даг, ну... Я ж ничего такого...

– Ничего, да. Давай, иди себе.

Мик пошел, трижды еще оглянувшись на Дага.

* * *

Этой ночью Мик проснулся в самую темень. Точнее, он даже не особо и спал – только лежал, жмурился и думал про все. Светлая Сфера, волшебная сила, магический портал никак не давали уснуть. И еще – клятва колдуна. Она – особенно.

Мик слез с койки и пошел искать, и обнаружил Натана

в читальне за столом. Лампа горела тускло, но Мик увидел сразу: Натан плакал. Щеки, нос, даже губы блестели от слез.

– Что с тобой?! Коллапс?!

Мик припомнил странное колдунское слово – наверно, самое худшее, что может случиться с магом.

– Нет, – всхлипнул Натан. – Просто...

– Просто – что?

Натан дернулся, когда Мик взял его за плечо. Несколько слезинок сорвались с носа и упали на книгу на столе. То был реестр Священных Предметов – старый, рисованный от руки. Мик быстро отнял книгу.

– Эй, осторожнее! Ляпнешь кляксу – мастер нас убьет!

– Извини...

– А теперь слушай. Если у тебя не коллапс, то, значит, жить можно. Так что вытри нюни и расскажи: что случилось-то?

– Одна целая две десятых процента...

Мик дал ему в лоб щелбан.

– Хоть ты и колдун, но я предупреждал: говори понятно!

– Я говорил, что меня заберут... Но я ошибся. Ничтожен шанс, что заберут. Почти отсутствует.

Мик чуть не вскрикнул от радости.

– Да не хныкай ты, кончай! Тоже нашел беду! Украдем денег, купим тебе место на лодке – и уплывешь в свой Даркво-тер! Только ты, главное, научи меня колдовать. Обещал, помнишь? Я тебе Сферу, ты мне – волшебную силу. Дай

силу, а потом покажу, где много золота лежит. Знаю один банк...

Натан глянул с отчаянной, мертвецкой грустью в глазах.

– Ты не понимаешь...

– Чего не понимаю? Все понимаю! Ты хотел взять волшебства от Сферы, но там стражники и священник, вот и не получилось. Это не беда! У вас же в Дарквотере есть другая сфера, правда? Мы стащим в банке денег, посадим тебя в лодку – и готово! Через месяц будешь дома, с другими колдунами! Только сперва научи меня, а?

Натан вдохнул глубоко-глубоко. Выдохнул с хрипом и сказал:

– Ладно.

– Что – ладно?

– Хочешь волшебную силу? Бери.

Мик оцепенел.

Натан взял из писчего набора кусок промокательной бумаги. Тщательно вытер им лицо – бумага раскисла от слез. Натан смял ее и поднял влажный комочек.

– Мик, ты должен сослужить мне одну службу. Поклянись, что, когда я скажу, ты точно выполнишь приказ.

– А... какой приказ?

– Всего один, нестрашный. Но ты обязан выполнить. Таково условие волшебной силы.

– Хорошо, я... клянусь.

– Высуни язык.

На кончик языка Мика Натан положил бумагу, соленую от слез. Минуту он прижимал ее к языку пальцами, и Мику сделалось холодно, морозно до самых костей, до льда в желудке.

– Хватит, – сказал Натан и сжег в лампе оставшийся комочек.

– И что... я... – в горле пересохло, Мик закашлялся. – Я теперь... уже... колдун?

– В тебе семя волшебной силы. Скоро оно прорастет.

* * *

В последующие четыре дня Мик не мог думать ни о чем другом. Даже ночами просыпался каждый час и вслушивался: не пришла ли сила? Натан не сказал, как она должна проявиться, но как-то же должна! Появится текучая плавность движений, или пропадет боль, или книги станут читаться за минуту... Мик пробовал – ничего. Печатные слова ужасно медленно вползали в мозг, кусать себя за палец – все так же больно. Мик ждал: должно же сработать. Натан не соврал. Не похож он на того, кто врет. Светлый колдун не может лгать, иначе боги его накажут. Наверное...

Натан, как и прежде, день за днем поглощал книги. Теперь это были тома не об истории, как раньше, а о Предметах, божьих Дарах и сокровищах Великих Домов. Каждый день он ходил в собор Вивиан. Еще один раз Мик сопровождал его.

Натан не сделал ничего особенного, просто выстоял очередь, плясая по сторонам, оказался у алтаря, небрежно осмотрел Предметы – и ушел.

В другие дни Мик не ходил с ним: мастер Линен не отпустил. «Погуляли – и довольно. Пора вспомнить службу, юноша!» И Мик торчал в читальне долгими часами, носил надоевшие книги, выдавливал слова: «Чего изволите, сударыня? Имеются новинки о швейном ремесле... Что подать доброму господину? Вчерась доставили «Учет налогов и пошлин», торговец очень рекомендовал...» Посетители стали противны настолько же, как унылая комнатенка без света, твердая койка, жидкая каша, скрипучий старческий голос Линена... Я стану колдуном, – повторял себе Мик. Просто не могу не стать.

– Молодой человек, вы перепутали книгу! – бросила ему Кларисса, когда он принес заказ.

– Ничего странного, – ответил Мик. – Я смотрел на нее так же мало, как вы – на меня.

Она даже не смогла ответить, просто уставилась ему в лицо. Мик со всей силы выпятил уродскую губу, подмигнул Клариссе и ушел. Правильную книжку передал с Натаном.

Вечером четвертого дня Натан поймал Мика и сказал:

– Следующей ночью придет то время. Ты обещал сослужить службу – это будет завтра.

– А... какую службу?

– Кое-что сделаем в соборе. Получим кое-какие знания...

магические.

Потом стемнело, Мик улегся, но совсем не мог уснуть. Четверка – священное число, сила должна появиться сегодня! Он держал рядом с собою раскрытую книгу и каждые несколько минут пытался читать ее в лунном свете. Вот-вот придет сила, и тогда вся страница влетит в голову за один вдох. Каково это, а?..

Камушек звякнул в оконное стекло. Мик выглянул и похолодел. Не хотелось сегодня видеть Дага, вообще никак не хотелось, однако не выйти нельзя. Эх.

Он отпер дверь, обогнул здание библиотеки, зашел в боковой переулок, где ожидал здоровяк.

– Д-даг, чего это ты...

Вместо приветствия Даг опрокинул его на мостовую. Снял с пояса дубинку и принялся за дело. Бил не в лицо, а по ногам и по ребрам, но больно, Даг умел. Мик извивался, как змея, пытался прикрыться, отползти – хотя куда уползешь! Он выл и стонал, кусал губы, думал одно: где же сила?! Вот сейчас бы! Текучая плавность, морок... Исчезнуть, стать невидимым... Ааай, как больно-то!

Потом Даг поднял его за шиворот и прижал к стене.

– Я так думаю, главную суть ты уловил. Теперь, значит, поговорим о мелочах. Губа нашел нового дружка, получше старого, ага? Раз так, то с тебя причитается. Твой дружок – лорденыш. Ты с него хорошо поимел. Мне – половину.

– Д-даг, он никакой не...

Дубинка упала Мику на колено. Когда он перестал орать, Даг сказал:

– С тебя причиталась половина. А теперь – уже две трети.

Тогда Мик подумал: какого черта, а? Натан сам виноват! Если б он дал мне волшебную силу, я бы сейчас не страдал. Тогда б я, конечно, сохранил его тайну. Но Натан обманул меня...

– Даг, я все скажу, т-только не бей. Мик – не лорденьш, он колдун из Дарквотера.

– Кто-оо?

Очень торопливо, часто сбиваясь, Мик высыпал все. Натан шел через магический портал, но по ошибке попал не в Клык Медведя, а сюда. Или не по ошибке, а по воле злого колдуна – Натан сам не знает. Он лишился почти всей силы, может творить только мелкую магию – исцелять синяки, быстро читать и считать. Для серьезного заклинания нужна сила Сферы, и Натан ходит в собор, чтобы взять ее, но пока не смог подойти к Сфере так, чтоб незаметно прикоснуться.

Об одном только Мик умолчал: как пил слезы Натана, чтобы перенять его дар. Но это ведь все равно не сработало.

Даг слушал то со злостью, то со смехом. Пару раз выдавал желание врезать Мику, чтоб не врал. Однако Даг знал Мика много лет и умел различать, когда тот говорит правду, и сейчас все звучало чертовски честно. По крайней мере, сам Мик верил своим словам. Даг озадаченно рыгнул.

– Гык. Чародей без силы и без денег. Толку с него – ника-

кого. Но ты мне задолжал, помнишь? Чем думаешь вернуть?

– Даг, п-послушай. Натан что-то задумал на завтрашний вечер. Сказал: нужна моя п-помощь. Наверное, завтра он так-ки возьмет у Сферы с-силу.

– Не больно верится. А если даже поверю – что нам толку с его силы? Откроет портал и жухнет к себе в Дарквотер, только мы его и видели.

С обидою Мик понял: так оно и будет, скорее всего. Колдун заморочил Мика лишь затем, чтобы тот помог в соборе. Едва Натан вернет свою силу – тут же исчезнет, поминай как звали. Была лишь маленькая надежда...

– Он еще не все к-книги у нас перечитал. А он их любит, как собака – мясо. Я ему скажу: хочешь читать дальше – плати. Не заплатишь – выдам тебя с-священникам!

Даг потер затылок.

– Про священников – хорошо придумано. Наш новый епископ – максимианский монах. Он всяким колдунством очень плотно занимается. А я сдружился с дьяконом, пока стоял на вахте в соборе. Так что есть чем прижать твоего колдуна. Но чем он заплатит, если денег нет?

– Д-даг, послушай. Он пришел через магический портал, ага? Портал можно куда угодно открыть, хоть прямо в озеро. Так Натан сказал. Я скажу ему: пускай откроет портал в банк! Зайдем и возьмем золота, сколько поднимем! Натану п-половина, нам с тобой по четверти!

Даг рыгнул, почесал загривок.

– Мне – треть.

* * *

Натан оказался ужасно наивным. Наверное, магическая сила далась ему еще в детстве, и никогда не приходилось выживать за счет хитрости, смекалки, чутких ушей и зорких глаз. Словом, он не заметил, как вчера досталось Мику, и не понял, что Мик замышляет, и даже не догадался, что Мик знает о его собственном замысле.

Изображая невинность, Натан полдня читал книги. Старался как обычно – но даже тут напортачил и выдал себя. Прежде Натан просил Мика принести книги, и заказывал всегда об истории, а потом – о Священных Предметах. Сегодня зачем-то поперся в хранилище сам, пропадал полчаса и вынес книжки со стихами: «Терезу», «Балладу о кораблях» и что-то еще в том же духе. Сел читать с такой романтикой на лице, будто ни о чем кроме стихов не думал. Мик поглядел на него – и стало смешно и грустно. Смешно – что этот горе-колдун ничегошеньки скрыть не умеет, все на нем написано, как на обложке. А грустно – что Мик сначала сразу восхищался им.

Окончив стихи, Натан позвал Мика и сказал:

– Сегодня ближе к вечеру мы пойдем в собор. Оденься во что-нибудь светлое.

– Нет у меня светлого, я ж не баба. И мастер Линен нас

не отпустит.

– С мастером я договарюсь. А ты возьми несколько мелков и разотри в пыль.

– Зачем?..

– Затем, что у нас есть два дела: уговорить мастера и растереть мелки. Если ты не можешь первое, то сделай второе.

– Тогда я сначала гляну, как ты сделаешь первое.

Натан спокойно подошел к мастеру Линену и заявил:

– В вашем хранилище книги расставлены не оптимально. Позвольте мне переставить их разумней, и сэкономите ежедневно час времени, который вы тратите на поиски.

Мастер взбеленился:

– Сударь, я лично!.. Система выверена годами!.. Я не позволю!..

Мик хихикнул: мудрый колдун, да-да. Однако Натан быстро исправился:

– Мастер, я имел в виду, что ваша расстановка абсолютно идеальна для людей вашего уровня интеллекта, но большинство читателей – глупее вас.

– И как это влияет?

– В семидесяти процентах случаев они просят «что-нибудь»: «Дайте что-то по феодальному праву», «Принесите какой-нибудь учебник по математике», «Хочу что-нибудь толковое про воспитание детей». Выберите по три лучших книги из каждого раздела и держите их в отдельном шкафу, прямо здесь, в читальне. Семьдесят читателей из сотни удо-

вольствуются ими, и вам не придется бегать в хранилище.

Мастер Линен переварил – и оценил.

– Благодарю, сударь. Дельное предложение.

– Позвольте нам с Миком сегодня уйти раньше и посетить собор. Идею на счет книг послала в мой разум Праматерь Эмилия. Мы должны отблагодарить ее.

За час до вечерней песни Мик и Натан оказались на Соборной площади. Натан спросил, растер ли Мик мелки, тот показал жестяную коробочку. Натан кивнул и пошел вдоль людской цепочки. Следуя урокам Мика, нашел сердобольную даму поближе ко входу, плаксиво пожаловался ей, всунулся в начало очереди. Вскоре они вступили в храм.

Два чувства боролись в душе Мика. Первое – обида: так и не проснулась в нем магическая сила, обещания Натана оказались пустой болтовней. Из обиды выростала насмешка: да что вообще может этот нелепый колдун? Ладно, читает быстро – а еще? Из заклинаний знает одно: как пролезть без очереди (и то – взятое от Мика). Из снадобий – один растертый мел (который Мик растер). Но другое чувство крепло с каждым шагом к алтарю, все больше затеняя и обиду, и насмешку. Любопытство разгоралось в душе: а вдруг Натан сумеет что-нибудь этакое? Какой-никакой, а все ж волшебник. Вдруг он таки станет невидимым или обратится в ветер? Вдруг сотворит чудо... напоследок.

Чтобы не выдать любопытства, Мик отвернулся от Натана и стал разглядывать мраморные статуи. Их было пол-

ным-полно в стенных нишах. Все веселились, как дурачки: эти плясали голые, те хлебали вино. Все казались хиляками по сравнению с верзилами из городской стражи, стоявшими цепью вдоль стен.

Натан вдруг заговорил:

– Мик, скажи, ты читал эти баллады? Ну, о Терезе, о Белом Всаднике...

– Ага.

– Как ты думаешь, в мире действительно присутствует все это? Я имею в виду, благородство, доблесть, милосердие...

– Мне откуда знать? Там о рыцарях поется. Я тебе не рыцарь.

– Но ты же многих людей повидал... Как считаешь?

Мик буркнул:

– Я не знаток рыцарей. Но вот, например, мастер Линен уже вторую неделю тебя кормит и поит, и книги дает – без единой агатки оплаты. А тот гвардеец на площади мог тебя прикончить, но отпустил даже без тумака.

Он сказал это намеренно, надеясь разбудить в колдуне вину: вдруг Натан устыдится и даст-таки волшебную силу. Но, конечно, Натан свернул в другую степь:

– Послушай, Мик... Я просил тебя сделать для меня кое-что. Однако из книг понял, что моя затея не только опасна, а и противна законам чести. Если хочешь, ты можешь уйти, я и сам справлюсь. Я освобождаю тебя от данного слова.

Последнее звучало пафосно – будто взятое из какой-то

баллады. Мик фыркнул, подумав: ну, конечно, твое-то слово и сухаря не стоит.

– Нет уж, я дал слово не затем, чтобы потом отказываться.

– Благодарю тебя. В таком случае, держи наготове мел и делай все как я.

Они приблизились к алтарю, и на сей раз колдун не протягивал руки к Предметам. Он тихонько прочел молитву, сотворил священную спираль, отчего-то улыбнулся – и пошел себе прочь. Мик последовал за ним, думая: ага, вот и вся магия. Потом будет врать, что зарядился силой от Предметов и дал половину мне... Только завтра, когда Даг устроит взбучку, эта сила не спасет ни одну мою косточку.

На пути к порталу, проходя мимо дикого мраморного хоровода, Натан шепнул:

– Посмотри на алтарь.

– Зачем?..

– Оглянись, говорю.

Мик оглянулся, в зазор между людьми увидел Светлую Сферу. Услышал громкий вздох, потом крик. Внутреннее кольцо Сферы само собою повернулось и встало наискось. Под его весом Предмет наклонился и брякнулся с алтаря.

Крики, аханье, топот. Сфера легко покатила по полу, одни кинулись от нее, другие – к ней. Две волны смешались, очередь рассыпалась. Священник завопил надсадно: «Требуем порядка!» Стражники бросились в толпу, а Натан потянул Мика за руку:

– Сюда.

Вдох спустя они сидели в нише, среди груды мраморных тел. Мик очутился верхом на голой красотке, у его ног ползал пухлый младенец.

– Дай мел.

Он раскрыл коробочку, и Натан подул в нее. Белое облако осыпало Мика.

– Теперь ты подуй.

Мик ответил той же любезностью, и Натан побелел с ног до головы. Уселся за блюдом с фруктами. Рядом полулежал мраморный воин с чашей в руке, Натан обнял его за шею.

– Что теперь?!

– Главное: шепчи шепотом, а не криком. И постарайся не двигаться. Захочешь почесаться – чешись очень медленно.

– Ты наслал на нас морок?! Мы невидимы?!

– Почти. Вероятность того, что нас заметят, ниже двух процентов.

– А почему я тебя вижу?! Кто под мороком, те видят друг друга?

– Шшшшш!

Паника быстро улеглась. В толпе попался один неробкий парень, наклонился, поймал Сферу и передал священнику, а тот возложил ее на алтарь. Немного поспорив, кто за кем стоял, люди заново выстроились в очередь. Стражники вернулись на посты, спина одного из них замаячила в паре шагов от Мика. Несмотря на покров невидимости, Мик боял-

ся пошевелиться. Он сидел на мраморе, смотрел, как ползет очередь, и пытался осознать. Святые боги, я под мороком! Прямо сейчас на меня действует колдовство! И подумать – с какой легкостью Натан сотворил эту магию! Прочел одну молитву – и Сфера упала с алтаря! Подул мелом – обычным мелом, совсем не волшебным – и создал морок! Если и были какие-то заклинания, то Натан прочел их в уме за единственный вдох.

Но от этой легкости Мику стало еще обиднее. У него зачесалось в носу, а потом между ног. Он почесал очень медленно, со скоростью улитки, думая: чего ему стоило дать мне силу? Наверное, это так же легко. Одна молитва да спиралька – и готово. А он устроил балаган с сопливой салфеткой, и без толку. Поди, лишь затем и сделал, чтобы посмеяться. Шутка такая: высморкал соплей – и мне на язык!

Чем больше он думал, тем больше хотелось взять и врезать Натану в нос. И чем сильнее этого хотелось, тем становилось страшнее. Раньше Натан не мстил тем, кто его бил. Но что, если теперь отомстит? Мы-то под мороком, никто не заметит. Возьмет – и превратит меня в жабу...

Обида и страх сковали Мика, приморозили к мрамору. Он не заметил, как пролетело время, и вот уже последние прихожане покинули храм, и стражники двинулись по нефам с обходом. Этот, ближайший, даже не оглянулся на скульптуры, а стал заглядывать под лавки и за колонны. Морок действовал отменно.

Священник же подошел к капитану стражи, и Мик сумел разобрать куски их беседы:

– ...странное происшествие. Я прошу, если это возможно, усилить...

– ...пошлю в казармы и вызову дополнительный... Поставим сорок человек внутри, еще сорок – снаружи.

– Простите, капитан, не могу позволить внутреннюю стражу. ... Светлую Сферу утомили толпы людей, потому она и выразила недовольство. Святыне требуется уединение.

– В таком случае я удвою внешнюю охрану, а также предлагаю...

Их голоса пропали за звуком фонтана. Окончив со священником, капитан ушел. Стражники покинули храм. Святой отец и дьякон поговорили меж собою, прочли у алтаря долгую молитву, сняли парадные ризы – и тоже ушли. Напоследок дьякон погасил фонари и выключил фонтан. В соборе повисла гулкая мрачная тишина.

– Ноги затекли, – пожаловался Натан, выбираясь из ниши. – Идем, займемся делом.

Его шаги отдались двойным эхом. Сделалось жутковато.

– Ты возьмешь у Сферы силу и откроешь портал? – спросил Мик, следуя за Натаном на цыпочках, чтоб не шуметь. Впрочем, от тишины становилось еще жутче.

– Я больше хочу знаний, чем силы. Надеюсь, что Сфера мне их даст. А потом – да, открою портал. Вернее...

Он не договорил. Остановился у алтаря, рассматривая

Предметы, и почему-то выронил:

– Забавно до слез.

Мик подошел к Натану.

– Когда откроешь портал... не исчезай сразу, хорошо? У нас еще куча книг, которые ты не прочел.

– Пять тысяч четыреста шестьдесят три, – уточнил Натан.

– Вот-вот, еще читать – не перечитать! И у меня к тебе есть одна маленькая просьба... На полчаса дело, не больше...

В тишине собора шаги прозвучали, как гром. Верзила Даг – этого ни с кем не спутаешь – возник из-за колонны и подошел к алтарю. Мик и Натан в четыре глаза уставились на него.

– Д-даг, т-ты зачем здесь?

– Гык. Знаешь, Губа, я не очень-то поверил в эту чушь про порталы. Но поймать похитителя святыни – это неплохо, за это чин дадут. Я предупредил дьякона про опасность, он обещал и от церкви награду. Мне только потрубить в рожок – прибегут полсотни монахов и столько же стражников.

– Я не собирался ничего красть! – воскликнул Натан.

– Да ну, – ухмыльнулся Даг, снимая с пояса дубинку. – А мне кажется, очень собирался. Если сам возьмешь Сферу, то я просто подую в рожок, и тебя сцапают. Если не возьмешь, я тебе сосчитаю все кости, суну Сферу тебе под рубаху, а потом подую в рожок. Гык. Выбирай, колдун.

Натан помедлил несколько вдохов. Обернулся к Мику, по-

смотрел с немым упреком – и Мик ответил самым злобным своим взглядом. Ты сам виноват! Только ты!

Натан вздохнул и сказал Дагу:

– Я могу дать тебе волшебную силу.

– Га-га-га. Насмешил.

– В книгах сказано, уже тысячу лет никто не мог говорить с Предметами. Ты сможешь.

– Кончай.

– Могу доказать. Я дал силу Мику. Пусть он возьмет Предмет – и ты увидишь.

– Врешь ты! – крикнул Мик визгливо, почти по-женски. Даг всем корпусом повернулся к нему.

– Эй, Губы, ты мне ниче не сказал про силу.

– Нету силы! Вранье!

– Силы у тебя нет потому, что ты еще не выполнил мой приказ, – тихо пояснил Натан. Подождал, пока эхо отразило его шепот, затем окончил: – Мой приказ таков: возьми с алтаря Росу Счастья и произнеси два слова.

– Лжешь! – визгнул Мик. – Ничего я не возьму!

Даг придвинулся к нему:

– Возьмешь.

Мик поковылял к алтарю. Ноги задубели, колени не сгибались. Казалось бы – вот же мечта! Волшебная сила, да еще какая! Говорить с Предметами – никому не снилось! Но Мика трясло и мутило от страха, он думал: лишь бы не стошнить на алтарь.

Он остановился, подышал, кое-как успокоил внутренности.

– Бери уже! – рявкнул Даг.

Мик протянул руку к Росе Счастья. Прозрачный стержень – будто палка из стекла. На нем – блестящие капельки, серебристая роса.

– Нет, – сказал Натан, и Мик сразу отдернул руку. – Роса Счастья дает слишком много силы, ты столько не заслужил. Возьми Светлую Сферу и скажи только одно слово, не два.

Даг разразился хохотом:

– С тебя и полсилы хватит, малой!

Мик бодро схватил Сферу, чувствуя, как отлегло от сердца и уменьшился страх. Лучше полсилы, чем целая. Так спокойнее...

Сфера была теплая, приятная наощупь. И она светилась. Точнее, мерцала в миг прикосновения.

– Ч-что сказать?

– Скажи: идиан!

– Идиан, – повторил Мик.

Внешнее кольцо Сферы засияло голубым огнем. Внутреннее начало крутиться все быстрее и быстрее. От него, как от мигающей лампы, побежали по храму круги света.

– Святые боги! – прошептал Мик. – Глория-Заступница!..

– Ты получил силу, – изрек Натан. – пользуйся ею мудро.

– М-мудро... Как это?..

– Сердце подскажет тебе. А сейчас положи Сферу и от-

дохни.

Натан с радостью вернул Предмет на алтарь. Свечение тут же погасло, но внутреннее кольцо продолжило вращаться.

– Убедил, – буркнул Даг. – Теперь давай силу мне.

– Поклянись, что исполнишь мой приказ.

– Я возьму Росу Счастья и скажу два слова. Мне нужна вся сила!

– Да, конечно. Но кроме этого – еще одно. Ты отдашь мне свою форму, шлем, дубинку и рожок.

Даг нерешительно гоготнул – не понял, шутка ли это.

– Поклянись, – с нажимом повторил колдун. Ни одной шутейной ноты.

– Ладно, клянусь. Все отдам, только сначала силу!

– Испей жидкость моего тела.

– Че? Хочешь, чтоб я пил твою мочу?! Губа, ты че, мочу пил?!

– Я пил с-слезы.

– Слезы можно. Плачь, колдун!

– Я же не актер, не умею по заказу. Но кровь тоже подойдет. Если у тебя есть что-то острое...

Даг с готовностью выхватил нож из сапога. Натан зажмурился и протянул левую руку:

– Только осторожно, пожалуйста... Ай!

Даг полоснул, вспыхнула багровая черта, ладонь быстро наполнилась кровью. Даг прижался губами и выпил.

– Фу, дрянь.

Подождал, пока выступило снова, и выпил еще.

– Это чтоб наверняка... Че теперь?

– Ты знаешь. Возьми Росу Счастья и скажи: ясьвотогирп.

Даг омыл руки в чаше фонтана, взял Предмет с алтаря, погладил серебристые капли.

– Напомни, что сказать?..

– Ясьвотогирп.

– Ясьвотогирп!

Изнутри прозрачного стержня полился слабый свет. Одна из росинок ожила – и перетекла со стержня на руку Дага, заблестела на ладони чудесным светлячком.

– Ух ты! Это и есть...

Капля растеклась по ладони и впиталась в кожу. Еще миг ладонь блестела серебристым, а потом стала обычной, как раньше.

– Какое второе слово? – спросил Даг.

– Ты обещал мне форму, дубинку и рожок. Раздевайся, потом скажу.

– Раздеться и отдать форму?.. Это можно, отчего нет...

Даг подошел к Натану. Расстегнул куртку, нагнулся снять сапог. Сделал какое-то быстрое движение – Мик даже не понял сразу. Натан охнул и упал на колени. На его животе проступило темное влажное пятно.

– Зачем?! – закричал Мик.

– Не вопи, а то и тебя.

Даг зашел за спину колдуну, запрокинул голову, прижал

нож к шее:

– Говори второе слово.

– Ты убьешь меня... – пролепетал Натан.

– Ясно, убью. Сам подумай: если будешь жив, тебя допросят и узнают, что ты дал нам силу. Мне это не нужно. Но если скажешь второе слово, умрешь быстро. Если нет...

Он провел ножом по лицу Натана, царапнул острием нижее веко.

– Итсич... – шепнул колдун.

– Итсич, – сказал Даг.

Кажется, ничего не произошло.

– Итсич! – повторил Даг. – Сейчас я тебя...

Но вдруг он дернулся, выронил нож, поднес руку к глазам.

Рука начала чернеть и сжиматься, будто обугливаясь. Она сторала без огня.

– Я очень не хотел никого убивать, – сказал Натан. – Благодарю, что ты сделал это сам.

Даг завопил от боли, кинулся к фонтану, сунул руку в чашу. Крик оборвался, когда изо рта верзилы пошел дымок. Он впился в грудь ногтями, разодрал рубаху. Из прорехи тоже вырвался дым. Кожа на груди чернела, как и шея, и лицо. Даг повалился на плиты, пополз, хрипя.

Наверное, он надеялся доползти и убить Натана. Всего десять футов, не больше. Но плоть быстро тлела, ссыхалась, осыпалась струпьями. За Дагом тянулся след из золы. Губы исчезли, глаза ввалились внутрь черепа. В футе от Натана

Даг дернулся в последний раз – и замер. Дым шел от тела еще минуту, а затем исчез. Остался скелет, покрытый плотной серой золой.

Мик бросился на колени. Горло сжималось от ужаса, однако он шептал, не умолкая:

– П-прости меня, колдун. Умоляю, прости. Я – г-глупый, слабый. Я же не рыцарь из баллад... Прости меня, я не хотел...

– Успокойся, – ответил Натан. – Успокойся же. Я тебя не трону.

– Прости, я выдал твой секрет, но только потому, что думал... Думал, ты обманул... Иначе б я ни за что, всеми Праотцами клянусь!..

– Умолкни! – крикнул Натан, и Мик, наконец, затих.

Натан расстегнул рубаху. Из раны на животе толчками выплескивалась кровь.

– Т-ты залечишь это?

– По-твоему, я хочу умереть?.. Конечно, залечу. Но это трудно, потому молчи и не мешай...

– Да, Натаниэль.

– И раздень труп. Сними форму и оружие, все сложи возле меня.

Мик с дрожью подступил к останкам Дага. Его коробило от ужаса, но послушаться колдуна было еще страшнее. Труп оказался очень легким, Мик без труда перевернул его, расстегнул и снял форменную куртку, оружейный пояс, шлем.

Стянул сапоги – кости ног выпали со стуком. Останки были настолько сухими, что от удара взлетела серая пыль. И запах был странным – похожим на то, как пахнут заброшенные пожарища или очень старые книги. Мик не сказал бы столь громкого слова, но он почувствовал: мумия пахла вечностью. Будто Даг умер много веков назад, и время стерло даже память о нем.

Теперь Мик не сомневался: Натаниэль может все. Он не испытал ни капли удивления, когда взглянул на живот колдуна. Раны уже не было, остался лишь красный рубец – и это была сущая малость для Натаниэля.

– В-вот одежда, как ты просил... – пробормотал Мик. – Только знаешь, это же форма уэймарского стражника. В Дарквотере все удивятся, когда ты выйдешь из портала...

– Не беда, – ответил колдун с легкой грустью. – Будь добр, принеси Сферу.

Мик принес Предмет. Внутреннее кольцо вращалось с прежней скоростью. Мик сказал: «Идйан!» – и вокруг Сферы прямо в воздухе возник световой диск. Теперь Мик приоткрыл глаза и увидел, что свет не однороден: в нем виднелись какие-то ломаные линии, сложные зигзаги разных цветов. Эти причудливые формы что-то напомнили ему, и Мик сумел понять: это карта! Карта приозерного Шейланда и части Дымной Дали – он видел такую в книге по географии, только там все было других цветов.

– Ты выберешь по карте, куда перенестись?..

– К сожалению, так не получится. Я просто ищу кое-что.

Натаниэль произнес несколько слов. Световой диск расширился, охватив всю середину собора, и линий стало намного больше. Центр диска заняло вытянутое голубое пятно, вокруг него лежало желто-зеленое пространство, а по краям разливался синий.

– Это весь Поларис?

Натаниэль сказал еще пару слов – светящаяся карта поднялась вверх, повисла под куполом и стала намного лучше видна. Да, это был Поларис, и Светлая Сфера продолжала рисовать его. Каждый вдох на карте проступали новые детали – нити рек, зигзаги гор, пятна лесов и городов.

Натаниэль зашептал на колдовском наречии. На сей раз заклятие было длинным, и карта отозвалась переменами. Стали появляться белые точки, рядом с каждой имелось несколько магических знаков. Первая горстка точек возникла на берегу Дымной Дали – в Уэймаре, как понял Мик. Эти точки стояли так плотно друг к другу, что магические знаки сплелись и стали неразборчивы. Натаниэль пошевелил пальцами, будто манил кого-то к себе, и этот участок карты приблизился, раздувшись в размерах. Колдун рассмотрел все знаки, а на карте тем временем рисовались новые и новые точки. Они появлялись не равномерно, а гроздьями, как ягоды рябины, и грозди обычно находились в городах, иногда – рядом с ними. Теперь внимание колдуна привлекла россыпь точек рядом с Уэймаром, совсем недалеко, насколько

мог понять Мик. Натаниэль пристально изучил эту россыпь и все знаки на ней. Он притянул изображение так близко к себе, что его лицо озарило свечение карты. На лице была боль и печаль.

Наконец, он махнул рукой и прогнал от себя знаки, так его расстроившие. Движением пальцев повертел карту и приблизил еще несколько гроздей белых точек – одну на востоке (может быть, в Фаунтерре), одну в центре Полариса, одну на юге (непонятно, где именно). Считал магические знаки, но не так внимательно, как уэймарские, а бегло, как страницы книги.

Боммм, – прогудел удар. Мик сперва принял его за часть колдовства, и лишь потом сообразил:

– В дверь стучат! Заметили свет в окнах!

– Неважно, – выронил колдун. – Я все узнал уже...

Он шепнул заклинание, и Сфера погасла. Натан принялся надевать форму Дага.

– Будь добр... Я знаю, это неприятно, но очень прошу тебя: перетащи труп ближе к двери. Вон туда, в пятно лунного света.

Мик выполнил без труда. Мумия была легкой и ужасно древней, и Мик уже совсем не боялся ее.

Прозвучал новый удар: боммм! Сквозь дверь послышались обрывки слов:

– Даг, что черт... творится?..

Натаниэль подошел и встал сбоку от двери. На нем уже

были куртка и шлем городского стражника, в руке – рожок.
– Сейчас ты откроешь портал? – с замиранием спросил Мик. – Возьмешь меня?..

Колдун качнул головой.

– В этот портал пройдет лишь один. Все было бы иначе, если б ты не выдал секрет. Но ты сказал Дагу, и теперь...

– Несите ключ, – донеслось сквозь двери.

– Сейчас я уйду, а тебе представится выбор. Можешь рассказать все, как было. Тебе не поверят и, вероятно, станут пытаться. Можешь солгать, будто Даг был темным колдуном, и светлая сила Сферы убила его. Звучит правдоподобно, но придется объяснить, как ты оказался ночью в соборе. Кроме того, тебя часто видели с ним, могут подумать, что ты – пособник темного. А еще можешь просто спрятаться, но ты не умеешь как следует ставить морок, потому, вероятно, тебя найдут. Это нелегкий выбор, но... Я на тебя надеялся. Жаль, что ты подвел.

– Прости, – только и сказал Мик.

Натаниэль поднял к губам рожок и подул. Тревожный звук разорвал воздух, громыхнул эхом. Мик бросился в нишу со скульптурами, когда в механическом замке двери заскрежетал ключ. Створки распахнулись, в собор хлынули разом несколько монахов и десяток городских стражников. Почти с порога они заметили мумию Дага, рванулись к ней, чтоб рассмотреть – и завопили от ужаса, едва разглядели. Колдун сперва пошел за ними, почти неотличимый от других

стражников, только ростом поменьше. Потом, когда раздались вопли, он стал пятиться к двери. Из-за мраморных статуй Мик следил за ним неотрывно, надеясь увидеть, как откроется портал. Возможно, сквозь магическую дверь Мик даже заметит кусочек Дарквотера... Но, видимо, магия портала не работала в соборе. Колдун отходил к дверям, а двое стражников, крича от страха, выбежали прочь, и колдун развернулся и выбежал за ними. Больше Мик не видел его.

Он попытался наслать на себя морок и лишь теперь понял, что не знает верных слов. Попробовал шептать наобум, но только привлек к себе внимание. Стражники заметили его, выволокли из ниши. Один – самый здоровый – ни о чем не спрашивая, сорвал с пояса дубинку.

И тогда внутри Мика что-то произошло. Он не сказал бы о себе таких громких слов, но чувствовал примерно вот что. Мне больше не пятнадцать. Я больше не Сирота Мик, не Шустрый Мик, и тем более не Губа. Я видел такое, чего не видели и десять старых графов. Я владею такой силой, о какой не пишут даже в книгах. И совершенно точно ни одна тварь больше не поднимет на меня дубинку!

– Ясьвотогирп итсич! – страшно прошипел Мик, наставив на стражника растопыренные пальцы. – Ясьвотогирп итсич!

Он не умел убивать без помощи Предмета, но стражник-то этого не знал. Дубинка упала, здоровяк попятился за спины монахов.

– Кто ударит меня – умрет жуткой смертью! Кто тронет

меня пальцем – лишится руки!

Вперед выступил монах в максимианской одежде и сотворил спираль.

– Успокойся и объясни, что здесь случилось.

– Я расскажу это... только епископу! Позовите его сюда, скажите: я – колдун великой силы! Пускай епископ поклянется, что никто меня не тронет. Тогда я буду говорить с ним.

Люди и боги

Том 1

Свидетель – 1

**20–22 мая 1775 г. от Сошествия
Руайльд, Земли Короны**

Когда людям предлагается принять что-либо на веру, они поступают одним из двух путей. Первые легко верят сказанному даже при отсутствии доводов. Вторые требуют аргументов и спорят тем сильнее, чем больше доказательств приводится. Так случилось и теперь. В полном согласии со своими характерами, Дороти верила, а Карен жаждала аргументов.

«Белая пантера» пришла в Руайльд, опередив преследователей где-то на три часа. «На три с половиной», – утверждал капитан Лу-Арамон, «На три ноль семь», – возражал Нави. Так или иначе, три часа в запасе точно имелись, и беглецы распорядились ими следующим образом. Наняв извозчика из порта, как можно быстрее доехали до рельсовой станции и купили билеты на ближайший поезд (он следовал в Арден). Беглецы запомнились извозчику тем, что дали целых

две агатки сверху, а кассиру на станции – небольшим скандалом, который с душою исполнила Дороти. За пять минут до прибытия поезда беглецы растворились в толпе и покинули станцию через боковой выход. Пешком миновав три перекрестка, они очутились в ткацком квартале. Там, в лавке ношеного платья, они приобрели кое-какую одежду, затем взяли экипаж до храма Елены-Путешественницы, откуда прошли еще квартал – и снова оказались в порту. Беглецы сняли комнату в гостинице «Свежий бриз», расположенной прямо на набережной, и через окно наблюдали за тем, как швартуется к пирсу шхуна преследователей. Первыми с нее сошли на берег майор Бэкфилд и лекарь Финджер. Несколько раз они терялись из виду, но в конце концов обнаружили среди экипажей, ожидающих седоков. Опросив нескольких извозчиков, они прыгнули в коляску и умчались – надо полагать, на рельсовую станцию. Нави прикинул: за час майор узнает, что беглецы взяли билеты до Ардена, и еще час спустя сядет в почтовый дилижанс (поскольку следующий арденский поезд пойдет только завтра). Таким образом, через два часа преследователи покинут город – и наступит безопасность. Но до тех пор лучше не покидать гостиницы, так что можно заказать ужин в комнату, или...

– Значит, ты родился в подземном царстве?! – выпалила Дороти.

Нави удивленно воззрился на нее:

– Неужели тебе понадобилось больше суток на такой про-

стой логический вывод?

– Я захотела спросить сразу, едва ты сказал. И не только об этом! Но остерегалась говорить на корабле – мало ли, сколько там ушей. А теперь-то можно!

– Ах, вот что... Знаешь, не совсем верно называть наше царство подземным. Но да, я родился в мире богов.

– А к нам ты пришел с Севера, как Праматери? Через Запределье, да?

– Нет. Я воспользовался, как бы это сказать, магическим порталом. Вошел в своем мире, а вышел – в вашем.

– Подумать только!.. А ты бог чего? Математики, да?

– Вовсе нет.

– Как – нет?! Ты считаешь быстрее всех на свете!

– Поверь, в сравнении с богами математики мои способности к вычислениям довольно скромны. Я – бог навигации.

Дороти просияла:

– Это была моя вторая догадка! Значит, ты можешь проложить любой маршрут? Откуда угодно – куда угодно?

– Разумеется. При условии, что буду знать координаты пункта назначения.

– И маршрут в подземное царство?

– Конечно.

– И даже... – Дороти собралась с духом, – в мир Темного Идо?!

Улыбка Нави слегка померкла:

– К сожалению, да. Туда попасть проще, чем ты думаешь.

– Уфф!

Дороти встряхнула головой, будто хотела высыпать переполнявшие вопросы.

– А скажи, ты сразу родился богом навигации? То есть, ну, с самого детства все знал?

– Нет, конечно. Богам тоже нужно учиться, а кроме того – инициироваться.

– Это как?

– Хм... сложно объяснить. Ну, войти в сферу, стать светлым или темным, или казуалом... Прости, я не знаю, как сказать проще.

– Ничего себе! Ладно, в этом я потом разберусь. А правда, что ты бессмертный?

Нави помедлил:

– Не совсем. Я не могу... вернее, не планирую умереть от старости или болезней. Но существуют способы убить меня. Прости, я не хотел бы их называть.

– Конечно, конечно! Но ты не стареешь, да?

– Старею лишь когда чувствую в том потребность. Если хочу, могу сколько угодно оставаться в одном возрасте.

– Значит... тебе не шестнадцать?

– Боюсь, что нет.

– А сколько?

Нави нахмурился:

– Послушай... вообще-то, в нашем мире такие вопросы считаются бестактными.

– Ой!..

Дороти покраснела, прижав ладони к губам.

– Прости, я слишком увлеклась... Тьма меня сожри! Наверное, все мои вопросы были ужасны, а ты просто терпел! Извини, пожалуйста!

– Да нет, ничего.

– Не подобает же так говорить с богом! Я должна сначала поблагодарить тебя. Потом исповедаться и помолиться, да? Но только я не знаю молитвы богу навигации! Можешь мне подсказать?..

– Не нужно мне молиться, пожалуйста! Ты меня только засмущаешь. Если хочешь о чем-то попросить – проси нормально, обычными словами.

– Но я точно должна поблагодарить! Спасибо тебе, боже, что спас меня из заточения в клинике и помог обрести себя, и указал мне мое число – семь. Без тебя я бы погибла во тьме. Ты дал мне так много, что я не знаю, чем... Хочешь, я внесу подаяние в твой храм? Только скажи, где он!

– Насколько я знаю, в Поларисе нет моего храма.

– Святые боги, это нужно исправить! Я начну сбор пожертвований!

– Нет, пожалуйста, это совсем ни к чему.

– Как – ни к чему? Храм должен быть, я займусь этим!

– Право, не стоит!

– Я почти уверена, что знакома кое-с-кем из высшего духовенства. Как только вспомню имя этого человека, сразу

же пойду к нему с требованием. Пусть выделит средства на строительство собора! А кроме того, надо подумать о создании монашеского ордена.

– Не-ет!

Нави схватил Дороти за плечи:

– Пожалуйста, будь так добра, говори со мной просто! Как с обычным человеком, твоим другом. Если будешь молиться и строить храмы, я убегу обратно в клинику!

– Но ты же – бог!

– Тьма сожри, я не бог статуса или эгоизма, или мужского самомнения! Мне ни к чему все эти почести. Я люблю вычислять, строить маршруты и общаться с людьми – больше ничего!

– Но ведь...

– Нет!

– Ладно.

Ущемленная в своем благом порыве, Дороти на время умолкла. И тогда слово взяла Карен:

– Сударь, взгляните: вон там здание портового управления. На его крыше имеется башенка, а на ней – часы. Они показывали половину шестого, когда мы причалили.

– Вернее, пять – двадцать восемь.

– А когда причалила шхуна майора, стрелки указывали восемь пятьдесят.

– Вероятно, так и было. Я не обратил внимания.

– А я обратила, сударь. Мне думается – хоть я и не мастер

в вычислениях – что майор отстал от нас на три часа двадцать две минуты, и это заметно ближе к прогнозу капитана, чем к вашему.

Нави свел брови:

– Ты права, но говоришь об этом так, будто хочешь меня обидеть.

– О нет, сударь, и в мыслях не имела подобного. Я лишь стремлюсь прояснить для себя кое-что. Прежде мне думалось, что божественное знание является непогрешимым. Если бог говорит, что шхуна придет через три часа семь минут, то она прибудет именно тогда – ни минутой раньше или позже.

– Карен, в чем ты меня обвиняешь? Я сделал прогноз исходя из имевшихся данных, и он был довольно точен. Но формулы включали в себя переменные, носившие случайный характер, из-за чего результат расчетов содержал погрешность.

– Сударь, каюсь, я не многое поняла из вашего объяснения. Но одно уловила: вы способны допустить ошибку в вычислениях.

– И снова ты говоришь как-то обидно. Если бы ты хорошо знала математику, то понимала бы: любой действительно сложный расчет всегда содержит погрешность. Вычислитель стремится лишь к тому, чтобы погрешность была минимальна. Неужели это так удивительно?

– Нет, не это. Меня удивляет тот факт, что вы вообще про-

изводите расчеты.

Нави выпучил глаза:

– А как же их не производить?! Как можно жить без вычислений?!

– Но если вы, сударь, являетесь богом, то способны обратиться к высшему знанию и мгновенно выяснить все, что нужно. Любой смертный мог взять камни, инструменты, замесить раствор, попотеть несколько месяцев и сложить мост. Праматерь Янмэй прославилась тем, что построила мост, не прикасаясь к нему руками. Так же любой смертный может взять карандаш и счетную таблицу, перемножить числа в столбик и получить результат. Нужно ли быть богом, чтобы сделать это?

Нави ответил, поджав губы:

– Ни один смертный не способен произвести такие расчеты, как я, тем более – в уме!

– Однако отличие лишь в скорости вычислений. Это количественная разница, а не качественная. В юности я тоже имела талант: запоминала стихотворения быстрее любой моей сверстницы. Но дает ли это право зваться богиней поэзии?..

Тут Дороти вступилась за друга:

– Миледи, ваше недоверие унижает не только Нави, но и вас саму!

– Отчего же? Праматерь Агата учила людей мыслить критически. Я привела бы полдюжины цитат, но Нави и сам их

знает, поскольку переписывал «Мгновения» вместе со мною.

– Однако ваши вопросы оскорбительны!

– Миледи, этот молодой человек в течение десяти лет изводил вопросами и меня, и всех соседей по цеху. Думается, я заслужила право спросить его о чем угодно.

Нави указал на позднее время и на необходимость позаботиться об ужине. Карен снисходительно улыбнулась: мол, я все понимаю, сударь, бояться расспросов – это так божественно! Он сказал:

– Ладно, на один ответ еще хватит времени.

– На один? Премного благодарю за щедрость! Будьте так добры, скажите: что вы делали в царстве богов?

– Извини, это было давненько, я уже мало помню... В основном, делал то, что полагается: строил маршруты, водил корабли.

– То бишь, служили штурманом? Ох, прошу прощения, божественным штурманом.

– Ну, да.

– А вы летали бесплотной тенью в подлунный мир? Дарили полярийским ученым вдохновение на открытия, мореплавателям – смелость для дальних путешествий? Вы создавали океанские течения, что помогают судам ходить быстрее? Или усмиряли штормы, рвущие снасти? Или разгоняли облака, мешающие капитанам видеть путеводную Звезду?

– Ммм... я уже сказал, что плохо помню юность... но, вроде бы, ничего такого.

– Тогда, быть может, у вас имелся любимец? Легендарный герой, полный отваги и дерзости, прославленный среди людей, но смиренный пред лицом богов? Вы полюбили его и взяли под свое покровительство, оберегали от причуд судьбы. С вашей помощью этот герой достиг таких вершин, что прежде не снились смертным. Например, маркиза Фарадея часто называли любимцем морских богов. Не ваша ли ладонь лежала на его плече?

– Насколько помню, я таким не занимался. У нас вообще не приветствуется фаворитизм, считается правильным давать всем равные возможности.

– Стало быть, вы просто водили суда? То есть, простите, священные суда, озаренные высшей благодатью?

– Карен, это уже не первый вопрос, и даже не третий.

– Приношу извинения, о божественный лодчман. Не смею дольше занимать ваше время, тем более, что ответ и так ясен.

Беседа сильно удручила Нави. Дороти, как могла, утешила его. Принесла из харчевни любимую им куриную ножку, услала Карен за горячей водой, чтобы больше не мучила расспросами. Когда доставили воду, позволила Нави первому принять ванну, а на ночь уступила ему лучшую, господскую кровать. Их номер состоял из двух комнат: в господской имелось просторное ложе под балдахином, а в клетушке для слуг – узкая двухъярусная койка. Нави роскошно устроился на мягком и вскоре засопел, а Карен и Дороти кое-как улеглись

на нарах. Впрочем, Дороти без труда уснула бы и там – в лечебнице привыкла к любому неудобству, – но возмущение прогнало сон. Она поворочалась так и этак, искала в себе душевных сил, чтобы извинить Карен, но не нашла их – и тычком снизу разбудила соседку.

– Миледи, неужели вам не совестно?

– Я старше вас двоих и выше родом, но сплю на самом неудобном месте. Совестно должно быть вам.

– Я не об этом, тьма сожри! Вы обижаете Нави! Мы обязаны ему свободой и жизнью, а вы вместо благодарности подвергли его допросу!

Карен промолчала у себя на верхней койке. Дороти пнула ее снизу:

– Не смейте игнорировать меня!

– Я просто жду, миледи, когда вы выскажете все обвинения. Хочу ответить на них скопом.

– Тьма сожри, одного уже достаточно, чтобы вы сторели от стыда! Но пожалуйста, вот еще: вы не верите ему! Открыто сомневаетесь в нем, хотя Нави не раз и не два доказывал свои невероятные таланты!

– Услышала вас. Что-нибудь еще?

– О, да! Нави юн и раним, вы могли это заметить! У каждого из нас свои недостатки. Я потеряла память, вы – ленивая грязнуля, у Нави – тонкая душа. Нужно быть снисходительными друг к другу, а не бить по больному!

– Как это мило с вашей стороны... Желаете еще добавить?

– Главное, миледи! Он – бог! Вы что, идова еретичка, чтобы так говорить с богом? Желаете на костер?! Я это легко устрою, раз уж сплю под вашими ягодицами!

– Миледи, я напугана. Позвольте мне теперь ответить.

– Уж будьте добры! Имеете ли хоть какое-то оправдание вашим поступкам?

– Да, и вы его прекрасно знаете.

– Ума не приложу!

– Подумайте.

Дороти пнула верхнюю койку с такой силой, что скрипнули доски. Карен перегнулась через край:

– Леди Дороти, попробуйте окончить мою реплику. Я так обращаюсь с Нави потому, что он... далее идет одно слово, угадайте его.

– Он бог, а вы еретичка!

– Это пять слов, а нужно одно.

Дороти выбросила руку и ловко поймала Карен за волосы:

– Еще одна насмешка, и я сдерну вас оттуда.

– Безумец!

– Что?..

– Сумасшедший! Вот недостающее слово. Нави – блаженный. Малахольный. Мозги набекрень. Клопы в голове. Мамкино горе. Выпал из колыбельки, стукнулся темечком. Желаете еще метафор?..

Дороти отпустила соседку и удивленно разинула рот:

– Вы все еще верите...

– В его безумие? А что должно было разрушить мою веру?

– Я здорова, и вы здоровы! Нас запихнули в лечебницу силой!

– Нас – да. Но Пэмми в полнолуние бьется о стену головой – либо чужой, либо своею, коль чужой не имеется. Бикус жрет экскременты – трижды был пойман. Сара Сандерс слышит голоса умерших. Причем они звучат в ее животе, Сара сгибается ухом к пупку, чтобы лучше расслышать. А Вильгельм из Мейпла верит, что он – Праотец Вильгельм. Одно время повадился постреливать Перстом в тех, кто ему не нравился. Выставит указательный палец и орет: «Фшух – ты горишь! Пламя, пламя!» Однажды сильно взбесил медбратьев, и палец ему сломали. С тех пор Вильгельм не стреляет, а пишет священный труд. Только он безграмотен, поэтому вместо букв рисует крестики.

– Миледи, сколько бы ни было на свете безумцев, Нави – не из их числа! Он – гений с ясным и чистым умом!

– Конечно. Именно поэтому он зовет себя богом, не может вспомнить собственное детство и плачет от самых простых вопросов. Я уж молчу об одержимости числами.

Дороти замешкалась. Она верила в Нави нерушимо и свято, но все же фанатичкой не была и могла понять: рациональные доводы – на стороне Карен. Дороти стала искать аргументы, но сразу не нашла, а Карен тем временем нанесла еще один удар:

– Миледи, я признаю, что Нави весьма одарен, и в вопро-

сах навигации почти гениален. Потому я вполне понимаю ваш восторг. Но и вы должны понимать: одаренность не исключает сумасшествия, а часто даже наоборот, сопутствует ему. Гениальность и безумство ходят рука об руку – неужто вы не слышали этого?

Дороти тяжело вздохнула:

– Ладно уж, спите. Сегодня я слишком утомлена, чтобы переспорить вас.

– Э, нет, миледи, теперь мой черед. Вы свои претензии высказали.

Дороти поперхнулась словами:

– Пф-что?! Я вытащила вас из лечебницы, где вы гнили заживо! Я гребла в шлюпке всю ночь, пока вы упражнялись в остроумии! Вам хватает наглости...

– Он все еще любит меня. Он все еще меня любит! Миледи, вы же солгали об этом?!

– Я вас спасла!

– Тьма! Умоляю, наслаждайтесь своим милосердием, гордитесь собою сколько угодно, впишите великодушие в родовой герб и передайте его потомкам. Но сейчас я требую правды. Вы солгали – стало быть, знаете, что он меня не любит?

– Ммм... Нет.

– Вы ничего о нем не знаете?

– Уффф... Да, ничего. Я просто угадала. Подумала, давняя любовь еще может расшевелить вас.

– Вы не знаете судьбы моего любимого?

– Нет.

– И даже не понимаете, кто он?

– Нет, миледи.

Карен сделала паузу, чтобы спуститься с верхней койки. Обулась, встала во весь рост над соседкой, откинула волосы с лица.

– Миледи, именем Праматери Елены я возлагаю на вас ответственность. Вы извлекли меня из лечебницы и вытащили в большой, враждебный, забытый мною мир, где я имею лишь одну цель: найти любимого. Вы обязаны помочь мне.

Тогда Дороти тоже поднялась на ноги.

– Вы знаете, миледи: я должна найти дочь.

– Вне сомнений. И я буду помогать вам по мере сил. Но, найдя дочку, вы не посмеете бросить меня. Мы будем вместе, пока я не узнаю судьбу моего мужа.

– И пока я не найду Глорию.

* * *

Будучи на борту «Белой пантеры», Нави продал капитану еще два навигационных секрета, так что деньги у беглецов имелись. Также они придумали способ передвигаться, не запоминаясь свидетелям. Всякий, кто увидит лорда или леди со слугами, сохранит в памяти вельможу, но упустит число и возраст слуг. Рассказывая потом о событии, свидетель может и вовсе не упомянуть слуг, ведь зачем о них го-

ворить – и так понятно, что при вельможе имелась какая-то свита. Потому беглецы обзавелись каждый двумя комплектами платья (господским и холопским), и решили во всяком новом месте сменять «господина». Роль вельможи будет исполнять то Карен, то Дороти, то Нави, так что в памяти свидетелей будет всегда оставаться лишь один человек, притом разный. Правда, добыть господскую одежду оказалось нелегко. Платья горничных, передники, чепцы, скромные серые плащи имелись в лавках готовой и ношенной одежды; но где найдешь наряд, достойный леди, еще и по фигуре? Карен и Дороти, переодевшись служанками, оббегали полгорода без успеха. Но затем в порт удачно зашло шиммерийское судно с грузом шелков – и, как водится у южан, с дюжиной готовых платьев, для иллюстрации достоинств ткани. Там беглецы раздобыли искомое.

Гораздо хуже, чем с деньгами и одеждою, дело обстояло с планами. У каждого из троицы имелась своя цель, и цели противоречили друг другу.

Дороти мечтала найти дочь. Она вспомнила и внешность дочки, и манеры, и голос, и, конечно, имя – Глория. Но не могла оживить в памяти, что и когда разлучило их, а предполагала так: дочь, подобно матери, попала в немилость к янмэйцам и очутилась в какой-либо темнице. Однако темницы есть в каждом замке, замков в Поларисе – сколько рыбы в воде, и десятая часть из них принадлежит янмэйцам. Где искать, у кого спрашивать, как самой не попасться в ходе этих

расспросов?..

Карен искала мужа. Но, раскрыв ложь Дороти, преисполнилась пессимизма и начала думать, что супруг мертв. Собственно, так же она думала и в лечебнице. Теперь, выбравшись, она должна разыскать могилу любимого и узнать, как он умер. Муж, по словам Карен, был весьма знатен, но искать его в фамильном склепе вряд ли стоит. При том, как относились к нему родичи, тело могли отдать собакам или выкинуть в реку. Но если уж начинать поиски от места последней встречи, то таковая случилась в Фаунтерре.

Визит в столицу горячо поддержал Нави: он, как и прежде, мечтал встретить императрицу с лордом-канцлером и задать ряд вопросов. А раз уж Карен такая знатная – ведь ты же знатная, да, правда же? – то не составит труда войти во дворец! Но как быть с Дороти? Ее-то в Фаунтерре наверняка арестуют.

Логичным решением казалось – разделиться, оставить Дороти в провинции и поехать в Фаунтерру вдвоем. Но это никому не пришлось по душе. Карен боялась остаться наедине с безумцем; Дороти горевала от разлуки с другом; Нави заявил, что в больших городах его частенько хотят побить, и Дороти сможет защитить его, а Карен – нет. Нави сказал:

– Для решения этой задачи требуется собрать больше данных, – и пошел в городскую библиотеку.

Карен предупредила:

– Сударь, читайте медленно! Если увидят, как вы глотаете

книгу за пять минут, то завтра о нас узнает весь город.

– Я – простой человек, да, Карен? Никаких отличий от смертного! – мстительно буркнул Нави и ушел.

Дамы впервые за долгое время оказались предоставлены себе. Это изрядно сбило их с толку.

– Наверное, надо пойти порасспрашивать... – без уверенности сказала Дороти.

– Только осторожно, – добавила Карен.

Они подумали, что люди больше будут откровенничать с одинокой женщиной, и разошлись каждая в свою сторону. Вечером встретились в гостинице, чтобы поделиться успехами.

Дороти по какой-то неведомой причине оказалась весьма привлекательна для моряков. Прямо как магнит для железа или мед для медведя! Она получила дюжину предложений отправиться вместе в разные порты мира, в том числе на Фольту. Последний морской офицер так ловко ее заболтал, что она спохватилась уже в кубрике бригантины и чудом вырвалась на свободу. Дальше Дороти предпочла вести расспросы подальше от порта – но и тут встретила трудности. О чем, собственно, спрашивать? «Вы не знаете, в какой темнице моя дочь?» Ясно, что не знают. Нужно задавать такие вопросы, что простые люди, не агенты протекции, могут знать ответы. Но таковые не приходили на ум Дороти. Она с горя выпила вина в пяти разных кабаках, завела три десятка знакомств, выиграла на петушиных боях, проиграла в кости,

трижды спела «Леди и медведя» – раз на спор, два на бис, – с кем-то поцеловалась, кому-то другому вlepила затрещину, и наконец убралась восвояси, провожаемая половиной квартала.

Карен вышла на улицу с намерением расспросить каждую собаку. Идя по набережной, она увлеклась необычным чувством: свободой. Вокруг было множество людей, но никто ее не знал и не замечал. Не было ни лекарей, ни медбратьев, ни чокнутых; никто не требовал вернуться в цех и взяться за перо; никто не грозил процедурами. Можно идти, куда захочешь, смотреть на что вздумается. Можно остановиться и стоять на месте, глядя на море, слушая скрип снастей и крики чаек, – и никто не заорет: «Чего стоишь без дела! Труд – основа терапии!» Можно подойти к булочной и вдохнуть аромат корицы, тянущийся от двери, – никто не упрекнет: «Жажда запахов – происки болезни. Получишь у меня процедуру!» Можно зайти внутрь и купить булочку. Купить! За деньги! Ощутить в пальцах прохладную гладкость серебра, шелкнуть монетой о прилавок – как двадцать лет назад, как в прошлой жизни! Сказать: «Не нужно сдачи», услышать: «Ох, спасибо, сударыня, вы так щедры!» Получить булочку, завернутую в бумагу. Ее завернули потому, что ты можешь взять ее с собой и съесть когда угодно. Святые боги, когда угодно и где угодно! Карен думала скормить булочку чайкам, ведь купила ее только ради удовольствия совершить покупку, но внезапно почувствовала этот... она и слово-то по-

что забыла: аппетит! Уселась на пирсе и стала жевать, глядя, как швартуется красавец-галеон торгового флота. До чего же было... так... так!..

До вечера леди Карен гуляла, ела, пила чай и кофе. Прошла общим счетом больше пяти миль, посетила почти десятков булочных, чайных, кофейных, закусочных. Кроме продавцов, она не говорила ни с одним человеком, поскольку имела такое право – не говорить ни с кем. Одновременно с Дороти она вернулась в номер, пьяная от свободы.

Уроженец подземного царства пришел часом позже и застал дам, распевающих дуэтом рыцарские баллады.

– Простите мне бестактный вопрос: вы свихнулись?!

Естественным путем разгорелась дискуссия. Нави обвинил спутниц в безделье и праздности. Они возразили, что бездельем тут и не пахнет, они провели день с огромной пользой и обрели ужасно ценную штуку: ощущение свободы. Нави сказал, что всякие эмоции и чувства – это абстрактные явления, их нельзя считать добычей. Дамы ответили, что он попросту эмоционально глух, что ставит под сильное сомнение его божественную природу. Истинный бог велик во всем, в том числе и в чувствах! Оскорбленный до глубины души, Нави ушел спать в комнатенку для прислуги.

Утром Дороти терзалась виной: и от того, что обидела друга, и потому, что так явно согрешила на глазах у бога, ведь всякий знает: праздность – зло. Она долго искала спо-

соба подступиться к Нави, загладить свой проступок, но никакой хорошей идеи не приходило на ум, она злилась на саму себя и угрюмо молчала. А Нави, как ни в чем не бывало, повел длинный рассказ о новостях – и даже не вспомнил проступок подруги! Этим он проявил столько великодушия, что Дороти испытала прилив восторга и веры.

Любопытно: в том же самом действии Карен увидела противоположный смысл. Нави избегает обсуждения конфликта потому, что не уверен в себе, а сомнение в своих силах – черта смертных, не богов.

Поведал же Нави вот что. Много лет назад первым человеком в Полари, кто помог ему, стал добрый библиотекарь города Уэймара. С тех пор Нави питал симпатию к людям этой профессии, полагая: мир книг возвышеннее мира реально-го, кто живет в книгах, тот менее испорчен душою. Вчера Нави разговорился с местным библиотекарем – и не ошибся: тот оказался милейшим человеком. Нави блеснул начитанностью, вызвал доверие книжника и стал выпрашивать новости. А когда библиотекарь отвлекался, Нави читал разные выпуски «Голоса Короны» – нарочно втрое медленней своей обычной скорости, потому дело растянулось на весь день. «Голос Короны» не доходил до острова Фарадея-Райли, и новостей, неизвестных беглецам, накопилось изрядное множество. Нави начал рассказ с восстания Подснежников, а окончил самыми свежими событиями: войною в Шиммери и судом в Фаунтерре. О последнем Нави отозвался с прене-

брежением:

– Право, этот суд сильно переоценен. Протоколы заседаний печатают в каждом выпуске «Голоса», но на мой взгляд, все это – показуха. Во-первых, подсудимый обвиняется в том, что зарезал владыку Адриана – которого Палата уже признала преступником и деспотом. Тогда зачем судить? Могли бы благодарность выписать, что избавил мир от злодея. А во-вторых, сам подсудимый довольно мелок: придворный шут, зависимый от наркотического снадобья, прежде уже судимый за какой-то заговор. Разумеется, всякий заслуживает правосудия, но зачем трубить повсюду о столь незначительном человеке? Я думаю, ответ один: владычица Минерва хочет подчеркнуть свою справедливость и делает из процесса показательное представление.

Дороти согласилась с Нави и не проявила к суду интереса. Взамен расспросила о новостях Нортвуда – давеча Нави предположил, что она оттуда родом, и это походило на правду. Слова о Севере отзывались теплом в душе Дороти. Однако Нортвуд теперь не радовал процветанием. Он оказался под властью Крейга Нортвуда – старшего из сыновей графа, – а тот покинул родную землю и прочно засел в столице. Там он пировал за счет военных трофеев и наслаждался званием главнокомандующего, которое пожаловала ему Минерва; графство Нортвуд тем временем погружалось в смуту. Армия Крейга в ходе войны сожрала немалую долю бюджета, земля обеднела, мужики и бароны объединились в сво-

ем недовольстве – а успокоить их некому. Средний сын графа, Хорас Нортвуд, сидит наместником в Клыкe Медведя, но не пользуется большим уважением. Один бунт уже вспыхнул в марте, Хорас не без труда подавил его. Следующий может стать фатальным. В нескольких днях плаванья находится Беломорье, тамошний граф Флеминг уже восстал против герцога Ориджина. Он может поддержать мятежных баронов Нортвуда, чтобы впоследствии получить ответную помощь. Словом, в северных землях назревает хаос.

Дороти с болью выслушала это. Но затем мелькнул проблеск надежды:

– Нави, по твоим вычислениям, я – знатная дама из Нортвуда, верно?

– Именно так.

– И моя Праматерь – Сьюзен, как у графов Нортвуд?

– Верно.

– Быть может, я состою с ним в каком-то родстве, хотя бы далеко?

– Вполне вероятно.

– Значит, Крейг Нортвуд может меня знать! А раз меня, то и Глорию! Ты говоришь, он пользуется влиянием в столице. Давай пошлем ему письмо, пускай поможет с поисками!

– Мне думается, это не лучшая идея.

– Отчего же?!

– Во-первых, как видишь, у Крейга масса собственных проблем. Во-вторых, имеется один фактор... он вероятност-

ный, расчет тут не точен, потому я не хочу говорить прямо...

Нави покосился на Карен, а та спросила с невинным выражением:

– Сударь, к чему эти утомительные поиски? Не получить ли вам знания напрямую, из божественного источника?

– Я уже говорил тебе: это невозможно.

– Но, я уверена, существуют боги, которым это доступно. Скажем, бог знания или богиня-покровительница детей точно должны знать, где сейчас Глория. Свяжитесь с ними и спросите!

Нави опустил глаза:

– Я не могу.

– Как же так? Вы прибыли через магический портал. Откройте же новый и пошлите сквозь него почтового голубя!

– Не получится.

– Отчего? Голубь слишком грязен для мира богов? Тогда освятим стрелу с помощью молитв, привяжем к ней письмо, и...

– Нет, говорю же! Не выйдет! Нужна сфера!..

– Сфера – это Священный Предмет?

– Да нет же, почему все путают!.. Светлая Сфера, которая Предмет, – это просто искатель, такая штука, чтобы находить другие Предметы. Глорию им не найдешь и портал тоже не откроешь. А я говорю о сфере, которая... черт... которая везде, в которую входят при инициации, становятся светлыми или темными... Неужели так сложно понять!

Обе женщины разом кивнули.

– Ладно... Скажу проще. Сфера – это такой магический воздух, аура, заполняющая все царство богов. В ней возможно любое волшебство: найти пропавшего, связаться с кем угодно, открыть портал и пройти в любую точку. Но на вашем витке спирали сферы нет! У меня здесь есть только те силы, которые я принес с собой.

Нави щелкнул себя по лбу.

– То есть, – уточнила Карен, – вы способны считать в уме, быстро читать книги и выглядеть молодым. Никаких других талантов от вас ждать не следует.

– Верно.

– Что ж, по крайней мере, вы не разверзнете подо мною бездну, когда снова обидитесь.

Нави залился румянцем:

– Карен, я требую: прекрати свои насмешки! Ты знаешь меня десять лет, и я не постарел ни на день за это время! Разве такого аргумента мало, чтобы поверить в мои силы?!

Карен пожала плечами:

– Колдуны из Дарквотера умеют прикидываться не только юношами, а и деревьями, и даже жабами. Но не считают себя богами.

– Какие же вы невежи! – вскричал Нави. – Навеять гипноз – простейшее дело, если цель не умеет защищаться. А преодолеть старение – это победа над природой, великое торжество разума!

– О, конечно, как же я не учла! То, что делают смертные, – по определению просто. Но все, что творит бог навигации, – плод великого таланта. Дети рыцарей с пяти лет ездят верхом, я научилась в восемь, а вы до сих пор не умеете. Но держаться в седле – это же примитивное дело, богу не к лицу столь простые навыки!

– Чертовы кони – вонючие, опасные, ужасно медленные твари! Десять миль в час – вообще не скорость! Это даже стыдно называть перемещением в пространстве! Зачем нужна кобыла, если в любой момент можно открыть портал и...

Карен усмехнулась:

– Откройте.

Нави издал глухой рык и отвернулся к стене. Дороти бросилась на защиту и осыпала Карен упреками, но та лишь развела руками:

– Вы оба поступаете нелогично. Нави сам признает, что умеет не так уж много, но оскорбляется, если то же самое говорю я. А вы, миледи, считаете его богом, но опекаете так, будто он – младенец.

– Леди Карен, предлагаю вам выйти на прогулку. Вы вчера так наслаждались свободой – ступайте и получите новую порцию счастья. Быть может, это сделает вас добрее.

Карен подняла брови:

– Выгоняете меня, чтобы побыть наедине?! Как пикантно...

Направляясь к двери, она спросила:

– Кстати, о старении. А почему вы решили оставаться юношей? Сами жалуетсяе на побои – будь вы крупнее и старше, эта проблема исчезла бы. Впрочем, что это я! Рукопашный бой – столь же низкое ремесло, как езда верхом. Истинный бог берет свое не силой, а умилением.

Она убралась, и Дороти стала утешать друга. Обозвала Карен еретичкой, старой дурой, упрямой козой – и Нави слегка оттаял.

– Вот послушай, я узнал чудесную новость, но из-за этой... личности не успел рассказать. Представь себе достижение науки: банк Фергюсон и Дей внедрил пересылку денег по волне! Передаются не банкноты и не чеки, а зашифрованное сообщение: такому-то человеку нужно выдать такую-то сумму. В любой город, где есть волна и отделение банка, можно переслать деньги за минуту. Здесь вносишь на счет, а там адресат получает!

Но мысли Дороти были заняты иным.

– Постой-ка, ты раньше сказал о Предметах, давай вернемся. Говоришь, Светлая Сфера – простая штуковина?

– Ну да, не вижу в ней ничего сложного.

– Стало быть, ты можешь говорить с нею?

– Тоже мне наука.

– А с другими Предметами?

– Конечно, я же бог!

Дороти вдохнула поглубже:

– А... меня научишь?

– Хм... – Он поскреб подбородок. – Прежде, чем учить, тебя нужно инициировать. Технически это несложно, но вот расчеты весьма громоздки.

– Расчеты?..

Нави нежно взял ее за плечи.

– Ты очень хорошая, я дорожу тобой и люблю... ну, в хорошем смысле. Ужасно не хочется причинить тебе зло, потому нужно просчитать все последствия инициации – не пойдет ли какое-то из них тебе во вред? А последствий очень много, и они трудно предсказуемы.

– О чем ты говоришь?..

– Например, о мятеже Ориджина. Несколько инициированных парней применили Персты Вильгельма – и разразилась большая война, император лишился трона, столица попала в руки агатовцев. А это лишь первая волна последствий, грядет вторая – куда более масштабная. Дам тебе силу говорить с Предметами тогда, когда точно высчитаю, что это ничем тебе не грозит.

– А когда ты это высчитаешь?

– Ряд важнейших переменных, нужных мне, известны лишь герцогу Ориджину, и, возможно, владычице. Я должен побеседовать с ними.

– Что ж, ладно... – Дороти вздохнула. – Но сам-то ты уже можешь говорить с Предметами! Давай найдем Предмет, способный разыскать Глорию!

– Насколько я знаю, таких не существует.

– Но Предметы могут все!

– Отнюдь нет. Даже внутри сферы сила Предметов ограничена, а здесь, на вашем витке, они и вовсе слабы. Поначалу я сильно удивлялся, что вы придаете им столько значения.

– Мы – смертные?.. Но как же не придавать значение! Предметы – ваши дары! Вы, боги, шлете их нам в подарок!

Нави почему-то промолчал.

– Эй, постой! Я в чем-то неправа? Предметы – не дар?!

– Как бы тебе сказать...

– Скажи честно! Я все пойму!

– В давнее время, около двух тысячелетий назад, была группа очень... хм... одиозных богов. Впрочем, почему была? Такие и сейчас есть. Словом, эти боги, чьи мотивы мне понять трудно, установили традицию: посылать вам, так сказать, дары.

– А в чем подвох? Почему тебе сложно понять их?

– Дороти, если ты дашь дочери агатку, она купит леденец и будет счастлива. Если дашь эфес, ей придется его разменять, а значит, показать кому-то. После этого дочку могут обокрасть. Если же ты дашь ей искровой арбалет, украшенный золотом и жемчугом, то она совершенно точно будет избита и ограблена, а защититься не сможет, поскольку не умеет стрелять.

– Ты хочешь сказать, боги дают нам слишком много?

– Или слишком мало – как посмотреть. У вас накопилось изрядное количество Предметов, но ужасно недостает зна-

ний.

– Знаний о том, как говорить с Предметами?

– Это – в последнюю очередь. Сперва вам нужно понять те законы мироздания, которые вы еще не открыли. Затем – развить свою мораль, а главное – личную ответственность.

При слове «мораль» Дороти испытала слабость. Показалось, что ее душу тяготит некое давнее преступление, и, может, даже не одно. Беспмятство защищает от мук совести, но рано или поздно она вспомнит все...

Они заказали обед, и за едою Дороти расспросила, что думает Нави о принципах морали? Согласен ли он с учением Праматерей, верно ли они передали людям слова богов, ничего ли не напутали?

Нави ответил, что Праматери – большие умницы, и что редкий знакомый ему бог столь же нравственен, как были они.

Дороти живо заинтересовалась: какие бывают боги, какая у них царит мораль и как они ее нарушают? Может ли бог совершить преступление? Если да, то что с ним делают?

Нави сказал: он знает по меньшей мере одного бога-преступника, и при тех возможностях, которыми владеют боги, один злодей – это уже очень много.

Но развить эту тему он не успел. Дверь распахнулась, и на пороге возникла Карен. Ее глаза блестели от слез, щеки горели лихорадкой.

– Я нашла его!

В голосе звенело столько чувства, что, кажется, воздух заискрился.

– Я нашла, слышите! Он жив!

Меч – 1

**Ночь на 28 мая 1775 г. от Сошествия
Уэймарский замок**

То был дурацкий приказ. Пожалуй, худший из возможных. Граф – мастер интриг и гений финансов – показал себя полным тупицей в тактике.

– Лучники, по кайрам – залп!

Жажда мести аж звенела в голосе Шейланда. В каждой букве: «Умрите, твари! Я хочу видеть, как все вы сдохнете прямо сейчас!» Уж конечно, граф ждал совсем не того, что последовало за приказом.

Северян было тринадцать, не считая Ионы. На них – пластинчатая броня, поножи, наручи, наплечники. Шлемы, конечно, – куда без них. А стрела – не Перст Вильгельма... Из тринадцати легли только трое. Еще несколько получили ранения, но остались на ногах. Один вдох понадобился им, чтобы осознать: граф нарушил слово, а Перст Вильгельма больше не стреляет. Осознав, они схватили Иону под руки и ринулись к воротам – до сих пор раскрытым настезь.

– Стреляйте! – закричал Шейланд, аж дрожа от досады. – Стреляйте, убейте их!

Он даже не уточнил, кого именно бить. Ясное дело, Иону лучше взять живьем, это стоило сказать стрелкам. Но се-

веряне отступали грамотно: коробочкой окружили госпожу, защищая от стрел. Бежали пригнувшись, спрятав головы и шеи, подняв плащи, чтоб усложнить прицел. Двое тяжелых латников со щитами шли в конце, прикрывая спины отряда. Графские лучники осыпали северян стрелами. Тоска, а не стрельба: из десяти воинов упала только пара.

Они почти уже достигли ворот, когда подал голос Мартин Шейланд:

– Эй, надвратная! Кидайте невод!

Джоакин слышал о таком, но прежде не видел. Что-то открылось в арке ворот, и на головы северян выпала проволочная сеть. Разряд щелкнул кнутом, сверкнуло так, что побелело в глазах. Переднюю тройку накрыло неводом и убило наповал. Еще одного зацепило, он свалился на колени. Иона с остальными замерла от неожиданности, на миг став хорошей мишенью. Последовал залп и убил лишь одного – того, на коленях. Но все прочие получили ранения, даже Иона. Стрела пробила ей ногу ниже колена. Графиня упала, попробовала встать – и не смогла. Воин взял ее на руки, но вдох спустя рухнул, обливаясь кровью. У стрелков имелись-таки арбалеты, болт продырявил шлем и голову кайра. Трое выживших ринулись к госпоже, она приказала что-то, взмахнув рукой – бегите. Они, конечно, не подчинились. Согнулись над ней, чтобы поднять, унести. Тогда она сделала нечто – резкое, быстрое движение, стальной блеск. И обмякла, уронив руки.

– Она что... – начал граф, шурясь в попытке разглядеть.

Трое северян стояли еще миг, а потом бросились бегом.

Иона осталась лежать, и теперь Джо видел причину – рукоять ножа, торчащего в груди.

– Она что... убила себя?..

– Да! Так-то! – С неожиданным азартом вскричал лорд Мартин. – Эй, лучники, не зевай! Добейте троих ублюдков!

Спустя лишь несколько секунд раздался ответ:

– Готово, милорд. Все лежат.

Братья Шейланды переглянулись. Мартин встряхнул Виттора за плечи, сверкая глазами от восторга:

– Победа! Мы их сделали!

– Чертов дурак... – выдохнул граф и бессильно обвалился на стену.

Мартин подхватил его, с помощью Джо втащил в комнату, уложил на тахту.

– Вит, что с тобой? Сердце схватило?.. Пошлю за лекарем. Эй, лекаря сюда!..

– Это конец... – простонал Виттор очень тихо, только Джо с Мартином и могли разобрать. – Мы погибли...

Мартин выпучил глаза, разинул рот:

– Брат, ты чего?! Мы всех убили до единого! Даже чертову суку!

– Дурак ты... – с горечью выронил граф. – Поди прочь.

– Куда?..

– Не знаю. Плевать... Порядок в замке наведи, раз такой

бодрый.

– Я того... Вит, обидно как-то.

– Пошел! – рывкнул граф. Махнул рукой на Джо: – Этого тоже заberi, да и прочих. Оставь Берта с Рейнольдсом... и закатников.

Хаш Эйлиш и Лахт Мис были уже рядом, будто предвидели графские слова. Подошли Берт и Рейнольдс – те два рыцаря, что защищали графа в попытке бегства под землей. Мартин обиженно цокнул ртом, отвернулся от брата и хлопнул Джо по плечу:

– Ты кто, помощник Гарри Хога?

– Да, милорд.

– Ну, Гарри помер. Будешь теперь моим помощником. Идем, поможешь прибраться.

Они вышли во двор, сопровождаемые дюжиной рыцарей – тех, что гасили пожар. Вышли, огляделись. Паскудно было во дворе, победой и не пахло. Смердело гарью и кровью, тут и там кто-то стонал или клянчил о помощи. Кто-то рыдал так уныло, что хотелось придушить, но не разобрать было, где он. Люди бродили неприкаянные, шарахаясь от мертвецов. Стрелки торчали на стенах, боясь сойти во двор.

Мартин откашлялся и заговорил так, чтобы слышали даже лучники:

– Эй, люди! Все уши – сюда, слушать меня! Мы победили, ясно вам? Слава графу!

Кто-то откликнулся: «слава» – весьма неуверенно. Мартин продолжил, как ни в чем ни бывало:

– Северная сука предала вашего лорда, моего брата! Клялась быть верной женой – а потом вот, сами видите! Хотела убить мужа, а графство взять себе. Но не на того нарвалась! Моего брата Виттора поцеловали боги! У него есть говорящий Предмет – Перст Вильгельма! Северяне думали, что могут безнаказанно. Но нет, сами боги защитили нас! Теперь им конец, а мы празднуем! Всем вина! Слава графу!

Теперь откликнулись бодрее: «Слава!» Кто-то отважился спросить:

– Милорд, значит, у нашего графа есть Перст Вильгельма?

– И не один. Боги щедро одарили Виттора! Вы служите святому человеку, негодяи! Виттор не хотел пускать в ход оружие богов, но вы же, овцы, ничего не можете. Вот графу и пришлось самому!..

– А это часом была не катапульта?

Мартин выпучил глаза:

– Кто спросил?!

Голос шел из стайки выживших копейщиков. Пред гневом лорда солдаты шустро расступились, обнажив того глупца, который ляпнул про катапульту.

– Чеддер? – узнал Мартин. – Иди сюда, баран.

– Милорд, простите, я не хотел ничего такого...

– Видишь вон того дохлого кайра?

– Вижу, милорд.

– Подойди к нему и нагнись.

Чеддер подошел к трупам, наклонил голову, скривился так, будто хотел вывернуть желудок.

– От чего он помер?

– У него дыра в груди, милорд. Насквозь прожженная.

– Катапульта делает такое?

– Нет, милорд.

– А стрела?

– Тоже нет, милорд.

– Возьми двух баранов себе в помощь, поднимите этого дохляка и прибежите к воротам замка. Пусть каждый слепой увидит, какое оружие есть у моего брата!

Желающих помочь Чеддеру не нашлось, но милорд послал рыцаря, и тот живо разыскал пару добровольцев. Мартин тем временем накиннулся на замковую челядь:

– А вы чего застыли?! У брата сердце схватило от подлости жены. Он лежит у себя и пьет лекарство, а когда выйдет – тут все должно блестеть! Шевелитесь, ну!

Мартин быстро поделил обитателей замка на отряды, каждому назначил дело и придал рыцаря для надзору. Все завертелось. Две дюжины стрелков сносили раненых в казарму и помогали лекарю их бинтовать. Дюжина копейщиков собирала трупы и передавала в ведение похоронного мастера Сайруса, который все больше оживлялся с каждым покойником. Незамужние горничные утешали вдов. Конюхи собирали оружие и обломки, полотеры отмывали двор. Парни из

надвратной башни получили награду за ловкий бросок невода и ушли за ворота, чтобы приволочь в замок тела трех последних кайров. Священник и дьякон поясняли всем сомневающимся, что Персты Вильгельма боги дали графу Шейланду за то, как искренне он заботится о своих людях. Старший из рыцарей – он носил прозвище Кулак – сводил учет оставшихся в строю солдат и срочным порядком назначал новых командиров. Рыцарь по имени Айви получил от Мартина приказ:

– Проверь всех северян. Если кто жив – прикончи.

– С удовольствием! – ответил Айви и взялся за дело.

Теперь заняты были все. Лорд Мартин обратил внимание на Джо – последнего, кто остался рядом.

– Ну, парень... Я вижу, ты очень ничего. Хочу, чтобы ты мне служил. По душе мне такие люди.

– Милорд, это обдумать надо.

– Чего тут думать? Заплачу хорошо, будешь как сыр в масле. Если имеешь желания – все получишь. Моим парням все можно!

Джоакин обдумывал не условия найма, а совсем иные материи. Только что, при его живейшем участии, на Звезду улетела леди Ориджин. Рано или поздно герцог узнает о смерти сестры – и, конечно, явится с войском. До того дня нужно выбрать: исчезнуть без следа или остаться с Шейландами, полагаясь на силу Перстов и божью помощь. То был непростой выбор, и не сейчас его делать, когда голова еще

гудит от пыла схватки.

– Милорд, позвольте, я до утра подумаю, – сказал Джо и добавил, чтобы сменить тему: – Вы так мастерски раздали приказы. Вижу, вам доводилось командовать войском.

– Неа, – мотнул головой Мартин, – на войне не бывал. Зато охоту люблю, у меня егерей много – тоже, считай, армия.

– На кабана ходите? На волка? Медведя?

– На всех, – ухмыльнулся Шейланд.

К ним подошел сир Айви – тот, кого послали добивать.

– Милорд, нужно уточнить приказ. Графиня еще жива. Ее тоже добить или нет?

Нож вошел под левую грудь Ионы – если не в сердце, то очень близко. Джо назвал бы такую рану смертельной, однако северянка еще дышала: рукоять едва заметно двигалась при вдохе.

– Жива, значит?.. А крови много.

– Это его кровь, – Айви указал на кайра с пробитой головой. – У нее почти не течет.

Верно: из-под лезвия кинжала кровь едва пробивалась наружу. Клинок закрывал собой рану.

Мартин присел на корточки и заглянул Ионе в лицо.

– Ну, ты жива? Слышишь меня?

Она не пошевелилась. Мартин пальцем поднял ей веко:

– А ну-ка, посмотри!

Зрачок закатился под лоб, глаз белел слепым пятном.

– Она без сознания, милорд.

– Жаль, жаль... А если так?

Мартин пошевелил рукоять кинжала. Если это и вызвало боль, то недостаточную, чтобы Иона очнулась.

– Осторожней, милорд, – предупредил Айви. – Вытащите нож – она истечет кровью.

– Думаешь?

Мартин расплылся в ухмылке – не то мстительной, не то жадной. Ухватил нож крепче, явно готовый потянуть.

– Милорд, не стоит, – сказал Айви. – Она – ценная заложница. Герцог много за нее заплатит.

– Правда?

– Истинная правда, – подтвердил Джо. – Отдаст что угодно.

Странно: эти слова лишь придали Мартину решимости. Казалось, чем выше стоимость Ионы, тем приятнее убивать ее. Шейланд издал радостный смешок и потянул кинжал на себя.

Айви схватил его за руку.

– Милорд, это жена графа. Пусть он решит, как быть.

Мартин моргнул:

– Думаешь, Виттор не простит меня?

Джоакин добавил:

– Она пыталась умереть, чтобы избежать плена. Разве вы хотите исполнить ее желание?

– Пф...

Мартин выпустил нож и поднялся. Поставил ногу на горло Ионы, пару вдохов постоял, наслаждаясь моментом. Сплюнул:

– Ну, ладно.

Шаркнул подошвой сапога по ее шее и приказал Айви с Джоакином:

– Найдите носилки, перетащим к Виту.

* * *

Граф Шейланд заперся в кабинете с парой телохранителей и послами Закатного Берега. Он велел открыть лишь после того, как Мартин дважды пояснил, в чем дело. Айви и Джо внесли в кабинет умирающую Иону.

Граф изменился в лице. Сперва мелькнуло нечто вроде надежды, но сменилось злобой, когда он рассмотрел жену поближе.

– У нее нож в сердце, тупицы.

– Но она того, дышит! Сам посмотри. Наверное, промахнулась.

– Ей все равно конец! Выйдем клинок – она помрет.

– Послушай, Вит... – Мартин понизил голос, но в тиши кабинета его прекрасно слышали все. – У тебя же есть лечильный Предмет... Помнишь, когда у меня зуб загноился...

– И кто лечил тебя этим Предметом? Цирюльник Гарри? А где он сейчас – помнишь?!

– Разве ты сам не умеешь?..

– Замолкни уже, – рыкнул Виттор на брата и повернулся к послам Закатного Берега.

Лица закатников не выражали удивления. Мартин не выдал никакой тайны, послы прекрасно понимали, что граф владеет разными говорящими Предметами.

– Милорд, – сказала Хаш Эйлиш, – мы только что обсуждали те затруднения, с которыми вы столкнулись. Согласитесь: если леди Иона вернется к жизни, это заметно исправит положение. Например, она сможет собственной рукою написать брату о том, что одолела вас, и чтобы он приезжал в Уэймар праздновать победу. В лучшем случае, вы заманите герцога в ловушку, а в худшем – выиграте массу времени. Герцог нескоро распознает подлог.

Мартин добавил:

– Или отвезем ее в Первую Зиму и обменяем на несколько Предметов. Каких-нибудь сильных, которые нам пригодятся.

Граф помотал головой:

– Будто я не знаю, как применить заложницу. Тьма, я знаю двадцать способов, но заложница нужна живой! А это – труп!

– Неужели сила Предметов...

– Нет! Предмет может заживить рану, но не поднять мертвеца! Вытащим нож, я заживлю кожу, но внутри кровь будет течь. Я не знаю, как добраться туда, и как успеть... Я не хирург, тьма сожри!

Виттор резко отвернулся от Ионы, замкнулся в себе, скрепив руки на груди. Хаш Эйлиш продолжила, как ни в чем ни бывало:

– Между тем, если бы вы проявили способность залечивать столь страшные раны, то показали бы тем самым свое величие и божье благословение, лежащее на вас. Такая сила могла бы склонить в вашу пользу некоторых союзников...

Шейланд глянул на нее исподлобья:

– Вы требуете, чтобы я исцелил Иону? Я не могу этого, смирись!

– Очень жаль.

Упала тишина, полная скрытых намеков и тайных угроз, потому неприятная Джоакину. Он отошел в дальний угол, стараясь не думать о скверном. Но некоторые факты были слишком очевидны, чтобы их не осознать.

В столице Закатного Берега, в четырех днях марша, стоит армия генерала Ориса. Она – не ровня батальонам северян, но все же – самая значительная сила на триста миль вокруг. А о том, что случилось в Уэймаре, как проявил себя граф, стоит ли сражаться за него или против – обо всем этом Орис узнает из рассказа своих послов: Хаш Эйлиш и Лахта Миса.

Не приходя в сознание, Иона закашлялась. Звук напоминал бульканье, изо рта брызнули алые капли.

– Время истекает, – отметила Хаш Эйлиш. – Легкие вашей жены наполняются кровью. Ей осталось никак не больше часа.

– Вы должны быть со мною! – прошипел граф Шейланд. – Тьма сожри, на моей стороне – бог! Вы поклонялись ему двадцать лет. Отвернетесь от меня – предадите вашу веру!

Лахт Мис поднял железную руку. Жест вышел внушительным, как взмах меча.

– Не ему, а ей, милорд. Поймите правильно: вы впечатлили нас, но пока не убедили. Мы хотим увидеть вашу полную силу. А также поговорить непосредственно с ним. Решайте, милорд, выбор за вами.

Хаш Эйлиш погладила Иону по щеке, и оба посла вышли прочь. Едва закрылась дверь, братья накинулись друг на друга.

– Вит, не будь дураком! Ты знаешь, я бы первым прикончил ее, но она, того, нужна нам! Думаешь, она случайно зарезалась? Нет, чтобы нам насолить! Без нее будет трудноვა-то!

– Чертов болван, нам в любом случае конец! Очнись, посмотри вокруг! У нас дюжина рыцарей и полсотни косых стрелков. Это все, тьма тебя, больше никого! Пауль за полмира отсюда, вассалы разбегутся, когда Ориджин придет. Союзников не будет – все узнают, как нас выпотрошили сорок северян! Мы так слабы, что никого не будет с нами!

Виттор глянул на жену с ненавистью, поднес руку к кинжалу, как прежде брат. Мартин закричал:

– Ну нет же! Верни ее, есть же способ!

– Оно не стоит того.

– Но закатники...

– Оно того не стоит! Так и так – конец!

На стук обернулись оба Шейланда:

– Какого черта?!

Дверь открылась, на пороге показался Кулак – старший из уцелевших рыцарей. Вид он имел весьма озадаченный.

– Милорды, простите, срочное известие. Боюсь, не очень хорошее. Послали парней за тремя телами кайров, что выбежали в ворота... И нашлось только два трупа. Видимо, третий прикинулся мертвым, чтобы не стреляли, а потом поднялся и ушел.

– Вы послали за ним?

– Куда, милорд?

– В голубятню, болван! Он попытается отправить письмо!

– В которую голубятню? Их в городе больше десятка.

– Пошлите в... – начал Виттор, но схватился за голову и простонал: – Шлите куда угодно, конец один!

– Простите, милорд?..

– Вон. Вон с глаз!

Кулак исчез, и Айви следом за ним. Тяжелый, болезненный, мутный взгляд графа упал на Джоакина, и тот уже подался к двери, ожидая услышать: «Ты тоже – прочь!» Но почему-то прозвучало иное:

– Кайр доползет до голубятни и пошлет письмо. После завтра герцог узнает, что мы убили его сестру. Через десять дней здесь будет их авангард. Я прав, а?

Джоакин склонил голову:

– Боюсь, что да, милорд.

– Скажите честно: вы хотите сбежать?

– Ну... я подумывал об этом. Но можно ли убить Ориджина и спрятаться хоть где-нибудь?

Виттор выдохнул:

– Мда.

Тогда Мартин взял брата за плечи и подтащил к Ионе. Заставил нагнуться и посмотреть ей в лицо.

– Что ты видишь, ну?

– Мартин, какого...

– Что ты видишь?

– Чертову стерву, которая нас погубила.

– Э, нет! – Мартин улыбнулся широко, искренне, радостно. – Ты видишьдохлого Ориджина! Мы ее разделали. Мы стоим, а она лежит! Остался ее брат – и все!

– Но его войско...

Мартин рассмеялся:

– Плевать же на войска! Мы убили Ориджина, видишь? Один готов, второй на очереди! Половина дела!

Такой неистовый азарт, такое пьяное торжество исходили от Мартина, что даже Джоакин ощутил нечто вроде веры: Ориджины погибнут просто потому, что они – зло, а злу нет места под луной.

Граф Виттор встряхнулся, открыл умывальник, плеснул холодной водой в лицо. Взъерошил волосы, потряс головою,

сказал:

– Ладно... Ладно, брат. Попробуем.

А Мартин, смеясь, повернулся к Джоакину:

– Ты того, подожди снаружи. Сейчас тут решим, потом с тобой.

Джо вышел, закрыл за собой дверь. В коридоре ждал Айви. Спросил:

– Как там дела?

– Графа сильно пробрало, – ответил Джо.

– Не удивительно. Родная жена чуть его не убила.

– Но лорд Мартин сумел его успокоить.

– Лорд Мартин – молодчина. Он никогда Ионе не верил, сразу почуял, кто она есть. Вот что значит – бывалый охотник.

Джо согласился. Айви еще поглядел ему в лицо.

– Знаешь, я вспомнил тебя. Ты здесь был прошлой весной и нарвался на драку. Мы тебя отделали.

– Точно, было такое.

– Не держи зла. Ты тогда был – петух петухом.

– Твоя правда, – пожал плечами Джо. – Поможешь мне с Гарри?

Они сказали по несколько слов над телом цирюльника. Проверили руку, не нашли Перста – очевидно, граф уже забрал оружие. Подняли Гарри и снесли вниз, ко входу в темницу. Возле входа имелся навес, под которым хозяйничал

мастер Сайрус. Копейщики приносили ему мертвецов, мастер строго требовал отчета: кем был покойник, как звался, кто может подтвердить его личность? Когда два свидетеля опознавали очередное тело, Сайрус укладывал его в тот или иной ряд: один ряд – для слуг, другой – для солдат, третий – для северян. На грудь каждому мертвецу мастер прикалывал листок с номером и именем, под этим же номером вписывал покойного в журнал.

– Цирюльник Гарри Хог, – сказали Джо и Айви.

– Вы знали его в лицо? Можете заверить, как свидетели?

– Конечно, можем.

– А сами как зоветесь?

Они назвали себя, мастер вписал в журнал и покойника, и свидетелей. Велел:

– Кладите его туда, в ряд со слугами.

– Он был не просто слуга, – скрипнул Джо. – Гарри владел Перстом и сражался, как лев. Если б не он, мы бы не выстояли. Устройте ему самые лучшие похороны!

Мастер Сайрус возразил:

– Коли Гарри – цирюльник, то, значит, слуга. А слуги лежат в том ряду, согласно порядочку. Но вы не думайте, молодой человек, что я его не уважаю. Цирюльник заботится о внешности человека, о состоянии тела, которое неминуемо отразится на душе. Он делает, считай, одно со мною дело, и я отдаю ему почет, как мастер мастеру. Кроме того, сам граф доверял Гарри, а это тоже многого стоит. Заверяю клятвой,

что ваш друг Гарри Хог получит достойнейшее погребение. Его душа на Звезде запоет от радости, увидев, как мы ублажили его тело.

Джо ответил словами благодарности. Еще раз попрощался с мертвым другом и зашагал прочь. В груди было душно, в горле – комок. Он шел, не разбирая дороги, руководясь единственным правилом: избегать мертвых тел. Благо, большинство из них уже очутилось под навесом.

– Сир Джоакин...

Теплые сухие пальцы коснулись его запястья. Хаш Эйлиш пристроилась рядом, будто они – парочка, гуляющая где-нибудь... ну, там, где гуляют парочки.

– Вы не позаботились о своей ране.

Он вспомнил – и правда. После боя наспех перевязал платком, а потом забыл.

– Чепуха.

– Хотите, я займусь ею?

– Да мелочи, царапина.

– А зря, я многое умею.

Как-то невзначай они забрели за арсенал. Здесь не осталось трупов, потому не было и тех, кто их собирает. Тишина и пустота.

Хаш Эйлиш остановила его и повернула к себе, приблизилась к его лицу.

– Я не в настроении, – рубанул Джо, отстраняясь.

– Для чего?

– Барышня, я потерял друга. Может, кто-нибудь и хочет развлекаться после такого, но не я.

– Вы ошиблись в моих намерениях, сир Джоакин. Я желала всего лишь беседы.

Он пожал плечами:

– Вам бы лучше побеседовать с графом. Для этого вас прислал генерал Орис, а не для шушуканья со мной.

– У вас доброе сердце, Джоакин Ив Ханна.

– И что с того?

Она погладила его по шее. Это было щекотно... и возбуждающе, тьма сожри. Джо снова отшатнулся.

– Хотите, я вывезу вас?

– В каком смысле?

– Экий вы глупый... Я вас хочу. А вы в беде. Герцог Ориджин придет сюда, возьмет замок и повесит весь гарнизон. С другой стороны, если попытаетесь уйти сами, вас схватит и повесит лорд Мартин. Ведь если он позволит сбежать вам, то через день сбегут все.

– Не думаю, – огрызнулся Джо. – Много вы понимаете.

– Не важно, что вы думаете. Вас повесят независимо от хода ваших мыслей. А у вас такие... – она опустила взгляд ниже его пояса, – красивые глаза. И сердце доброе. Мне жаль вас терять. Граф выпустит меня, поскольку хочет союза с Орисом. А я найму вас на службу – и выведу, как своего солдата.

Она положила ладони ему на грудь.

– Вы мне дадите одну ночь. Сделаете все, что я прикажу. А потом – кое-что из того, что я запрещаю. Такая цена, сир Джоакин.

Теперь она отстранилась сама и склонила голову, ожидая ответа.

В голове все спуталось. Все мысли ринулись вместе, ничего не разобрать. Он сказал:

– Вы думаете, графу конец? Я не хотел обидеть, вы приятная женщина, просто не время. И это неправильно – убегать при опасности. И Ориджины...

– Иными словами, вы меня не хотите?

– Нет, я...

– Не хотите настолько, что лучше погибнете, чем отдадитесь мне?

– Тьма! Да вы совсем не так поняли! Я не знаю, хочу ли вас. Может, и хочу, но только похотливый безумец стал бы думать об этом, когда вокруг гибнут люди! И если вы намерены уйти прямо сегодня, то я...

– Что – вы?

– Не поеду с вами. И дело совершенно не в вас. Граф Шейланд – первый лорд, кто был со мной действительно добр. Честно помог мне, без подвоха. А Ориджины – редкая дрянь, подлецы и убийцы, мнящие себя какими-то... сверхлюдьми. Я не брошу графа именно сейчас, когда он схватился с ними. Потом, если выживу, сделаю с вами все, чего нельзя... или что можно... как вы там сказали?

Хаш Эйлиш рассмеялась и быстро, мельком поцеловала его в губы.

– Благодарю, сир Джоакин. Вы дали то, чего я хотела.

– Один поцелуй? Всего-то?..

Хохоча, она погладила его по щеке. Без страсти, снисходительно, слегка обидно.

– В гадательных картах есть такая фигура – дурачок. У него пустая голова, зато доброе открытое сердце. Он принимает решения сердцем, поскольку больше нечем. В простых ситуациях, где имеется логичный ответ, дурачок всегда ошибается. Зато в сложных, где мудрецы дают маху, дурачок попадает в цель.

Джоакин выпучил глаза:

– Это я – дурачок? И вы хотели, чтобы я решил... победит Шейланд или Ориджин? Тьма, я что для вас, карта из колоды?!

– Не зазнавайтесь, – подмигнула Хаш Эйлиш.

Она попятилась с явным намерением исчезнуть, но наткнулась на Айви, возникшего за ее спиной.

– Миледи, милорды зовут вас. Джо, тебя тоже.

* * *

Войдя в кабинет графа, Джоакин сразу заметил перемены. Кинжал исчез из груди Ионы, как и стрела из ноги. Она была бледна, словно снег, и дышала так слабо, что не приметить

глазом. Но Джо повидал достаточно трупов, чтобы понять: она – не труп. По крайней мере, пока.

Другая перемена случилась в самом графе. Он восседал в кресле, вальяжно откинувшись на спинку. Вместо прежнего одеяния теперь на нем был траурный черный костюм. Над теменью платья маячило призрачное белое лицо графа. Он усмехался.

– Господа, мне пришлось переодеться. Моя леди-супруга, видите ли, при смерти. Следует выглядеть подобающе.

Закатники склонились над Ионой. Хаш Эйлиш потрогала жилу на шее, затем откинула простыню и осмотрела грудь. На месте ножа остался вздутый алый рубец. Кровотечения не было и в помине.

– Ваше искусство, граф, вызывает восторг!

– Пустое, – Шейланд небрежно развел руками. – Как верный муж, я просто обязан был сделать все для спасения супруги. Но, к сожалению, моя душенька потеряла ужасно много крови. Жизнь бедняжки сейчас в руках богов.

– Пускай же они будут милостивы!

Лорд Мартин, стоящий за плечом брата, уточнил с ухмылкой:

– К нам.

– Господа, вы удовлетворены? – осведомился граф.

– Сделанное вами выходит далеко за грань возможностей медицины, – уважительно кивнул Лахт Мис. – Но мы надеемся, что вы исполните и вторую нашу просьбу.

Вместо ответа граф выдержал паузу и повернулся к Джоакину, иронично поднял бровь:

– Ну, сир Джоакин с Печального Холма, вы собираетесь бежать?

Он пожал плечами:

– Бежать не намерен. Могу уйти, если не договоримся.

– Желаете героически погибнуть в борьбе со злом? Или упо-
ваете на победу?

– Не вижу причин умирать, милорд.

– Откуда такая уверенность?

– От Предметов, милорд. Герцог Ориджин – всего лишь человек, и отнюдь не самый сильный. На вашей стороне нечто гораздо большее.

– Хе-хе. Вот тут вы правы, сударь. Даже не представляете, насколько.

Граф обратил взгляд к своему рыцарю:

– Айви?..

– Джоакин имел возможность сбежать, но не воспользовался. Я ему верю, милорд.

– Мартин?

Младший Шейланд повел носом, будто пес.

– Чутье говорит: Джо – хороший парень, от него будет польза.

Граф кивнул:

– Сир Джоакин, мы не против принять вас на службу. Назовите вашу цену. Надеюсь, вы уже сложили ее?

– Вполне, милорд. – Джоакин поиграл желваками, набираясь наглости. – Я хочу Перст Вилгельма.

– Я обдумаю это. Перстами сражаются те, кто проявил определенные качества. Вы показали только некоторые из них.

Джоакин покраснел – не от сказанного, но от собственной дерзости. В горле пересохло, он сглотнул комок, закашлялся, но все же произнес:

– Милорд, позвольте уточнить. Я хочу Перст Вильгельма в свою собственность. После войны, когда мы разобьем Ориджина, я оставлю Перст себе.

Граф поднял брови – и рассмеялся:

– Ай, хорош! Вы возмужали, сир Джоакин. Выросли прямо на глазах!

Смех внезапно угас. Граф выдержал долгую паузу, холодно глядя на Джо. Затем кивнул:

– Я согласен. После победы Перст – ваш.

Джо так растерялся, что не нашел слов.

– Я рад... служить... слава...

Граф усмехнулся его потугам и поднял ладонь:

– Давайте не строить из себя то, чем мы не являемся. Сделки скрепляют рукопожатием, а не пафосными речами.

Джо приблизился и сжал холодную белую ладонь графа.

– Мы... договорились, – очень медленно произнес Шейланд.

– Да, милорд.

Тогда граф отпустил его руку и наконец дал ответ закатникам.

– Сударь и сударыня, простите, что отвлекся. Вы желали кое-с-кем поговорить, верно?

– Это не просто желание, а мечта, милорд. После такой беседы мы вернемся в Сайленс, полные вдохновения. Наш господин, генерал Орис, будет счастлив, что его послы удостоились подобной чести.

– Так извольте же.

Граф открыл ящик стола и извлек широкий молочно-белый браслет. Надел его и что-то шепнул – слов не разобрать, но губы шевельнулись. Браслет озарился сиянием. Послы Закатного Берега подались к графу с выражением трепетной надежды на лицах.

Вмиг у Джоакина мелькнула мысль: сейчас граф испепелит их! Закатники посмели давить на него, он отомстит. Секунда – и ничего не будет, кроме черных костей. Но потом Джо заметил: это не Перст Вильгельма, и даже не очень похож. Иной цвет, иной размер, одно только сходство – так же одевается на руку.

И граф, конечно, не произвел выстрела, а просто сказал:
– Вызываю.

Ничего не произошло. Он повторил: «Вызываю». Выждал целую минуту – и повторил снова. Результата не было. Гнев проступил на лице графа, но вдруг браслет засветился ярче и издал звуки человеческой речи:

– На связи.

Голос – сухой, жесткий, неприятный – шел прямо изнутри Предмета. Хаш Эйлиш и Лахт Мис затаили дыхание, услышав его. Но кем бы ни был тот человек из браслета, граф говорил с ним, как со своим слугой:

– Почему не отвечал так долго?

– Возникли трудности.

– Последний у тебя?

– Да. Но были трудности. На месте оказались люди щенка.

Граф брезгливо поджал губы:

– Ты с ними покончил?

– Разумеется, – голос выразил тень чувства: наслаждения. – У нас тоже потери. Хрупкие, хрупкие люди.

Любой полководец узнал бы: велики ли потери? Граф отчего-то не спросил.

– У меня тоже трудности. Мчись сюда кратчайшим путем. Ты нужен в течение недели!

Пауза.

– Этого не будет.

Шейланд округлил глаза:

– Что ты сказал?!

– Я сказал: этого не будет. Я сказал: там были люди щенка.

Щенок поймет, что к чему, перекроет все прямые пути. Мы пойдем вокруг.

– Перекроет? Тебе плевать на блокаду! Пробивайся!

– Это будет... – Пауза. Там что-то происходило: слышал-

ся звон подков, доносились крики. – ...неразумно. Пойдем вокруг. Я решил.

Лицо графа окаменело от злости, глаза аж потемнели.

– Ты решил?! Это я решаю!

– Не всегда.

Из Предмета раздался резкий звук: сухой щелчок, сопровождаемый свистом. Очень похоже на кнут. И следом – истошный, надрывный вопль. Даже ослабленный расстоянием, он заставил вздрогнуть всех, кто был в кабинете. Крик длился несколько вдохов, пока не повторился звук кнута. Тогда стало тихо.

– Я решил, – весьма спокойно повторил голос из Предмета.

– Ну... – Шейланд пожевал губы, – и когда ты приедешь?

– Когда все будет сделано. Ждите, сообщу. Конец связи.

– Нет, стой. Тут рядом два человека, они хотят с тобой поговорить.

– Плевать на них.

– Два ценных для меня человека хотят поговорить с тобой!

– Пусть говорят.

Несколько вдохов закатники переглядывались, не решаясь раскрыть рты. Наконец, осмелился Лахт Мис:

– Господин, мы – послы Закатного Берега, Лахт Мис и Хаш Эйлиш. Мы – служители культа, который поклоняется Павшей... той сущности, которая... видимо, была вашей

спутницей.

– Забавно. Что с того?

– Мы хотим... мы готовы помочь!

Голос затрясся от смеха:

– Помочь мне?

– Простите, я сказал слишком смело. Конечно, господин, вы не нуждаетесь в вашей помощи. Но ваш... граф Виттор Шейланд оказался в непростой ситуации, и мы могли бы...

– Мне до вас нет дела. Слушайте графа. Или не слушайте, плевать. Если он скажет, я убью вас.

Браслет графа погас. Голос утих вместе с остальными звуками.

Хаш Эйлиш и Лахт Мис сияли от счастья. Видимо, человек из Предмета сказал именно то, о чем они мечтали.

– Милорд граф, благодарим вас за все! Позвольте нам остаться на несколько часов для ночлега, а затем мы отправимся в путь, чтобы поделиться нашей радостью с генералом Орисом. Мы сделаем все возможное, чтобы он принял вашу сторону.

Искра – 1

29 мая – 1 июня 1775 г. от Сошествия

Фаунтерра, дворец Пера и Меча

** Полезно знать, что в Поларисе месяцы имеют иное число дней, чем на Земле. В мае их 29, так что 1 июня идет за 29 мая*

Мое величество желает выпить.

За что? О, не знаю даже, с чего начать!

С любви, быть может?.. Нет, не сейчас. Дайте опомниться сперва.

За себя? За временную правительницу Минерву... Нет, и это рано. Я еще слишком трезва, чтобы принять это с иронией.

За моих врагов! Вот прекрасный тост. За врагов, неотличимых от друзей. За каждого в отдельности, ведь вы того достойны.

Ваше величество Маделин Нэн-Клер, Леди-во-Тьме, первый кубок этим вечером поднимаю за вас. Дайте-ка вспомнить точную цитату... «Внученька, ты – дивный молодой побег на великой ветви янмэйского древа. Твоя мудрость и благочестие заслуживают высших похвал. Я уйду спокойно, оставив Империю в твоих руках». Все прекрасно здесь, начиная от первого слова. За всю мою жизнь – ни одного письма от вас, как вдруг – «внученька»! И сама обстановка – о, пре-

лесь! Слепая старушка на смертном одре: восковое личико, белый чепец, голосок еле слышен, вот-вот угаснет. Кто станет врать, глядя в лицо смерти?.. Ха-ха. Наивная Минерва, тебе еще учиться и учиться! «Внученьку» как ветром сдуло, вместе с вашей болезнью. Стоило сорваться нашему плану, стоило еретикам выйти живыми из гробницы – и нет больше ни «внученьки», ни дивных побегов. Есть живая и здоровая ведьма на трибуне: «Предлагаю избрать нового владыку». Более полезного, надо полагать. Внученька не оправдала себя – не беда, заменим внучком. Ни тени стыда, ни унции совести. Леди-во-Тьме, я с завистью пью за вас, не обремененную этими недостатками. Отныне вы – мой пример для подражания!

Минерва пьет, звякая кубком об оконное стекло. Минерва слышит очередную перепалку за дверями. В который раз кто-то силится прорваться к ней, и верные гвардейцы отсылают его прочь. Этим вечером вход в покои закрыт для всех, кроме чашника.

Ваша очередь, король Франциск-Илиан, Первый из Пяти, хранитель Львиных Врат. У вас также мне стоит поучиться многому. Актерскому искусству, например. Изящество в том, что вы играли у всех на виду. Вызвались защитником на суде с единственной целью: получить трибуну. А получив ее, стали говорить – да так, что каждый слышал свое. Бед-

няга Менсон видел в вас защитника, лорды – мудреца, к которому стоит прислушаться, Ориджин – зубастого и ценного союзника. Этот суд для вас – триумфальное возвращение в политику после многих лет в келье. Все утраченное влияние вы вернули одним махом, когда раскрыли все тайны, развеяли туман и выиграли безнадежный суд. А затем... Я ведь не забуду, что это была ваша идея. Таких подарков не забывают, ваше величество, и не прощают. Голосование сорвано, Ориджин сбежал, будто ужаленный гадюкой, в Палате хаос... Но ваш голос – как всегда спокоен и мудр, вас хочется слушать. «Герцог Ориджин клялся разбить еретиков – дадим же ему эту возможность. Отложим голосование до того дня, когда лорд-канцлер сообщит нам о победе над Кукловодом. Вы спросите: кто будет править до тех пор? Я прошу леди Минерву принять на себя это бремя и стать временной правительницей. Вне сомнений, великий герцог Ориджин быстро одолеет еретиков, и леди Стагфорт сможет уйти на заслуженный покой».

Временная правительница! Bravo, Франциск-Илиан, блестящий маневр! Теперь нет ни одного полноценного владыки. Есть Палата, которая смотрит вам в рот, есть я и Ориджин – оба обязаны вам надеждой. Когда Кукловод будет разбит, вы посадите на трон кого пожелаете. Стоит ли пить за императоров? О, нет, это вчерашний день. Сегодня пьем за тех, кто создает императоров!

Минерва сама наполняет кубок. На бутылке орджа – лилия и меч, герб города Лида, древней столицы Севера. Полезно знать историю: Первая Зима была селеньем пастухов и монахов до того века, когда агатовцы решили завоевать весь мир. Позже то время назовут Веком Отчаянья: Фаунтерра пала, центральные земли сдались, королевство мириамцев сжалось до трех городов – Ардена, Маренго и Руайльда... То было тысячу лет назад. Полезно знать историю потому, что она имеет свойство повторяться.

Герцог Ориджин, я пью за вас – величайшего лжеца из всех, мне известных. Подлинный талант – в том, чтобы самому поверить в свою ложь. Вы не лицемер, о нет, вы – нечто большее. Вы сами видите себя защитником закона, воином добра, борцом против ереси. Вот почему снова, в который раз, смогли обмануть меня. Я бы распознала ложь, не будь она правдой в вашем мире. Вы разыграли этот спектакль в Палате, знали наперед, как скинете меня и как усядетесь на трон... Но в ваших глазах вы чисты, как хрусталь! Вы честно предложили мне сохранить корону, и я как будто честно отреклась. Вы честно дали Палате выбор: или корона ваша, или мир сгорит в огне Перстов. Свободный выбор, не так ли?..

Что ж, этому я научусь у вас: верить в свое дело. Вы защитите Поларис от еретиков, а я – от вас. Я не дам Веку Отчаянья повториться!

Снова голоса за дверью, и Мира пытается крикнуть: «Провалитесь во тьму!» – но язык заплетается в узел. Она хочет подняться, но падает в кресло, ноги – вата. Хорошо! Вот теперь она готова к тому, чтобы выпить за любовь.

Владыка Адриан Ингрид Элизабет, герцог Арденский... Формальный титул, оставшийся с незапамятных времен. Ныне в Ардене нет ничего императорского, кроме усыпальницы, потому императоров зовут этим титулом лишь после смерти... Адриан, я пью за ваше воскрешение! Этот день был бы самым счастливым в моей жизни, если б не Ориджин, если б не «временная правительница». Какая издевка судьбы – преподносить огонь и лед в одном сосуде!..

Хотя...

Знаете, герцог Арден, я уже достаточно пьяна, чтобы позволить себе осознать... Я была бы счастлива, воскресни вы полгода назад. Но теперь... где вы пропадали все это время? Почему вас не было, когда были нужны – Империи, столице, мне? Почему я делала вашу работу? Почему от вас, как и от проклятой болотницы, я не получила ни одной строки?

Почему вас не оказалось рядом, чтобы взять корону с моей головы? Для вас же я берегла ее, вам одному отдала бы!

Почему, тьма сожри, я все еще не знаю, где вы?



– Понюхайте это, ваше величество, и станет легче.

Мира не поверила. Ей никак не могло стать легче. Плохо было настолько, что ни пошевелиться, ни открыть глаз. Стоило поднять веки, и все вокруг начинало вертеться в водовороте, кровать исчезала из-под спины, и Мира падала куда-то. Желудок выворачивало наизнанку, внутри головы звенело битое стекло, мучительно вонзаясь в виски. В горле было сухо, как в пустынях Надежды, но от первого же глотка воды накатывала сильнейшая тошнота. Так длилось уже очень давно, час или больше, от самой минуты пробуждения. Легче не стало ни на йоту. Какое там! Если она сейчас умрет, даже это не избавит от мучений!

С другой стороны, требовалось немного: всего-то понюхать. Выпить Мира не смогла бы ни ложки, но втянуть носом запах – наверное, получится...

Она сделала глубокий вдох. Пахло чем-то пряным и свежим, аромат проникал в каждый закуток ее тела. Мира вдохнула еще. Ком откатил от горла, желудок вернулся на подобающее место. Еще вдох. Головокружение замедлилось, водоворот сменился сильной качкой, а затем – умеренным волнением. И еще вдох, поглубже. Боль отступила от висков, осталась лишь пульсация. Мира улыбнулась, не открывая глаз:

– Благодарю вас, добрый незнакомец... Теперь оставьте

мне ваше чудесное средство и дайте насладиться отсутствием боли...

– Я бы рада, но облегчение продлится только четверть часа, и нам нужно успеть поговорить.

– Всего четверть? О, боги, как...

И лишь теперь Мира узнала голос.

Подпрыгнула в кровати, рывком села, вжавшись спиной в изголовье, закрывшись до шеи одеялом, будто щитом. Подле нее сидела Леди-во-Тьме.

– Что вы здесь делаете?!

– Помогаю вашему величеству. Вы навещали меня в час хвори, теперь я возвращаю долг.

За спиной королевы возвышалась пара асассинов, а рядом, сложив руки на животе, стоял Франциск-Илиан. Где гвардейцы? Где чертовы гвардейцы?!

– Я вас не звала!

Леди-во-Тьме пожала плечами:

– Вчера вы никого не желали принимать, а наша беседа не терпит отлагательств. Мы были вынуждены прийти без приглашения.

Рука Мира метнулась к шнуру звонка – но он оказался предусмотрительно срезан.

– Стража! На помощь!

Ведьма качнула головой:

– Часовые не слышат вас, поскольку спят крепким сном. Не волнуйтесь, они в полном здравии.

От похмелья не осталось и следа. Сердце бешено колотилось, все мышцы напряглись, как струны. Оба асассина – слева от кровати, а справа – никого. Спрыгнуть туда и бежать... но дверь, очевидно, заперта. Дверь для слуг? Она прямо за спиной жала криболы – не прорвешься. Окна? Одно открыто – дальнее. Бросить в этих одеялом, кинуться бежать. С разгону в окно... Третий этаж, будет очень больно. Но не смертельно!

Леди-во-Тьме тихо кашлянула и сказала одному из асассинов:

– Я чувствую сквозняк, он не идет на пользу старческим костям. Будь добр, закрой окно.

Жало криболы выполнил приказ и остался стоять у окон, отрезая этот путь. Мира вспомнила: в тумбочке справа от кровати – искровой самострел. Если заболтать их, усыпить бдительность...

– О чем вы хотели поговорить, леди Маделин?

Ведьма коротко кивнула, одобряя готовность Миры к беседе.

– Ваше величество, я хотела сказать пару слов о мастерстве садовника. Тот, кто хорошо обучен уходу за растениями, совершает все необходимые действия: соблюдает время полива и температуру воды, следит за качеством почвы, дает питомцу должное количество света, искореняет сорняки. Словом, он полон старательности и прилежания, которые, несомненно, заслуживают похвалы. Однако истинный

мастер дела знает: порою наступает время, когда питомца нужно избавить от опеки, дать ему самостоятельно справиться с некоторыми испытаниями. Растению, как и человеку, порою нужен отдых от заботы.

– Зачем вы говорите это?

– Ради совета, который теперь последует. Ваше величество недостаточно искушены в садоводстве и могут не распознать тот самый час. Я помогу вам подсказкой: он как раз наступил.

Мира не слишком старалась разгадать шараду. Она подерживала разговор с единственной целью: усыпить внимание.

– Наступил час избавиться от забот, я верно поняла вас? В таком случае, я уже начала следовать совету: именно чтобы отрешиться от них, я испила вчера одну... или две...

Переносица ведьмы сморщилась на миг.

– Ваше величество, боюсь, что мы не достигли понимания. Я всецело рада вашему отдыху, хотя нахожу ваш способ излишне мучительным. Но мой совет простирается шире: дайте отдых не только себе, но и всему, за что вы считаете себя ответственной.

Мира усмехнулась, стараясь выглядеть как можно глупее:

– Вы о гвардейцах? Так вот зачем вы уложили их спать! Клянусь, я сокращу время вахты и всем дам увольнительные!

– Гвардейцы заслуживают отдыха, – согласно кивнула

ведьма. – Но в нем также нуждается и искровая пехота, и протекция.

– Да, верно! – Мира всплеснула ладонями, невзначай освободив руки от одеяла. – Лорд-канцлер взял на себя войну с еретиками, так отчего бы моим солдатам не отдохнуть?

– Не обойдите вниманием и лордов, ваше величество. Многие аристократы питают к вам большое уважение и ощущают свой долг перед вами. Я бы советовала обратиться к ним с речью, которая подарит им душевный покой.

– О, вот тут мне нужна помощь! Мне хорошо удаются тревожные речи, а также пугливые, нервные и истеричные. Но речь, дающая покой, вряд ли мне по силам.

Мира не поручилась бы в том, но, кажется, Леди-во-Тьме слегка расслабилась. Король-пророк и был расслаблен с самого начала, а точнее – сонлив. Похоже, как всякий южанин, он привык поздно вставать с постели. Ассассин, стоящий у окон, слишком далек. Остается тот, что возле ведьмы. Чем бы отвлечь его?..

– В данном случае, речь не составит большой сложности. Ваши слова не будут иметь решающего значения, нужно лишь проявить безмятежность и уверенность в лучшем исходе. К примеру, вы можете просто объявить увеселительное мероприятие – скажем, бал. Растения чувствуют, когда садовник полон радости и покоя.

– О, тогда вам придется оставить мне средство от похмелья. Я не наполнюсь ни покоем, ни радостью, если этот ужас

вернется!

Мира подумала: взведен ли самострел? Да, конечно – капитан взвел на моих глазах. И показал, как выпустить каждую из стрел, их там три. Однако не четыре – кто-то останется на ногах... Хотя нет, зачем вообще стрелять? Направить на ведьму, пригрозить: «Если кто двинется – убью ее!» Дотянутся до огрызка шнура – вон же торчит из отдушины. Трезвонить, пока не сбегутся, а тогда арестовать всю четверку за покушение! Отлично, так и нужно, последний вопрос: как отвлечь ближнего асассина?

Леди-во-Тьме протянула Мире флакон из синего хрусталя:

– Должна предупредить: эссенция безвредна только в малых количествах. Не совершайте больше десяти вдохов подряд, и не повторяйте ранее, чем через полчаса.

– Премного благодарю, ваше величество! И за помощь, и за бесценные советы!

Легким движением ведьма наметила поклон:

– Я рада быть полезной вашему величеству.

Тогда Мира закашлялась.

– Простите, господа... В горле пересохло... Не дадите ли воды?

Кувшин стоял на столике по правую руку от Леди-во-Тьме. Но ведьма слепа, и вряд ли найдет по запаху сосуд с чистой водой. Жало криболы должен будет помочь!

Ни ведьма, ни асассин не шевельнулись, и Мира указала

рукой:

– Вода там... Будьте же добры!..

Жало криболы не перевел взгляда на кувшин. Его темные цепкие глаза не отрывались от Минервы. Впервые голос подал Франциск-Илиан:

– Ваше величество, позвольте, я помогу вам.

Обойдя ведьму и жало, он взял кувшин и чашку. Его голос зазвучал мягко, как журчание воды:

– Боюсь, густая ткань метафор слишком плотно укрыла суть. Но истине, как и женщине, порою к лицу нагота. С позволения вашего величества, я выскажусь прямо.

Король обогнул ее ложе, встал подле тумбочки с самострелом и подал Минерве чашку.

– И я, и королева Маделин поддержали идею выборов нового владыки, чем оказали содействие герцогу Ориджину. Мы предложили вам роль временной правительницы до дня окончательных выборов. И вы приняли данную роль, но, похоже, считаете себя жертвою нашей манипуляции. Не возьму на себя тщетный труд разубеждать вас, однако поясню свою точку зрения. Как ослу нужен погонщик, так Империи Полари необходим сильный и мудрый владыка. На мой взгляд, лучшим вариантом являетесь вы – вернее, являлись им, пока не проявили слабость, узнав о воскрешении Адриана. Последний, несомненно, своим появлением принесет смуту, потому Палата поступила правильно, низложив его. Но вы отrekliсь от короны в пользу Адриана – а значит, чув-

ства делают вас слабой и готовой потворствовать ему. Следовательно, и вы не годитесь на роль императрицы – по крайней мере, до тех пор, пока Адриан не отойдет на Звезду повторно и окончательно.

С каждым словом пророка Мира все гуще заливалась краской. Щеки пылали, огонь перекинулся на шею и уши.

– Желаете еще воды, ваше величество? Прошу... Теперь взглянем на кандидатуру герцога Ориджина. Он пользуется большой популярностью у лордов Палаты, и немудрено, ведь он – феодал до мозга костей. Реформы Телуриана, направленные на абсолютизацию имперской власти, противны естеству герцога. Он установит свой полный контроль над Фаунтеррой и Землями Короны, но в масштабах всего Полариса императорская власть ослабнет – герцог не имеет ни навыков, ни желания, чтобы стать администратором такого уровня. Потому, с моей точки зрения, герцог – далеко не идеальный вариант. Но альтернатива представляется куда более пугающей. Если герцог не сможет или не захочет выиграть войну, то трон, вероятно, займет Кукловод. Послует кровавая тирания и жесточайшие репрессии в центральных землях, а окраины, очевидно, просто отколются от Империи. Еще воды, ваше величество?..

Сквозь комок в горле она выдавила:

– Почему не Адриан?

– Бывшему владыке мучительно не хватало того качества, которым наделены вы: мягкости. Он нажил трех весьма мо-

гучих врагов, чьи имена – не секрет для вас. Если Адриан снова воссядет на трон, последует свирепая гражданская война. И кончится она, вероятно, воцарением Кукловода, поскольку остальные претенденты будут ослаблены. В данный момент Адриан неспособен объединить Империю, а может лишь расколоть ее.

– Не говоря о том, – подала голос Леди-во-Тьме, – что он исчез! Бросил свой сад на целых полгода! Его мотивы весомы, но не оправдывают такого поступка.

Голос ведьмы придал Мире сил. К пророку она не питала подлинной ненависти, но к ведьме – с лихвой. Гнев пересилил смятение и укрепил волю.

– Значит, вы пришли пригрозить мне, чтобы сидела тихо и не мешала Ориджину? Я верно поняла, господа?

Пророк качнул головою:

– Ваше величество, мы пришли убедить вас подняться выше личных мотивов и взглянуть вдаль. Вы можете с равной силой ненавидеть меня, королеву Маделин и герцога Ориджина, но я абсолютно уверен: Империю вы любите. Подумайте о ее будущем, ваше величество. Не делайте того, что причинит Империи вред.

Не дожидаясь ответа, Франциск-Илиан откланялся. Следом за ним к выходу двинулась Леди-во-Тьме и оба ассасина. Жало криболы, шедший последним, вынул из-под плаща искровый самострел и положил на пол у самой двери.

Стоило болотникам покинуть спальню, как Мира добралась до огрызка шнура и дергала его, пока в комнату не влетел Шаттэрхенд. На капитане не было лица.

– Ваше величество, что произошло?! Часовые без сознания... вы целы?!

Действие эссенции кончалось, голову вновь наполняло битое стекло. Но злость заглушала любую боль.

– Только что здесь были четверо злоумышленников. Работа стражи неудовлетворительна. Часовые, которые дали себя усыпить, должны покинуть гвардию.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Заодно и те, кто стерег коридор.

– Так точно, ваше величество.

– Вы понижены в чине до лейтенанта.

– Рад служить вашему величеству!

О, да, не зря он радуется: мог стать и вовсе рядовым. Но тогда Мира лишилась бы единственного полностью верного офицера. Единственного?..

– Срочное письмо Уитмору в Маренго: он нужен здесь вместе с его ротой. Разыскать Бэкфилда, где бы он ни был, и тоже сюда.

– Ваше величество, Бэкфилд?..

– Лейтенант, я спросила вашего мнения?

Шаттэрхенд скрипнул зубами:

– Никак нет, ваше величество.

– Следующий приказ: тайно организуйте ряд встреч. Пер-

вая – леди Лейла Тальмир, Ребекка Литленд и вы. Вторая – банкир Конто. Третья – герцог Лабелин. Четвертая – Ворон Короны. Как только прибудет рота Уитмора, пригласите сюда также Серебряного Лиса... и его супругу, леди Валери.

– Будет исполнено, ваше величество.

– Удвойте чертовы караулы, закройте этаж и все крыло. Объявите двору указ: ни один болотник не входит в мое крыло дворца. Если появится, бейте без предупреждения.

* * *

В тот день дворец напоминал не просто бурлящий котел, а котел с кипятком, в который бросили сотню живых лягушек. Никто не двигался спокойно – все носились, как ошпаренные; никто не говорил ровно – или срывались на крик, или шептались бешеной скороговоркой. Никто не находил себе ни места, ни дела. Люди боялись пропустить нечто важное – приказы или новости. Дефицит того и другого лишь подогревал панику.

Пока временная правительница заперлась в своем крыле, лорд-канцлер закрылся в своем. По слухам, он всю ночь играл в стратемы с отцом. По другим слухам, всю ночь пил, заливая орджем некое горе, связанное с его сестрой. Верховный капитул Церкви Праматерей собрался на ночное совещание – об этом событии известно лишь то, что высшие матери затребовали себе все реестры Предметов и ищут, откуда

Кукловод взял Персты Вильгельма. Тем временем прелаты Церкви Праотцов раскололись на две группы: одни осаждают покои лорда-канцлера с какими-то гневными требованиями, другие тайно совещаются меж собою и шлют парламентаров к высшим матерям. Ну, и в довесок, все батальоны северян приведены в полную боеготовность.

Даже одного события подобного масштаба хватило бы, чтобы всколыхнуть столицу. А тут – все одновременно! Ненавидя хаос и скопления людей, Минерва решила не покидать покоев, пока все не уляжется. В отсутствие надежной информации и четкого плана действий, нет смысла что-либо предпринимать. Над планом она работала в своем кабинете, за информацией посылала слуг. Ближе к полудню ей доложили: лорд-канцлер собрал придворных и выступил с заявлением. «То была впечатляющая речь, полная огня и скорби!» – так сказали слуги. Минерва радовалась, что слышит ее в пересказе, без деланной скорби и лицемерного огня. Герцог Ориджин зачитал два письма от кайров, находящихся в Уэймаре. Из обоих явно следовало, что Кукловодом и хозяином Перстов является граф Виттор Шейланд. Во втором письме сообщалось также, что леди Иона Ориджин попыталась арестовать своего мужа – и погибла. Пред лицом всего двора герцог поклялся расправиться с Шейландом и его бандой. Он признал, что ошибся, назвав Галларда Альмера главарем еретиков, но приарх остается под подозрением как сообщник – ведь только с его помощью Кукловод мог

применить Ульянину Пыль. Если Галлард желает очистить свое имя, то должен немедленно прибыть в Фаунтерру и дать показания пред лицом высшего духовенства. О «временной правительнице» и грядущих выборах лорд-канцлер не сказал ни слова.

Когда слуги окончили доклад и покинули комнату, Мира позволила себе легкую улыбку. Ориджин бросает вызов Шейландам и Галларду Альмера. Нет, еще раз, медленней, со вкусом: лицемерный негодяй Ориджин идет войной на мерзавца Галларда и зверя-насильника Шейланда. Три худших подонка Империи схватятся между собой. Еще раз, чтобы насладиться: три моих главных врага вот-вот вцепятся друг другу в глотки!

Мира успела выпить за это хороший глоток кофе с ханти, когда явился Шаттэрхенд. Ему пока не удалось разыскать Ребекку Литленд – вероятно, миледи нет во дворце. Зато банкир Конто уже явился на аудиенцию. Не соизволит ли ваше величество...

– Даже лучше, что он пришел первым. Просите!

Невысокий круглолицый Конто как обычно являл образец учтивости:

– Ваше величество, я несказанно рад получить от вас приглашение. В дни потрясений, подобных нынешнему, есть лишь один способ устоять на ногах: доверять своим друзьям и полагаться на их помощь. Я счастлив стать вашей опорой

в эту трудную минуту.

Минерва ответила любезным приветствием и перешла к делу. Для разминки осведомилась о состоянии своих счетов и уровнях доходов. Услышала числа, которые прекрасно знала сама: ее личная казна доверху набита деньгами. К прибылям от ярмарки и печати ассигнаций прибавились огромные суммы, изъятые у бывшего министра налогов.

– Таланты вашего величества приносят обильные плоды! – подытожил Конто.

– О, это лишь удача, не стоящая вашего красноречия. Собственно, я хотела затронуть иную тему. Простите, если мой вопрос бестактен, но, полагаю, ваш банк не знает недостатка в клиентах?

– Ваше величество – мой главный и ценнейший клиент! Остальные мелки и незначимы в сравнении с вами.

– Но все же, много ли их?

Конто приосанился:

– Без лишней похвальбы скажу: вполне хватает. За двадцать лет блестящей работы мой банк заслужил отменную репутацию. А уж теперь клиентов станет еще больше: после пламенной речи лорда-канцлера многие вкладчики Шейланда отзовут свои средства и начнут подыскивать новый банк. Я надеюсь привлечь их внимание.

– Весьма разумно, сударь. Позвольте мне любопытство: есть ли среди ваших клиентов наемные мечи?

Банкир расплылся в улыбке:

– Ваше величество буквально глядит в воду! Жизнь наемников полна опасностей и невзгод, потому они избегают возить средства с собой, а доверяют их банкам. Из шестнадцати лучших наемных отрядов Полариса девять сотрудничают со мной.

– А если бы, допустим, мне потребовалась помощь наемных мечей, смогли бы вы порекомендовать кого-либо?

– Лучшим поставщиком небезвозмездной военной помощи является Великий Дом Ориджин, с главою которого вы прекрасно знакомы. Но, я полагаю, вашему величеству нужен иной вариант?

– Да, сударь. Мне импонируют честные наемники, не вовлеченные в политику, готовые служить только ради денег.

Конто насупил брови:

– Боюсь расстроить ваше величество... Я готов назвать несколько прославленных наемных отрядов: полк Палящего Солнца, бригада Святого Страуса, бригада Звонких Монет капитана Оливера Голда, батальон Морских Крыс. Беда в том, что сейчас, насколько я знаю, каждая из них уже имеет контракт. Первые две служат шиммерийским лордам, Оливер Голд нанялся к приарху Альмера, Морские Крысы вовлечены в усобицы Закатного Берега.

– А остальные? Вы сказали: девять отрядов работают с вами, – но перечислили только четыре.

Банкир печально качнул головой:

– Ваше величество, уже целый год Поларис не знает покоя.

Сейчас золотое время для наемников. Все лучшие отряды уже кем-нибудь наняты, а тех, кто не имеет контракта, я не стану рекомендовать вам. Впрочем...

– Слушаю внимательно, сударь.

– Многие наемные отряды готовы расторгнуть контракт ради более выгодной сделки. Если ваше величество может позволить себе заплатить щедро, то, например, Морские Крысы и Святой Страус, вероятно, примут ваше предложение. Кроме того, я вспомнил об отряде Черного Флага. Это пираты Дымной Дали, которых полгода назад нанял на службу граф Шейланд. Но бойцы Черного Флага проявляют... хм... некоторую вольность в служении графу: несколько раз на их счет поступали суммы из других источников. Если ваше величество пожелает...

– Вы очень обяжете меня, сударь. Будьте так добры, свяжитесь с названными вами отрядами и предложите им службу от моего имени. Оплату назначьте сами, она должна быть весьма заманчивой. Я хочу приобрести всю верность, сколько могут предложить наемники.

– Позвольте уточнить, ваше величество... – банкир отер лоб платком, – какого рода задания нужно будет выполнить? Я не хочу проявить дерзость, но капитаны бригад, несомненно, спросят...

Минерва одарила его улыбкой:

– Работа самая приятная, какую можно представить. Нужно всего лишь поддерживать порядок на одном небольшом

острове посреди реки. Это прекрасное место: много садов, фонтаны, дворец...

Банкир потерял платок в руках, тихонько откашлялся:

– Ваше величество, я могу провести переговоры инкогнито. Но все денежные переводы находятся под контролем... Агенты протекции и Ориджина следят за вашими счетами...

– Вы выдадите средства моей фрейлине на закупку платьев и драгоценностей. Я желаю обновить весь гардероб!

– Понимаю, ваше величество.

– Посему, отныне и впредь мы будем говорить лишь о швейных мастерских, тканях и платьях. Кстати, прошу вас как можно скорее прислать мне выкройку.

– Выкройку, ваше величество?..

– Вы, мужчины, слишком непонятливы. Выкройка – это схема платья, где указано расположение всех частей одежды, численность пуговиц, направление стежков...

– Простите мою непонятливость! Сегодня же вы получите выкройку в наилучшем виде, чтобы скорее приступить к пошиву.

Едва Конто вышел, Мира позвала Шаттэрхенда:

– Человека в штатском – за ним. Хочу знать, куда пойдет и с кем поговорит.

– Ваше величество... мои люди – гвардейцы, а не ищейки...

– Не все, лейтенант. Четверо сегодня были уволены. Они,

возможно, хотя бы восстановиться, а я хочу знать, куда пойдет банкир.

– Слушаюсь, ваше величество. Разрешите доложить: леди Ребекка прибыла.

* * *

Отец говорил: с людьми бывает две беды. Одни не меняются, хотя следовало бы; другие меняются, хотя ты любил их прежних.

С Беккой Литленд произошло нечто... За последние три недели Мира множество раз виделась с южанкой и все пыталась понять: что же переменилось? Все лучшее осталось в Бекке: искренность, живость, доброта, чувство юмора. Южанка по-прежнему была верным другом, вопреки всему. В первый же день она сказала Мире: «Ваше величество, я обязана предупредить. Родители велели мне не отходить от вас ни на шаг и использовать нашу дружбу для политических игр. Я не намерена этого делать, но если сам факт смущает вас – скажите одно слово, и я исчезну». В ответ Мира раскрыла объятия: «Я почти год ждала встречи. Для тебя я – леди Минерва. Никаких величеств». И они начали общаться почти как прежде... Почти.

Бекка делала все, чего Мира ждала от нее. Поддерживала и в забавах, и в трудные минуты; говорила и на легкие темы, и на самые серьезные; высмеивала недругов Миры, а когда

нужно было – и ее саму. Вместе с фрейлиной Бекка отучала Миру от спиртного. До слез хохотала в тот день, когда Мира деланно напилась, а Ориджин поверил. Расспрашивала про ужасы Уэймара и искренне, как своего врага, возненавидела Мартина Шейланда. Поддерживала Миру в Палате, хвалила ровно с той пропорцией иронии и лести, чтобы слова придавали сил. Бекка даже советовала не доверять Леди-во-Тьме! Мира поведала подруге план засады в гробнице: «Мы приманим и взорвем еретиков, а Персты Вильгельма останутся! Я стану хозяйкой Перстов, ты представляешь?! Герцог повесится от зависти!» И Бекка отвечала: «Тебе не о герцоге стоит волноваться. Что может он – ты знаешь. А на что способна старуха-ведьма? Это она предложила план засады? Не слишком ли заманчиво звучит?» Словом, Бекка имела все, чего можно ждать от друга и вассала. Вот только она была теперь не совсем Беккой.

С малых лет Мира не могла терпеть слова: «Ты повзрослела». Старшие говорят это юношам, не вкладывая никакого смысла, кроме: «Ты как-то изменилась, мне лень разбираться». Мира думала о себе иначе: я не «взрослею», я учусь. За последний год научилась многому: раскрывать интриги, распознавать ложь, видеть мотивы, не доверять, хитрить... Но это – лишь навыки, как грамотность или фехтование. Под ними, в глубине – все та же Минерва: тщеславная, саркастичная, обидчивая, умная. А Бекка – нет. В самой сущности южанки изменилось нечто, но так глубоко, что Мира не

могла досмотреться.

Она выпрашивала: «Что с тобою было? Как ты пережила осаду? Случилось нечто страшное?» Бекка отвечала, мол, да, война – ужас, треть Литленда опустошили, сожгли несколько городов, трупы, раненые, голод... не стоит об этом, дорогая Минерва, мне хватило этого в Литленде, теперь хочу забыть. Мира знала: Бекка не то чтобы лжет, но огибает суть, говорит так, чтобы не выдать главного смысла. «Что в тебе изменилось?» – спрашивала Мира напрямую, и Бекка роняла с печалью: «Повзрослела». Мира фыркала: «Это отговорка!». Бекка соглашалась: «Пускай так, тебе виднее». Однажды Мира набралась смелости и ткнула в ту точку души, где должна была находиться глубокая рана: «Что ты чувствуешь к Морану?» Зная Бекку, Мира ждала взрыва, подобного тому, который развалил гробницу. Но подруга лишь пожала плечами: «К Степному Огню? Ничего». Мира опешила: «Как – ничего? Он же напал на твою землю! Если ты его не любишь, то должна ненавидеть!» Бекка повторила: «Ничего. Пока мы не виделись, я научилась этому: чувствовать ничего».

Мира так и не поняла, в чем состояла перемена, да и важно ли это? Бекка – верный, надежный друг, и сейчас это главное.

Лейтенант Шаттэрхенд, Лейла Тальмир и Ребекка. Все трое были напряжены, как каждый придворный этим днем.

Мира предложила им вина и начала с шутки:

– Леди Лейла, спасибо за тот случай, когда вы подслушали мой разговор. Благодаря вам я озаботилась картой слуховых отдушин, и теперь точно знаю, где мы можем говорить без опаски.

Никто не улыбнулся. Мира хмыкнула:

– Ладно... Что ж, давайте всерьез. Как вы знаете, со вчерашнего дня я – временная правительница. Меня это не устраивает. Надеюсь, как и вас.

Советчики согласились: нет, не устраивает. Лейла положила на стол свежий «Голос Короны» и отметила: там не говорится ничего о временном статусе владычицы. Согласно «Голосу», суд установил, что смерть Адриана нельзя считать установленной (такой вот каламбур). Палата сразу провела голосование и приняла решение низложить Адриана в виду его тирании, связи с еретиками и постыдного бегства из Фаунтерры. Императрицу Минерву попросили продолжить нести бремя власти, и она великодушно согласилась. Его светлость лорд-канцлер поклялся огнем и железом искоренить еретиков и очистить лицо Полариса от скверны.

– Возможно, – сказала Лейла, – временное продлится дольше, чем вы думаете.

– Не будьте наивны! Это обычная ложь, чтобы успокоить народ. Как только Ориджин покончит с Кукловодом, Палата назначит повторное голосование.

– А ваше величество хочет избежать этого? – уточнила

Бекка. При посторонних она обращалась к Мире формально.

– После всего, что сделала для Империи, я не собираюсь так просто отдать корону. Уж точно – не по желанию этого интригана! Ориджин и болотница сманипулировали Палатой. Я этого не спущу.

Шаттэрхенд и Лейла согласно кивнули. Ребекка спросила:

– Как ваше величество намерены поступить?

Мира ответила, что не имеет пока четкого плана, именно потому и позвала советников. Бекка сказала весьма рассудительно:

– Что ж, есть различные способы не расставаться с короной. Например, можно заблаговременно вступить в брак с тем, кто будет носить корону после вас... Не нужно фыркать, ваше величество, я лишь перечисляю возможные пути. Можно устранить возможность новых выборов: по примеру Адриана, взять и распустить Палату Представителей. Хотя для Адриана это кончилось плачевно. Затем, можно допустить голосование, но склонить его в свою пользу: заключить ряд союзов, подкупить ключевые фигуры. Наконец, можно дискредитировать или вовсе устранить оппонентов.

– Я склоняюсь в пользу последнего варианта, – согласно кивнула Мира.

Бекка развила мысль:

– Леди-во-Тьме стара и почти бездетна, ее единственная дочь – гражданка Фольты. Так что лорды вряд ли проголосуют за ведьму. Менсон смыл с себя клеймо безумца, но остал-

ся весьма одиозной персоной, его можно не бояться. Кукловод попытается занять престол, если победит в войне, потому лучше не допускать его победы. Помимо прочего, он еще и редкий мерзавец, но главное – он претендент на трон, потому должен умереть. Адриан, если вернется, может схватиться за корону, но тут вы сможете прибегнуть к помощи лордов Палаты: они ведь его низложили. Так что остается ключевой противник: герцог Ориджин.

Нечто было в словах Бекки... нечто такое, чего не было бы год назад. Но сейчас Мира думала о другом:

– Вот именно. Ориджин – главная опасность. Многие по-прежнему считают меня его марионеткой. Нужно разрушить влияние Ориджина и выйти из его тени.

– Боюсь, ваше величество, разрушить влияние – это сложная задача. Ориджина зовут первым полководцем мира, и у него сильнейшее на свете войско. Его влияние будет нерушимым, пока он не проиграет... или не погибнет...

Мира подалась к подруге, обратившись в слух. Бекка продолжила:

– Поражение герцога будет означать победу Кукловода, так что это не лучший вариант. Но если сам герцог погибнет, а его войско все-таки одержит победу... Кукловод пойдет под суд и будет повешен, а мертвый Ориджин никак не станет императором. Вашему величеству останется лишь заручиться симпатией Палаты – а это не слишком сложно, при ваших финансовых и дипломатических возможностях.

Мира помедлила. Убить Ориджина... При всей нелюбви к герцогу, до сих пор она не думала об этом. Но вариант весьма заманчив... Заманчив до неприличия...

– После гибели Ориджина его вассалы перегрызутся меж собою, – задумчиво произнесла Мира. – Армия Севера перестанет торчать в Фаунтерре и давить на меня своим присутствием.

– Совершенно верно, ваше величество.

– Мне понадобится крепкая сила, чтобы удержать столицу. Генерал Алексис лоялен к Леди-во-Тьме, его стоит заменить... Расширить ряды лазурной гвардии... Призвать наемников...

– Вы также можете воспользоваться внешними союзниками. Не все лорды любят Ориджина.

– Морис Лабелин – я уже назначила ему встречу. И еще... нужен союз с шаванами! У меня с ними общий враг. К тому же, шаваны любят деньги. Из них можно набрать отменное войско!

– Очень мудро, ваше величество. Остался вопрос – как быть с Ориджином? Вы пошлете асассина?

– Я слышала кое-что о гильдиях асассинов... Насколько знаю, не в их правилах связываться с Великими Домами. Но если найти опытного убийцу-одиночку...

Мире перехватило дух, когда она поняла, что знает такого убийцу. Неужели все настолько просто?..

– С другой стороны, – отметила Бекка, – асассин опасен

для вас. Его могут схватить и допросить. Узнав, что вы заказали убийство герцога, северяне захотят отомстить. Видите, какой шум сейчас поднялся из-за Ионы – а это всего лишь инфанта...

Лишь теперь Мира поняла, что слышит сарказм в словах Ребекки.

– Миледи, что вы имеете в виду?

– Есть более надежный способ, ваше величество. Свяжитесь с Шейландом и сообщите, где и когда будет Ориджин. Пускай носители Перстов атакуют и убьют его. Никто вас не заподозрит.

– Сговориться... с Шейландом?! – Мире сдавило горло. – Вы шутите, миледи!

Южанка издала сухой, деланный смешок:

– О, нет, лишь продолжаю шутку вашего величества. Знаете, как можно разыграть приятеля? Вешаешь седло на забор и говоришь: «Садись на коня». Приятель: «Какой конь?» А вы: «Да вот же!» Вчера на заседании Палаты вы отреклесь от короны, леди Минерва. Неужели я одна вижу, что этого коня больше нет?

Гнев нахлынул так внезапно, что в глазах покраснело:

– Я отреклась в пользу Адриана, законного владыки!

– Вы отреклесь, миледи! А теперь вы готовы интриговать и нанимать убийц, чтобы вернуть престол? Я надеюсь... я, тьма сожри, всей душой верю, что это шутка! Я жду того мига, когда вы засмеетесь!

– Проклятый Ориджин обхитрил всю Палату! Он разыграл спектакль, чтобы вынудить меня отречься, а самому занять трон!

– Проклятый Ориджин идет на войну против двух человек, каждый из которых унизил вас и бросил в темницу. И вы собираетесь ударить Ориджину в спину? Ха, ваше величество. Ха-ха-ха. Благодарю за потеху!

Минерва поднялась:

– Не смею больше задерживать вас, леди Литленд.

Ребекка отвесила низкий поклон:

– Если ваше величество желает послать за мной шпиона, то может не трудиться. До поздней ночи я буду в кабаке, затем пойду спать.

Когда Бекка вышла, повисло долгое гнетущее молчание.

Наконец, Мира спросила:

– Вы согласны с нею?

– Никак нет! – рубанул Шаттэрхенд.

– Трон ваш по праву, – поклонилась Лейла. – Я согласна только в малом: не стоит марать руки убийством. Есть лучшие способы разделаться с Ориджином.

– Назовете их?

– Пока нет, ваше величество. Но к счастью, у нас есть время подумать. Сначала Ориджин должен разбить Кукловода. Враг без Перстов все же лучше врага с Перстами.

– С этим я согласна... – протянула Мира. – А вы что скажете, лейтенант?

– Найти союзников – хорошая идея. Нужно провести переговоры и с Лабелином, и с шаванами. Расширить ряды лазурной гвардии. Изыскать способ заменить Серебряного Лиса. Но для начала, я предлагаю выждать пару дней.

– Зачем?

– Армии Ориджина готовятся к походу. Вероятно, завтра они покинут столицу. Тогда у нас будет больше свободы действий.

– Разумно... Что с Уитмором и Бэкфилдом?

– Бэкфилд пока не найден. Уитмор доложил, что завтра прибудет в столицу.

– Пошлите ему еще одну волну. Я хочу, чтобы Уитмор привез наше секретное оружие.

Монета – 1

29 мая 1775 г. от Сошествия

Обитель-у-Бездны

Император, значит!

Владыка, значит, Адриан. Жив-живехонек!

Что же получается? Сразу и умом-то не окинешь. Боги, вот так дела!

Стало быть, я, Хармон Паула Роджер, оказал личную услугу его величеству! Помог ему пробраться в стан врагов и одолеть их. А главное – познакомил его с наукой воздухоплавания, открыл глаза на чудо техники – небесный корабль! Если верить слухам, при дворе Адриана люди и за меньшие заслуги взлетали до вершин. Говорят, протестецкий сапожник стал у него главою тайной стражи. А я-то положением выше сапожника буду! И небесный корабль есть только у меня!

Но не слишком ли ты спешишь, Хармон Паула? За последний год судьба тебя столько раз пинала, что пора бы научиться: прежде, чем слюни пускать, сначала просчитай все преграды. Обдумай, что может тебе помешать, и не надейся понапрасну.

Вот, например. Может, это не владыка вовсе? Ты ж не признал его в Охотнике, хотя и видел портреты. И шаваны не признали... Зато барон с дочкой герцога только увидели

– сразу хлоп на колени! Им-то, благородным, виднее! А что мы с шаванами обознались – это ничего не значит. Мы только портреты видели, а он – живой, и побритый иначе, без бородки, и одетый по-простому... Словом, он это, собственной августейшей персоной! И я, Хармон, с ним теперь на короткой ноге! То бишь, не так чтобы совсем, но общаемся по-доброму, он за три дня ни разу мне не угрожал, денег дал, из шара не выкинул, когда в том была потребность. Могу считать, что место при дворе мне обеспечено! Но какое именно?

Нет, Хармон Паула, ты все-таки погоди с мечтами. Пускай это Адриан, но он же сейчас не император. В столице засели северяне с Минервой во главе. Отдаст ли она ему престол? Что-то не припомню такого человека, кто бы по своей воле снял корону со своей головы и переложил на чужую!

Э, оно-то да, но тут случай особый. Разве не Минерву владыка Адриан назвал своей невестой? И разве не она в прошлом году аж из корсета выпрыгивала, лишь бы владыке понравиться? А значит, для них двоих, да и для всего государства лучшим выходом будет свадьба. Поженятся премиленько, обнимутся и сядут вместе на трон, как пара голубков! Так можно и новой войны избежать, и наследника по-быстрому заделать. Такой удачный вариант, что его никак упустить нельзя! И, значит, когда они сыграют свадьбу, придет время до придворных назначений. Слыхал я давеча такое, будто бы прошлый министр финансов стащил кусок казны и сбежал. Подбросить бы августейшей чете одну идею – на

счет, значит, нового назначения. Дескать, Хармон Паула...

Стой, друг, снова ты спешишь! Скачешь так, будто тебя змея ниже спины ужалила! А герцог Ориджин – про него ты забыл? Он давеча поднял мятеж против владыки, и не только поднял, а и довел до победы! И с Ориджином заодно шаваны были. Даже если Адриан с Минервой полюбятся, одолеют ли всю эту ораву?!

Конечно, одолеют! Ведь Адриан хитер – недаром же он водит шашни с шаванами! Это он так исподволь союзниками обзаводится. Как дойдет до войны, раз – а лошадиники уже за владыку, не за герцога! Потом, все разговоры о Предметах, Перстах Вильгельма – просто так они, что ли? Нет уж! Адриан пришел сюда и захватил этот странный монастырь с одною целью: выведать тайну Перстов! По всему видно: эти монахи – такие же самые, как и те, которые меня в Южном Пути умыкнули. Они-то знают толк в Предметах, вот Адриан все и выжмет из них. На сей раз владыка пойдет воевать не сам, а с шаванами и Перстами Вильгельма! Никак Ориджину не устоять! Но, по правде, я надеюсь, что до войны не дойдет, а Ориджин просто оценит шансы и уберется на Север. Довольно уже воевать, пора созидательными делами заняться. Например, поднять экономику Империи. Для этого нужен надежный министр финансов, а я, Хармон Паула, уже зарекомендовал себя с лучшей стороны: принес Светлую Сферу и отдал владыке. Точнее, вез, чтобы отдать владычице, – почти то же самое. Значит, моя честность – кри-

стальна, как ручей. И в финансах я знаю толк получше всяческих лордов. Сколько монет я имел в кармане, когда начал дело? Правильно: одну елену. А теперь – две тысячи эфесов в векселях, да поместье, да права на строительство небесного флота. За двадцать лет я свое состояние умножил в двадцать тысяч раз! Так и скажу его величеству! Пойду сейчас и...

Да куда ж ты мчишься, дружище? Шею свернешь! Будто сейчас ему до тебя. Вон гляди, как окружили владыку, все внимания хотят. Полезешь к нему в такую минуту – запомнит тебя Адриан как назойливого дурака!

Так я же не дурак! Пойду не напролом, а окольно, с изяществом. Так и скажу, дескать: «Владыка, я понимаю, как много хлопот на вас сегодня свалилось. Могу ли чем-нибудь помочь, облегчить ваше бремя?» И чем быстрее я это скажу, тем больше толку. Ведь пока ему никто помощи не предлагает, все только глаза пучат да удивляются: «Неужто жив?!» А я скажу: «Всегда верил, что вы, владыка, живы! Мечтал встретить вас и добрую службу сослужить. Боги услышали мои молитвы!»

Такую беседу вел с самим собою Хармон Паула Роджер, наблюдая из окна эпическое воскрешение владыки Адриана и его встречу с рыцарями Южного Пути. Приняв решение, Хармон направился вниз, во двор. По дороге он продолжил диалог с собой и обсудил еще несколько аспектов. Задался вопросом, одобрят ли боги его намерение, и дал себе резко

утвердительный ответ: конечно, черт возьми! Хармон летел в столицу, чтобы вернуть Сферу владычице, – и прямо по дороге наткнулся на ожившего императора! Если это – не добрый знак, то что вообще называется добрым знаком?! Также он обдумал, стоит ли настаивать на должности министра финансов, или довольствоваться любым министерским портфелем. Первое звучало все-таки нескромно, а второе снижало его, Хармона, стоимость: только нищий хватается за что попало. У самых дверей во двор было найдено отличное решение: пускай владыка учредит министерство воздушных путей, его-то и возглавит Хармон Паула Роджер! Вот на эту должность никто другой не имеет прав!

Он распахнул дверь – ту, которую отпер двумя часами раньше, тем самым сохранив владыке жизнь. Хармон вышел под южный зной, сощурился от яркого солнца и, улыбаясь, словно кот, прошествовал к центру двора. Вот тут судьба снова пнула его прямо в брюхо.

– Хармон-торговец?! – проскрежетал чей-то голос, похожий на звук проворота ключа в заржавелом замке.

– Я Хармон, кто ж еще! – благодушно ответил торговец, приложив ко лбу руку козырьком, чтобы увидеть собеседника.

Перед ним, закованный в черненую броню, стоял барон Хьюго Деррил. По обе руки от барона толпились здоровенные рыцари. Ни владыки, ни шаванов во дворе не было – пока Хармон беседовал с собою, они ушли по своим делам.

– Ну и наглец!

Хьюго Деррил размахнулся и ударил Хармона кулаком в живот. Рука в латной рукавице сработала не хуже молота. Торговец растекся по брусчатке, скуля от боли.

– Поднимите, – сказал барон.

Двое рыцарей ухватили его за плечи и вздернули на ноги.

– Тяжелый, – заметил один из них.

– Станет легче, если срезать с него пуд-другой жира, – сказал барон и ударил еще раз.

Желудок расплющился, его содержимое хлынуло изо рта. Деррил отступил, чтоб не запачкаться блевотиной. В этот момент раздался женский голос:

– Святые боги, какой славный день! – Леди Магда Лабелин широко улыбнулась барону. – Перед нами действительно Хармон-торговец?

– Так точно, миледи. Эту крысу я не спутаю ни с кем!

– Праматери помогают нам всей толпой в семнадцать человек! Мы победили на поле боя – одно это уже мед на душу! Захватили огромный груз очей. Адриан воскрес и стал нашим союзником. А теперь – еще и Хармон нашелся!

– Я тоже очень рад, миледи, – кивнул Хьюго Деррил и занес кулак, чтобы продолжить выражать свою радость. Хармон как раз перестал блевать, и барон мог не опасаться испачкать доспехи.

– Погодите, – удержала его леди Магда. – Нам нужен не только Хармон, а и Светлая Сфера. Пускай сперва скажет,

где она.

– Непременно скажет!

На сей раз барон ударил легко, можно сказать, шлепнул. Но – по лицу. Голова Хармона дернулась так, что шея захрустела, а глаза чуть не вылетели из глазниц.

– Где Сфера, торгаш?

– Бу... Уф... Ох... – Хармон не сразу обрел дар речи. – Я служу императору... Меня нельзя...

Барон рассмеялся, или нечто в этом роде. Ни тени улыбки не возникло на лице, но из уст вырвались хохочущие звуки:

– Ха-ха-ха. Ты служишь подонку Шейланду. Он тоже получит свое, но начнем с тебя. Где Светлая Сфера?

– Я не знаю... Ее отняли... Спросите Адриана...

– Не знаешь, – кивнул Деррил и занес руку.

Хармон завопил еще до удара. Леди Магда вскинула ладонь:

– Барон, полегче, не надо портить чудесный день. Хармон, крысеныш, я постою тут еще минутку, а потом пойду. Успеешь сказать, где Сфера, – твое счастье. Не успеешь – останешься с бароном.

– Да я же... ох... не знаю! Миледи, ее забрали, поверьте мне!

Барон запрокинул голову от смеха:

– Ха-ха-ха-ха! Поверить тебе?!

– Хоть Адриану поверьте! Он знает!..

Ответ Деррила потонул в лязге железа. Все рыцари вски-

нули руки в салюте, сочленения брони скрежетнули хором.

– Ваше величество!..

– По словам Хармона, я нечто знаю. О чем идет речь, господа?.. И что за экзекуция имеет место?

Барон отчеканил:

– Мы схватили подлеца, который обманул и унизил Великий Дом Лабелин! Экзекуция, сравнимая с его проступком, еще даже не начиналась.

– Какое знание приписывает мне Хармон?

– Он утверждает, что Светлая Сфера была у него отнята, и вы знаете, кем.

– Верно, знаю. Светлая Сфера досталась Зандуру, вождю козьего народа. Я ошибочно считал Зандура своим верным вассалом. Сейчас, когда он указал мне на мою ошибку, я изыму Светлую Сферу.

– Ваше величество, – леди Магда скромно поклонилась, – когда Сфера попадет в ваши руки, прошу передать ее нам.

– На каком основании, миледи?

– Она принадлежит моему лорду-отцу!

– Неужели? Миледи, я захватил Светлую Сферу в бою, как трофей. Согласно законам войны, она принадлежит мне. А согласно реестрам, этот Предмет входит в достояние графа Виттора Шейланда. Никак не нахожу того угла зрения, под которым Сфера выглядит вашей собственностью.

– Мой лорд-отец приобрел ее.

– Приобрел?.. За деньги?.. Надо полагать, его деяние по-

лучило благословение Церкви, а имперская учетная палата получила соответствующую заявку?

Рыхлое лицо леди Магды покрылось румянцем. Теперь-то она вспомнила, что покупка Священного Предмета – отнюдь не то дело, которым стоит хвастать, тем более, пред лицом императора.

– Ваше величество, коль скоро мы с вами сделались союзниками...

Адриан поднял бровь:

– Взаимоотношения сеньора и вассала теперь называют союзом? Боюсь, миледи, я отстал от темпов развития великого поларийского языка.

– Простите, ваше величество, я неверно подобрала слово. Коль скоро общие трудности столь тесно сближают нас, позвольте мне говорить откровенно.

– Позволяю.

– Быть может, поступок моего лорда-отца не слишком благовиден с точки зрения религии. Вероятно, отцу следует исповедаться и просить святых отцов о прощении, а также совершить искупление, очищающее душу. Но, ваше величество, мы отдали большие деньги за этот Предмет, а граф Виттор Шейланд по доброй воле заключил с нами сделку. Законы торговли говорят в нашу пользу!

Адриан бросил красноречивый взгляд на несчастного Хармона:

– Законы Церкви выше законов торговли. Вы сами это

подтверждаете, избивая купца. Вряд ли вы стали бы пытаться епископа... Но в виду общих трудностей, сближающих нас, я закрою на это глаза. Я изыму Светлую Сферу у Зандура и оставлю у себя на некоторое время, поскольку она будет мне полезна.

Он выдержал паузу, чтобы Магда и Деррил вполне ощутили себя виноватыми детьми. Затем продолжил:

– Убежден, что до конца года я получу от Сферы всю необходимую пользу, и тогда с радостью передам ее в ваши руки.

– Слово императора? – уточнила Магда.

Адриан нахмурился:

– А кто стоит перед вами, миледи? Какое еще слово, кроме слова императора, я могу вам дать?!

– Виновата, ваше величество. Благодарю вас.

Адриан одарил ее усмешкой. Магда пожевала губы и повернулась к барону:

– Чертов торгош больше не нужен. Убейте его, а голову отправьте отцу.

Владыка повел рукой:

– Я возражаю. Прошу отпустить Хармона-торговца.

– Отпустить?! На каком основании, ваше величество?

– Я этого хочу.

Магда помедлила, собираясь с духом.

– Ваше величество, не хочу показаться дерзкой, но этот... вонючий кусок экскрементов сильно расстроил моего отца.

Я полна преданности к вам, но также – любви к папеньке. Он послал меня в Шиммери за Светлою Сферой и Хармон-торговцем. Сфера теперь у вас, оставьте же мне Хармона!

– Вы изволите торговаться со мной?

– Я... – она долго, очень долго подбирала слово, – ...прошу.

– Я отклоняю вашу просьбу, миледи.

Магда выронила:

– Из чистой прихоти, да?

Адриан только повел бровью:

– Разве тот факт, что у владыки имеются прихоти, сколько-нибудь удивляет вас?

– Меня – нет, ваше величество. Но мой лорд-отец может сильно оскорбиться из-за того, что малая прихоть вам дороже его чести.

Стоит ли говорить, что Хармон затаив дыхание слушал этот диалог? Правда была на стороне леди Магды, военная сила – тоже. Одна лишь воля императора, выраженная в этой самой «прихоти», отделяла торговца от смерти.

Стоит ли упоминать, что Хармон оледенел от макушки до пяток, когда Адриан произнес:

– Я признаю вашу правоту, леди Магда. Последнее, чего бы мне хотелось, – это оскорбить столь верного вассала, как ваш лорд-отец.

Магда расплылась в польщенной улыбке:

– Благодарю, ваше величество. Барон, приступайте.

– Однако, – продолжил Адриан, – я все же настаиваю на помиловании Хармона-торговца. И прошу вашего отца воздержаться от обиды, поскольку мой мотив – не одна лишь прихоть. Хармон нужен мне по самым рациональным причинам.

– Могу я узнать их, ваше величество?

– Торговец Хармон уже спас мне жизнь, и, вероятно, спасет еще не раз.

Все, включая торговца, удивленно уставились на императора.

– Хармон служит мне чашником и дегустатором, – спокойно пояснил Адриан.

– Подлый торгаш удостоился такой чести?..

– Это было бы честью во дворце, миледи. А в походе, среди наемников, шаванов и монахов тайного ордена, пробовать мою пищу – дело скорей опасное, чем почетное. Я буду очень расстроен, лишившись столь ценного слуги.

Он сделал упор на слово «слуга», и Хармон догадался: личные слуги владыки неприкосновенны для лордов. Император взял его под свою защиту.

Леди Магда долго искала, чем возразить. Когда пауза стала почти неприличной, толстуха наконец склонила голову:

– Прошу прощения, что покусилась на слугу вашего величества. Барон, отпустите торговца...

Есть люди, не созданные для побоев. У кого-то нет таланта к счету, у кого-то – к торговле, у Хармона – к тому, чтобы быть избитым. Другого поколотят – и ему только на пользу. Вихорь умнел, когда получал трепку, Доксет находил в этом повод для гордости, Джоакин прекращал петушиться. А Хармону от битья никакой пользы, один лишь вред. И отделили-то слабо – каких-то три удара, – а уже надо в постель и лежать мешком, с охами да ахами. Так и провалялся Хармон Паула до самого вечера, размышляя о том, что драки – забава для молодых, и хорошо бы издать всеимперский закон со строжайшим запретом бить тех, кому больше сорока. А под вечер к нему привели Низу.

Привел ее ганта Бирай и заодно рассказал всякое. Владыка Адриан назначил ганту командиром своей новой гвардии и велел набрать три дюжины верных и опытных бойцов. Особо обозначил, что желает найти и вернуть Чару Без Страха. Бирай воспринял идею с большим удовольствием. Запросил себе безумных размеров жалованье, а когда владыка согласился, тут же принялся исполнять приказ. Первыми тремя гвардейцами назначил Хаггота, Косматого и Гурлаха, а четвертым – Гирдана, когда тот оправится от ран. Затем послал двоих на поиски Чары, но ничего не достиг – лучница ухитрилась сбежать. Правда, надо заметить, люди Бирая не особо

и старались: Чара, мягко говоря, не была любимицей отряда.

Затем ганта приступил к набору гвардии и увидел большие перспективы. Вокруг монастыря собрались целых три наемных бригады: полк Палящего Солнца, бригада Святого Страуса и нотряд Пасынков. Конечно, наемник любого полка охотно перейдет на службу в гвардию владыки! Так что кандидатов – около трех тысяч, а нужно – меньше трех дюжин. Главный вопрос: как выбрать? Но тут Бирай не сплехует: уж он умеет отличить льва от шакала! Сама предстоящая задача весьма радовала ганту, а вдобавок он заметил среди наемников детей Степи, и так воодушевился, что готов был день и ночь прославлять воскресшего владыку. Тот факт, что полгода назад этот самый владыка громил войска Степи, ничуть Бирая не смущал.

– Ладно, – окончил ганта получасовой рассказ, – недосуг мне с вами, дел по горло. Ты, Низа, смотри, чтоб толстяк завтра был на ногах! Владыка назначил его чашником, а гвардия-то пьет с вождем из одной бочки. Давай, Хармон, подсуетись, добудь нам лучшего вина!

А Низа – большой молодец. Пока Бирай чесал языком, она не хлопала глазами, а взялась за дело. Раздела Хармона до пояса, ощупала ребра, осмотрела синяки, приготовила ветошь для припарок, сбегала к монастырскому брату-лекарю, попросила каких-то трав.

– Откуда ты знаешь, как лечить синяки?

– Славный, если б тебе доставалось столько же, как мне...

Он стал хвалить ее, а Низа отмахнулась:

– Не трать слова на глупости, а лучше расскажи: что тут случилось? Я совсем запуталась: император воскрес или Охотник умер? Мы сдались путевцам или они нам?

Теперь была очередь Хармона произнести речь. Он повел обстоятельный рассказ, изредка прерываясь на стоны и охи. Когда монолог окончился, Низа нахмурила брови, погрызла палец, обдумала ситуацию и сказала:

– С Адрианом, вроде, понятно: когда он упал в реку, то не умер, а выплыл. Чтоб его не убили, ушел скитаться по Степям и новое войско набирать. С путевцами тоже ясно, да не совсем: Адриан – владыка, но у него только ган Бирая, а у Лабелинов – два полка. Кто главнее – не пойму. Но первый вопрос для меня: что мы с тобой теперь будем делать?

Хармон, лучась от самодовольства, пояснил:

– Владыка вернется в столицу, женится на Минерве и снова сядет на трон. Ему понадобятся всякие придворные, министры, вельможи. Я стану министром небесного мореходства, а ты – моей... – он запнулся, когда внезапно, само собою на язык прыгнуло слово «жена», – ...моей помощницей.

– Славный, а министр – это кто?

Хармон пояснил.

– А чашник при дворе – это тот слуга, который наливает вино?

– Он самый.

– Как ты успеешь и то, и другое? Думаешь, владыка будет

пить совсем мало?

Хармон рассмеялся:

– Наивная моя девочка! Чашником он меня назвал только затем, чтобы спасти от Лабелинов. Видишь ли, лорды не имеют права обижать слуг императора. Адриан хотел защитить меня, потому фиктивно назначил слугой.

– А фиктивно – это как?

Он пояснил.

– Адриан поступил великодушно, – сказала Низа и тут же нахмурилась, почуяв подвох в собственных словах.

– Не думаю, что дело в великодушии. Адриан знает, что я буду ему полезен, потому сохранил меня и приблизил. Девочка моя, Адриан – большой любитель прогресса, всех этих новшеств, чудес науки. А я – единственный в мире владелец великого изобретения!

– Значит, владыка уже назначил тебя министром?

– Еще нет, но дело за малым. Мы с ним просто не успели поговорить наедине.

Чего скрывать: Хармон получил много удовольствия, произнося эти слова. Он, Хармон-торговец, запросто поговорит с императором, еще и наедине! Вот что значит – стать любимцем богов! Отрекся от Светлой Сферы, поклялся жить по правде – и сразу успехи посыпались градом! Даже три удара барона, будь он неладен, можно считать успехом. Хармон год в страхе бегал от Лабелинов – а теперь получил три тычка, и все окончилось. Он под личной защитой императора –

кто посмеет тронуть!

Благостные мысли убаюкали Хармона.

– Низа, дорогая, принеси-ка нам чего-нибудь перекусить, а потом будем спать ложиться.

– Конечно, славный. Я лягу тут, рядом, вдруг ночью тебе станет хуже.

Он аж покраснел от удовольствия. Правда, Низа добавила: «Вот здесь, на полу» – но и то приятно. Она ушла за едой, а Хармон погрузился в сладкие мечты и задремал.

Разбудил его звук открывшейся двери: в келью вошел владыка Адриан, сопровождаемый Хагготом и братом Викентием.

– Ваше величество, – воскликнул Хармон, поспешно садясь и роняя с пуза припарки.

– Не вставайте, – благодушно махнул Адриан. – Я зашел всего на минуту, чтобы познакомить вас с братом Викентием.

– Мы знакомы, ваше величество, – кивнул Хармон.

– Да, но вы не знаете того, что брат Викентий служит здесь келарем. Пока мы стоим в Обители-у-Бездны, вам с ним предстоит тесно сотрудничать.

Хармон насупил брови, стараясь понять. Келарь – это, вроде бы, монах, который заведует амбаром и съестными припасами. Хорошо, но что мне до этого?

– Ваше величество, простите, я никак не возьму в толк: что мы будем делать вместе с Викентием?

Адриан назидательно воздел перст:

– Я бы хотел, чтобы вы овладели началами придворного этикета. Не нужно задавать слишком долгих вопросов. Если вы не поняли приказа, скажите только «ваше величество» вопросительным тоном. Я растолкую то, что сочту нужным.

– Но вы же не узнаете, о чем я хочу спросить!

– В этом и суть. Придворное общение подразумевает, что император знает все. А если вы все-таки думаете, будто я чего-нибудь не знаю, то начните со слов вежливости: «изволи-те видеть» или «честь имею сообщить».

– Эммм...

– Благодарю за науку, – подсказал Адриан.

– Благодарю за науку, ваше величество, – поклонился Хармон, насколько можно поклониться сидя. – Извольте видеть, я не совсем понимаю, над чем мы будем работать вместе с Викентием.

– Ваша непонятливость не делает вам чести. Конечно, над подачей снеди на императорский стол.

– Э... как... ваше величество?..

Владыка печально развел руками:

– Мне ясна ваша озадаченность, ведь обычно этим делом занят штат из тридцати двух слуг. Но в походных условиях и при столь малом дворе, какой имеется сейчас, придется вам справляться втроем. Брат Викентий будет выделять припасы, полковой повар леди Магды – готовить, а вы – подавать на стол. И, разумеется, пробовать все, что ем я.

В этот момент раскрылась дверь, и Низа вошла с подносом, распространяющим весьма приятный запах. Увидев Адриана, она оцепенела.

– Сударыня, – сказал владыка, – я очень рад, что вы присоединились к нам.

Низа покраснела, наморщила переносицу, но так и не нашла слов для ответа.

– Простите, я не знаю, что сказать.

– Главное: не говорите, что вам приятно, – это само собой разумеется. Скажите просто: «ваше величество».

– Ваше величество, – поспешно выпалила Низа.

– Ваш покровитель, славный Хармон, назначен моим чашником, но боится не справиться. Я хочу, чтобы вы помогли ему в деле подачи на стол.

– Я могу, – Низа пожала плечами.

– Для меня честь, – подсказал Адриан.

– Не скажу, что это большая честь, – возразила девушка. –

Но лучше, чем мыть полы или танцевать голой.

Владыка одарил ее усмешкой:

– Даже если назначение не сильно вас радует, все равно ответьте: «для меня честь» или «рада служить вашему величеству». Того требует этикет.

Она помедлила.

– Это как сказать «тирья тон тирья», если пришлось убить кого-нибудь?

– Почти.

– Тогда – для меня честь, ваше величество. Но... можно спросить?

Адриан кивнул.

– Я буду помогать славному подавать на стол, вот только одного не понимаю. Разве это входит в обязанности министра?

– Министра, сударыня?..

Хармон истово замотал головой и прижал палец к губам. Но Низа, к сожалению, не смотрела на него.

– Славный сказал мне, что вы сделали его чашником фик... понарошку. А на самом деле, он будет служить министром воздушного мореходства.

Император расхохотался во весь голос. Викентий и Хаггот вторили ему. Хармон готов был провалиться сквозь землю прямо в царство богов.

– Милая сударыня, – начал Адриан, утирая слезы с глаз, – проситься на высокую должность – тончайшее искусство, на постижение которого требуются годы. Пока вы не стали опытным царедворцем, никогда не просите должностей. Просто никогда этого не делайте.

Низа покраснела от подбородка до ушей. Хармон промямлил:

– Ваше величество, простите ее...

– Ее? – усмехнулся Адриан и вышел прочь.

Брат Викентий задержался, чтобы сказать Хармону:

– Император хочет завтракать в восемь, в трапезной. Ам-

бар – слева от ворот, а полковая кухня – у южной стены. И вот, возьмите список любимых блюд владыки.

* * *

Несколько дней Хармон Паула вертелся, как игла в руках швеи. Причем швеи, слепой на оба глаза и больной трясушей лихорадкой. Нельзя перечислить, что именно у Хармона не ладилось, поскольку не ладилось все.

Адриан был занят круглые сутки: допрашивал Второго из Пяти и монахов, делал построения войск и переучеты оружия на складах, совещался с Магдой, смотрел в Бездонный Провал, читал священные тексты. Чего он не успевал никогда – это заказать Хармону желаемую трапезу. Торговец вынужденно выбирал блюда из списка любимых, и никогда не угадывал. Адриан язвил за столом:

– Кто, кроме лесных хрюшек, ест грибы на завтрак?.. Гуляш в жару – это прекрасно, если вы больны, и лекарь велел пропотеть... Омлет с козьим сыром – находка для разведчика! Можно подать ароматический сигнал!

Вместе с Адрианом трапезничали леди Магда и Хьюго Деррил. Барон не уставал обстреливать Хармона такими взглядами, что бедный торговец спотыкался и ронял миски с подноса. За столом владыки питались и его новые гвардейцы – Бирай с дюжиной шаванов. Почему-то Хармон был обязан кормить их тоже. Правда, шаваны не были переборчивы в

еде, зато ржали по-конски при каждом его неуклюжем движении. А неуклюжих движений Хармон совершал примерно столько же, сколько движений вообще.

На кухне дело шло не лучше. Поваром оказался отставной вояка рыцарского звания, он боготворил барона Деррилла – и, соответственно, презирал торговца. Повар как мог портил Хармону жизнь. Если Хармон рано приходил с заказом, повар гнал его прочь: «Не стой над душой, каналья!» Если поздно – кричал: «Какой заказ? Все уже сварено, подавай что есть!» Если Хармону все же удавалось разместить заказ, повар всегда отвечал: «Где я тебе это возьму?» Ответ мог с равным успехом значить как: «Все продукты есть, сейчас сварю», – так и: «Ничего нет, беги на склад, выпрашивай!» Леди Магду и барона Деррилла обслуживали ординарцы, повар сначала подпускал их к котлу, лишь затем торговца. Однако император должен был получить свое блюдо первым, так что ординарцы шествовали чинно и важно, а Хармон несся сломя голову, чтобы их обогнать. А после подачи каждого блюда следовало еще одно мучение: дегустация. Хармон должен был отведать всего, что ест император, но ни в коем случае не из тарелок Адриана. Владыка, конечно, ждать не желал, так что Хармон метался, как ужаленный: приносил, ставил блюдо перед Адрианом, кланялся, бросал черпак пищи в свою тарелку, проглатывал с прытью голодной свиньи и галопом уносился на кухню, за новым блюдом. А шаваны ржали ему вслед: «Быстрее, министр, не опоздай

в министерство!» О его карьерных мечтаниях знали уже все, от ганты Бирая до последнего наемника из Святых Страусов.

Низа помогала торговцу, как могла. Она взяла на себя две нелегкие задачи: убирать и мыть Адрианову посуду, а также – с рассветом будить Хармона и вытаскивать из постели. Низа помогала и на кухне: сумела наладить общение с поваром и растопить его ледяную душу. Больше того: женским чутьем она порою угадывала, чего именно хочет владыка в данный час при нынешней погоде. Правда, она никогда не пробовала большинства блюд из списка, но по самому звучанию слов ухитрялась выбрать подходящее. Однако успехи Низы не сильно облегчали жизнь Хармону. Все вокруг заметили, что помощница чашника расторопнее и ловчее, чем он сам. Над ним стали смеяться еще чаще: «Недолго тебе в министрах ходить! Тебя уволят, девку назначат!»

Чем и когда питался сам Хармон? Ясно, чем: обедками со стола владыки, разделенными на двоих с Низой.

Впрочем, гадкая его должность давала одно преимущество: Хармон знал, что делается на совещаниях. Все офицеры наемников были южанами, а леди Магда – пускай не шиммерийка, но тоже любила поесть и выпить. Император, в угоду вкусам двора, проводил военные советы за столом – как правило, ближе к полуночи. Не сказать, что Хармон особенно радовался своей привилегии. К вечеру он уже валялся с ног и мечтал только о мягкой перине, а не, снова

скачи галопом, носи вино для ненасытных глоток. Но одного не отнять: он узнавал военные новости из первых уст.

На советы собирались такие люди: Адриан с гантой Бираем, леди Магда с бароном Деррилом и три командира наемных бригад со своими старшими офицерами. Наемничьи вожди представляли ту еще картину. «Лучшая забава – люди», – говаривал когда-то Хармон Паула. Сейчас он славно позабавился бы, если б не был загнан, как почтовый конь.

Один наемный отряд звался полком Пасынков. Командовал им коренастый дородный южанин, отрастивший на себе все виды волос, какие только можно встретить на человеке. Усы срастались с бородой, борода – с бакенбардами, пышная седая грива спадала на плечи и заплеталась в четыре косицы, а под рубахой на груди темнели густые кудри. Этот тип носил булаву, отделанную камнями, и называл себя Папой – либо Строгим Папой, когда нужно полное имя. Ко всем, кто ниже его чином, Папа обращался: «сынок».

Бригадой Святого Страуса командовал некий капитан Уфретин. У него были совершенно дикие глаза, сплошь покрытые красными жилками, глядящие сквозь собеседника куда-то вдаль. Хармон не видел случая, чтобы Уфретин смог минуту просидеть не шевелясь. Он подергивался, почесывал грудь и предплечья, теребил пуговицы, болтал вино в кубке, пока оно не расплескивалось, а тогда начинал рисовать пальцем в лужице.

Третий вождь – полковник Хорей, командир Паляще-

го Солнца, – выглядел достойным пожилым аристократом. Белоснежный мундир, сверкающие пуговицы, застегнутые вплоть до воротничка, изящная шпага, карманные часы на цепочке. Полковник Хорей был бы светлым пятном среди наемничьей своры, если б не два обстоятельства: беспрочно тоскливое лицо и старая альтесса. Ну да, это Шиммери, тут все ходят с любовницами – но обычно выбирают таких, чтобы не стыдно показать. Селина, альтесса Хорея, давно позабыла тот день, когда еще могла притвориться девушкой. Страсти в ней сохранилось так мало, что язык не поворачивался назвать ее любовницей. Скорей, это был адъютант в юбке. Они с полковником умели общаться взглядами, что, похоже, бесило остальных.

На первом совещании владыка Адриан сообщил: захваченного искрового оружия хватает, чтобы оснастить целый полк. Хорей тут же заявил, что это должен быть его полк, ведь он – лучший в Шиммери. Леди Магда потребовала искру для своего путевого полка, ведь это она захватила очи. Уфретин и Папа не имели аргументов, потому стали спорить особенно громко. Адриан прервал хаос взмахом руки и сказал:

– Нецелесообразно оснащать искрой один полк целиком. Полезней будет выделить в каждом батальоне по две или три роты, блестяще вооружить и обучить их, и сделать ударным ядром. Это сильно повысит боевую эффективность каждой

части.

Все согласились с ним, но тут обнаружилась проблема: кто станет обучать искровиков? И сам Адриан, и все присутствующие офицеры умели обращаться с искровым оружием. Но – с благородным: шпагами, кинжалами, самострелами. Главное орудие пехотинца – искровое копье, а никто из офицеров его в руках не держал. Адриан сказал, что отставные имперские солдаты иногда идут на службу в наемничьи бригады. Нет ли здесь таких? Хорей первым вспомнил в своем полку нескольких бывших искровиков. Папа и Уфретин сказали: у нас, мол, тоже такие имеются. На следующий день был назначен смотр.

Смотра искровиков бедняга Хармон, конечно, не видел. Он вообще мало что видел, кроме тарелок с пищей и тарелок без пищи. Но судя по тому, что услышал на совещании, смотр имел успех. Владыка Адриан отобрал дюжину опытных копейщиков, имевших дело с искрой, и назначил их инструкторами. Каждый получил для начала по пятьдесят учеников, так что через месяц армия Адриана и Магды получит уже шестьсот искровиков. Впрочем, главный разговор шел не об этом.

Владыка Адриан окончил серию допросов – и узнал нечто. Нечто касалось Бездонного Провала и деятельности тайного ордена, говорящих Предметов, Звезды и еще – каких-то садовников. Нечто было настолько... Великим ли? Радостным? Обнадеживающим? Тут в точности не понять, поскольку

ку Адриан так и не раскрыл сути. Он сказал:

– Это великий секрет, и пока будет лучше не посвящать вас в него. Но это меняет все понимание прогресса! Мы стремились к одним идеалам – а оказалось, можем достичь намного, намного большего! Скажу метафорически: всю жизнь я мечтал подняться на гору, а теперь оказалось, что я способен взлететь в небеса!

Офицеры не сразу приняли его азарт. Леди Магда сказала:

– Если ваше величество говорит о небесном шаре, то не ждите от него многого. Он даже корову не поднимет.

А ганта Бирай благодушно заметил:

– Мы все знаем, владыка, что ты можешь взлететь. Давеча уже летал на Звезду, теперь вот вернулся.

Но Адриан весь пылал вдохновением. Глаза сверкали, голос звенел:

– Как жаль, что не могу прямо сейчас раскрыть вам тайну! Поверьте же: садовники завещали нам такие знания, которые сделают нас равными богам! Тайный орден шел к этому семнадцать веков, хранил светлую истину, обогащал ее крупицами знаний – и вот теперь весь Поларис стоит на пороге великого свершения! Хотя и не знает того.

– Хочешь сказать, – уточнил ганта, – этот Второй из Пяти и его прихвостни делали что-то хорошее?

– Видят боги, да! Мы все падаем в пропасть, а тайный орден трудится ради того, чтобы вместо падения мы взмыли к вершинам! Максимиановские монахи – святые люди! Они

не только несут на себе огромное бремя, но еще и вынуждены беречь тайну, жить в сумраке, становиться изгоями, не получать никаких почестей за свои труды! Завтра я освобожу Второго из Пяти и всех его монахов, чтобы сделать их своими почетными гостями!

Барон Деррил обронил угрюмо:

– Если они такие святые, то зачем нужна секретность?

Лицо Адриана на миг затуманилось печалью:

– Истина, известная ордену, велика и прекрасна. Но в мире слишком много глупцов, неспособных понять ее. Раскрывать тайны мироздания тем, кто к ним не готов, – все равно, что метать бисер перед свиньями.

– Мда уж, дураков хватает, – сказал Уфретин, почесывая шею.

К несчастью, тут владыка пожелал выпить за здоровье храбрецов, не боящихся истины. Он потребовал такого вина, какого не было за столом, и Хармон ускакал в погреб, и пропустил кусок разговора. Когда вернулся, беседа уже сменила русло. От теорий перешли к практике: как же достичь прекрасного и великого будущего, обещанного Адрианом? Владыка сказал: для этого нужно как можно скорее попасть в Фаунтерру и снова возвести его, Адриана, на престол. Затем встретиться с другими магистрами ордена и объединить все усилия. Поймать одного человека, который сможет дать Адриану и его союзникам власть над Предметами. А Предметы, в свою очередь, позволят за считанные годы сделать

остальное. Уже для наших детей станет явью то, что сейчас – выше самых несбыточных мечтаний!

– Ура! Слава Янмэй! – Заорал Уфретин, заразившись куражом владыки.

– Ваше величество, – спросил Хорей, – как быть с Ориджином? Я полагаю, он не разделяет ваших целей и окажет сопротивление.

Владыка одним взмахом руки отмел преграду:

– Ориджин – несущественен!

– Дааа! – Подхватил Уфретин. – Мой Фури выключает ему глаза!

– Не побоимся этих сынков! – Добавил Папа.

Хорей переглянулся с альтессой и скромно произнес:

– Виноват, ваше величество, но Ориджин опасен...

– Может, и опасен, – ухмыльнулся владыка, – но не существенен. И Ориджин, и Кукловод – карлики в сравнении с теми титаническими событиями, которые потрясут наш мир! Спустя пару лет нам будет смешно вспомнить этих двоих. Мы со стыдом забудем волнения, вызванные Северной Вспышкой!

Леди Магда спросила:

– Значит, когда мы завершим завоевание Шиммери, ваше величество легко уничтожит Ориджина?

Адриан скривился так, будто услышал редкую глупость:

– Не вижу смысла ни в том, ни в другом деянии. Шиммерийцы уже дали нам все, что требовалось: очи. А Ориджин и

Кукловод займется взаимным истреблением, пока мы будем вершить великие дела!

– Ваше величество, я считаю...

– Ах, миледи, прошу: расскажите завтра, что вы считаете. Нынешнее совещание затянулось, довольно на сегодня. Господа, пусть вам приснятся сияющие дали, путь к которым ждет нас!

Владыка удалился. Уфретин и Папа вышли следом, со всем пьяные от восторга.

Селина что-то молча сказала Хорею, а тот шепнул леди Магде:

– Миледи, мой вам совет: не дайте сияющим далям ослепить вас.

Магда ухмыльнулась:

– Я примусь за великое будущее только после того, как разберусь с дерьмовым настоящим.

– Боюсь, его величеству нет дела до настоящего. По крайней мере, до вашего настоящего, миледи.

Магда не то хмыкнула, не то хрюкнула:

– Его величество просто смотрит в даль! Ясное дело, что сначала надо разбить Ориджина. Владыка не может этого не понимать.

– И в этой связи, – вставил барон, – меня смущает план его величества. Кем бы ни был Кукловод, разве он...

Тут Деррил заметил, что Хармон не слишком расторопно уносит кубки.

– Ты почему еще здесь?! Пшел вон, мерзавец!

* * *

Третье совещание резко отличалось от предыдущих. Адриан пришел не один: сперва в трапезную вторгся порыв ледяной метели, затем влетела черная грозовая туча, озаренная вспышками молний, а уж потом вступил владыка.

– Пускай тьма сожрет всех мятежных псов! – с этими словами Адриан бросил на стол письмо.

Все по очереди прочли его, ухитрился взглянуть и Хармон, пока наливал Бираю вина. То было послание из столичной обители ордена, адресованное Второму из Пяти. Под непонятной строкой шифрованных знаков шел перевод на человеческую речь, выполненный Вторым:

«Еретики напали на Прощание. Ограблена усыпальница Ингрид, похищен Предмет. Ориджин объявил войну Кукловоду.

Суд установил, что тело Адриана таковым не являлось. Вероятно, Адриан жив. Палата проголосовала за его низложение. Адриан назван тираном, еретиком и преступником. Минерва у власти временно, будут выборы нового владыки»

Известия потрясли офицеров. Один лишь капитан Уфре-тин нашел, что сказать:

– Вот сволочи, ваше величество!

– Мало назвать их сволочами, капитан. Нашу Империю рвут на части две банды отъявленных злодеев. Одна посмела вторгнуться в святая святых, осквернить и ограбить могилу моей матери! Этим мерзавцам не должно быть места под луной! Но тем временем вторая банда заседает в Палате, прикидываясь лордами. Низложить законного императора, получившего власть от богов и Праматерей? Избрать нового владыку?! Если это не бред безумца, то – циничный преступный замысел, который погубит всю страну!

– Смерть гадам! – заорал Уфретин. Шаваны и наемники (за вычетом Хорея) охотно его поддержали.

Адриан заговорил, меряя зал тяжелыми шагами:

– Вчера у нас могли быть сомнения в планах, но сегодня любые колебания – преступны. Наш святой долг – немедленно выступить на Фаунтерру и разгромить это злодейское гнездо! Мы выступим скорым маршем в Сюрлион, где захватим корабли и двинемся в столицу. Когда две банды схватятся между собой, мы ударим им в спины и уничтожим обе. Всякому злодею, кто пытается погубить Империю Полари, мы ответим огнем и железом!

– Слава владыке! Слава Янмэй!

Все забыли и про вино, и про Хармона. Торговец тихонько стоял под стенкой и наблюдал. Он заметил, как люди разделились на два лагеря. Шаваны и Папа, и Уфретин, и даже барон Деррил вспыхнули жадной крови. Приказ Адриана громить злодеев они приняли с восторгом и тут же унеслись

мыслями в будущие планы. Уфретин вызвался устроить налет на портовый Сюрлион, захватить корабли и удержать до подхода основных владычьих войск. Папа обещал призвать под свои знамена не меньше трех тысяч новых солдат:

– Ваше величество, наемные мечи Юга испокон были дружною, братской родней. Да, распри между нанимателями вынуждают нас скрещивать клинки между собой, но душами-то мы едины. Ради святого дела защиты Империи каждый свободный воин с радостью обнажит меч. А я, Папа, разошлю вестовых ко всем своим сыновьям и велю им собраться в Сюрлионе. Ваше величество ахнет, когда увидит в сборе всю мою дружную семью!

Ганта Бирай тоже предложил помощь:

– Не буду врать, владыка: Степной Огонь скорей откусит себе руку, чем станет сражаться за тебя. Но есть в Степи знатные ганты, не слишком довольные Мораном. Один из них – ганта Корт. Я пошлю к нему человека и попробую убедить его встать на твою сторону. Моран сейчас хром и слаб – отличное время сменить вождя!

Барон Деррил попросил слова:

– Ваше величество, я пошлю зашифрованное сообщение моему сеньору. Герцог Лабелин подготовит для вас дополнительные войска, они будут ждать в Грейсенде. Каждый честный рыцарь Южного Пути с радостью обнажит меч во имя вашей победы!

Леди Магда кашлянула. На нее не обратили внимания, и

она кашлянула более настойчиво.

– Миледи желает высказаться?.. – рассеяно бросил Адриан, глядя в карту Полариса.

– Да, ваше величество. Я имела иной план и хотела бы его осуществить. Мне думается, будет лучше завершить завоевание Шиммери, захватив главные города – Оркаду и Ла-эм. Очевидно, скоро сюда явится этот гов... его высочество принц Гектор. Лишившись столицы и армии, он будет вынужден сдаться. Мы сдоим с него столько монет, сколько сочтем нужным, а затем подпишем мир. И тогда, покончив с одной войной, начнем другую. Так будет лучше с точки зрения стратегии.

Полковник Хорей одобрительно кивнул, но остальные удивленно воззрились на толстуху.

– Миледи, – сказал Адриан, – не ваше дело – рассуждать о стратегии. Вы несведущи в военных вопросах, так оставьте это опытным полководцам.

Магда возразила:

– Ваше величество, победа над Шиммери нужна была мне затем, чтобы получить деньги, очи и наемных солдат. Я планировала со всеми этими трофеями прибыть в Южный Путь и вернуть свои земли, завоеванные Ориджином: выкупить их, если нетопырь назначит приемлемую цену, или отбить их, если цена окажется непомерной. Но, ваше величество, я прошу прощения, однако...

Магда пожевала губы и шмыгнула носом, набираясь духу

для следующих слов:

– ...однако я не планировала атаковать Фаунтерру!

Адриан остановился прямо над нею, смотря на толстую сверху вниз, давя ее к полу чугунным взглядом.

– А я не планировал падать с моста в вагоне поезда. Рыскать по Империи с отрядом шаванов, спать на сырой земле, якшаться с колдуном, рисковать жизнью! Я, тьма сожри, не только в планах, а даже в кошмарных снах не видел дня, когда мне сообщат, что меня... низложили! Судьбе чихать на ваши планы, миледи. Судьба требует действий, и мы их предпримем. Завтра мы выступим в Сюрлион, а оттуда – в столицу!

Хармон Паула получил немалое удовольствие, глядя в этот миг на Магду Лабелин. Ее лицо покрылась пунцовыми пятнами, рыхлые щеки задрожали, рот округлился порыбы.

– Желаете возразить, миледи? – осведомился Адриан. И отвернулся от нее, не ожидая ответа.

Меч – 2

28 мая – 3 июня 1775 г. от Сошествия

Уэймарский замок

Один сбежал уже под утро первой ночи. Ну, как сбежал. . .

Граф поставил на ворота пару часовых. Когда первый отлучился по нужде, второй отпер калитку – и айда. На его вопли сбежались все, кто не спал. Солдатик сделал ровно три шага, а потом угодил в капкан. Натуральный медвежий капкан. Нога так и хряснула.

Вместе со всеми пришел и лорд Мартин. Расплылся в улыбке, наглядно пояснил, как нужно ловить зверя. Глядите, – сказал, – перед воротами ровная дорога, капкан заметен даже ночью. Нужно вырыть небольшое – на штык лопаты – углубление, туда положить зубатого, взвести, сверху накрыть мешковиной, да еще припорошить пылью. Тогда будет почти незаметно, а в темноте – так совсем.

Солдатик корчился и выл, умолял о помощи, клялся, что бежать и не думал, а вышел только поглядеть, чего ценного осталось от убитых кайров. Глупая была клятва: его вещмешок валялся рядом, прямо в ямке-ловушке. Лорд Мартин велел снять капкан с его ноги, а солдату сказал: убирайся. Хотел бежать – так и беги, давай, чего уж. Солдат: куда я побегу, нога же, кость наружу! Лорд Мартин: вот именно, на кой

ты нам теперь? Безногие воины даром не нужны! Пригрозил ножом – солдат пополз, волоча обломок. Ох, и медленно: фут ползет, минуто воет. А до ближайших домов – ярдов двести. Лорд Мартин развлекался какое-то время, потом заскучал, сказал всем: ладно, давайте в замок, закрыть ворота. Унес капкан, ласково поглаживая: хороший зубастик, славный!

А беглец, видимо, дополз до улицы и встретил помощь, или просто помер в таком месте, что со стены не видать. Джоакин его не жалел – был это дурак и трус. Дурак потому, что ясно же: первого дезертира накажут строго, в назидание. Трус потому, что сбежал так рано. Только первые сутки. Воздух еще не наполнился отчаянием, безнадега еще не схватила за глотку, солнце не почернело в небе – а он уже затрясся.

Первый день после предательства Ионы прошел так хлопотно, что не только страх, а имя свое забудешь. У всех в замке дел было по горло, все сбивались с ног.

Самым тяжким бременем стали раненые. Их имелось пять дюжин, половина в очень скверном состоянии, а лекарь лишь один. Многие шли ему в помощники, но одни умели так мало, что годились лишь принести-унести, другие падали с ног от бессонной ночи, третьи – кто помягче душой – недолго выдерживали в лазарете. Там стоял вой, стон и смрад, туда ныряли, как под воду, задержав дыхание. А гарнизон-то ничтожно мал, люди ценнее золота! Рыцари графа ловили всякого, кого замечали без дела, и швыряли в лазарет – на

помощь. Лекаря тиранили по-злому: чтобы всех до единого поставил на ноги! Каждое копые нужно в строю! Тот молча головой качал. Какое там – всех! Спасти бы больше половины!..

Джоакин и сам зашел помочь, выдержал на перевязках пару часов. Потом родилась в голове одна мыслишка: почему граф Шейланд сумел спасти Иону, а Гарри Хога – нет? Неужели гадюка-изменница ему ценнее, чем верный слуга и защитник?

Минуло то время, когда Джо стеснялся лордов. Он отправился за графом, чтобы задать вопрос, но Виттора не нашел, а встретил лорда Мартина. Сказал ему: в лазарете скверно, милорд, а у вашего брата имеется целительный Предмет. Так не соизволит ли граф прийти и помочь раненым? Мартин скривился с явным сомнением. Джо тоже сомневался: ведь граф не спас Гарри, а Иону – с большой неохотой. Но очень хотелось, чтобы Виттор все-таки пришел и помог раненым. Неприятно было бы служить человеку, который этого не делает. Даже Аланис – уж на что дрянь! – а все же ходила за ранеными в осажденном дворце. Джоакин стал убеждать Мартина – и тот поддался. Похоже, Мартин и сам не во всем понимал брата. Сказал:

– Вит не любит своими руками братья за Предметы. Но здесь твоя правда: солдатики нужны здоровыми. Поговорю с ним.

Спустя час Мартин привел в лазарет Виттора. На лице

графа имелся платок, умасленный благовониями, но это не помогло: Виттора стошнило почти сразу. Он велел отгородить ширмами закуток у открытого окна, и туда заносить раненых – на лечение Предметом. Так граф защитился от вида страданий и дурных запахов, а от криков и стонов заткнул уши ватой. Джоакин стал носить пациентов и так сумел увидеть Предмет в действии.

Тот представлял собою несколько перстней, одетых на пальцы графа и связанных нитями, как паутиной. Предмет умел все, что может медицина. Он сращивал ткани почти мгновенно, резал лучше любого скальпеля, прижигал гноиники и язвы, устранял боль. Предмет мог даже склеить переломанную кость!

Но, как и Перст Вильгельма, целительный Предмет являлся лишь орудием, и требовалось большое умение, чтобы его применять. Первым делом, когда приносили раненого, граф Виттор отключал его боль – чтобы не дергался и не вопил. Это удавалось с большим успехом, раненые чуть не смеялись от облегчения. Однако потом начинались трудности. Граф мало что знал об анатомии, дрожал от омерзения, корчился от приступов тошноты. Порою он вовсе не мог смотреть на рану, а действовал наощупь. Предмет в его руках часто промахивался: резал здоровую ткань вместо больной, сращивал не то и не с тем, обжигал там, где надо остудить. Из пяти раненых, доставленных на операцию, граф Виттор помог двоим, а трем сделал только хуже. Последний случай вышел са-

мым чудовищным. У раненого имелась дырка в шее – очевидно, от стрелы. Пытаясь заживить ее, граф сжал края раны пальцами и случайно надавил на дыхательное горло. И Предмет... заставил горло срастись! Раненый забился в агонии, стал задыхаться, но причину поняли не сразу. А когда сообразили, было уже поздно – бедняга помер.

Граф не выдержал такой неудачи, вскрикнул в сердцах и ринулся прочь. Мартин поймал его за руку, стал убеждать. Виттор оттолкнул: «Смысла нет! Вреда больше, чем пользы!» Мартин ответил: «Ну, одна-то польза будет!».

Встал посередине лазарета и громко объявил:

– Моего брата благословили боги! Они дали ему силу, того, унять ваши страдания! Сейчас он пройдет вдоль рядов и сделает, чтобы не болело! Славьте графа!

И Виттор сделал то единственное, что умел хорошо: обезболит все раны. Когда уходил, вслед ему хором неслись крики благодарности. Боевой дух в лазарете взлетел до небес.

– Слава графу Шейланду!

В первый день Джоакин не раз слышал эти слова: слава графу! Когда Виттор велел снять с мертвых кайров все ценности и поделить между своими солдатами. Когда закатники уехали в Сайленс, а граф сказал во всеуслышание: «Наши хорошие друзья вернутся со всем войском генерала Ориса!» Когда над голубятней одна за другой взлетали птицы, и Мартин говорил: «Мы созываем всех союзников! Идовы северя-

не получают по зубам, если только сунутся!» Когда лучники попросили взглянуть на Предмет, и граф велел вышвырнуть за стену труп кайра, а затем дотла испепелил его в три выстрела. Слава графу! Слава Шейланду!

И двор к концу дня вылизали до блеска, и несколько раненых сумели выйти из лазарета на своих двух, а лучники отоспались после боя, и теперь похвалялись наперебой: «Я пристрелил кайра! Прямо в глаз!.. А я – двоих!.. А я изменнице в ногу попал! Да, это был я, без меня сбежала бы стерва!» Та радость, которую ночью питал один лишь Мартин, теперь заразила всех, кроме вдов. Мы победили, мы стоим, они лежат. Мы разбили Ориджинов – не так уж и сложно!

...Но то был первый день.

* * *

В день второй повеяло дурными новостями. Утром граф вышел мрачный, как туча. Джо спросил у Айви, в чем дело. Тот начал: «Союзник...» – потом спохватился: «Не думаю, что это для твоих ушей». Но Джо и так уже понял: крупный союзник отказал графу в помощи. Вряд ли генерал-закатник, послы еще не доскакали до него, – но кто-то не менее ценный.

Потом явилась делегация из города: бургомистр, шериф, несколько цеховых старейшин. Схватка в замке, должно

быть, подняла в городе большой переполох. Старейшины и вчера являлись с вопросами, но граф их не принял – не хотел показывать замок, залитый кровью. Сегодня двор уже блеснул, бодрые лучники расхаживали по стенам, раненые молчали – граф обезболит их с утра. Словом, не стыдно было впустить гостей.

Однако разговор со старейшинами вышел не самым радостным. Джо слышал его кусками, другое угадал по лицам и недомолвкам, а кое-что подсказал Айви – в общем, сложилось. Граф поведал старейшинам, как он был предан и атакован женой, как Ориджины проявили неслыханную подлость, но были разбиты благодаря богам и их дарам. Граф заверил старейшин, что в его руках не один говорящий Предмет, а целое множество, и верный ему отряд святых воинов уже скачет сюда, как и армии союзников, так что враги не имеют ни единого шанса пробить стены Уэймара. Граф требовал от городских властей содействия. Во-первых, утроить стражу, ускорить тренировки, усилить вахту на стенах. Во-вторых, организовать строительство оборонных орудий – камнеметов, смоляных котлов, искровых сетей. В-третьих, изловить и передать ему, графу, всех дезертиров, которые посмели сбежать в страхе перед северянами. Ну и, разумеется, поймать и казнить того единственного кайра, что чудом сумел спастись.

Старейшины дали очень вежливый, но не слишком приятный ответ. Из сотни дезертиров, покинувших замок, неко-

торые уже убрались из города, зато другие пьют в трактирах и балуют зевак неслыханными рассказами. Ваша милость, это же уэймарцы: кто знает новость, тот не смолчит. Говорят они, якобы, ее милость леди Иона проявила неслыханное благородство: отпустила живыми-здоровыми всех, кто пожелал уйти, даже того парня, который метнул в нее копье. Говорят еще, миледи вела себя так храбро, что не снилось и Агате: в нее стреляли огнем, земля горела под ногами – а она даже не дрогнула. Ваша милость должны понять: город знает, что леди Иона предала вас, но город восхищается леди Ионой.

Граф возразил: что с того? Это мой город, а не ее!

Ничего, – ответили старейшины, – мы лишь доводим ситуацию до сведения вашей милости. Кроме того, – сказал шериф, – найден след спасшегося кайра. Его видели на голубятне у Портового базара. Без малейшей жалости он убил трех человек, попавшихся на пути, но отчего-то пощадил птичника и его сынишку. Они сообщили, что северянин отправил несколько птиц – по две в Лабелин и Фаунтерру, и записки составлял сам, так что содержание неизвестно. Однако северянин чуть не рыдал от горя. Не сдержавшись, он рассказал птичнику с сыном, что леди Иона сражалась, как богиня, но ее обманули и вынудили покончить с собою; она умерла у него на глазах. Отсюда ясно, ваша милость, что во всех четырех письмах говорилось о ее смерти, и нынешним вечером герцог Ориджин уже все узнает. Очевидно, он придет

с войском, чтобы отомстить за сестру. Считает ли ваша милость, что городская стража, пусть даже оснащенная котлами и камнеметами, сумеет остановить кайров? А тот отряд воинов с Перстами, упомянутый вашей милостью, – далеко ли он находится и когда прибудет?

Граф ответил: за исключением предательства Ионы, все происходило, происходит и будет происходить согласно моему плану. Не нужно бояться Ориджина, ибо он – серпушка и глупец. Стоит графу разыграть главную карту, и Ориджин исчезнет, а его войско растает, как снег! Можно купить мечи и копья, но одного купить нельзя – с этими словами граф постучал себя по лбу.

Старейшины ответили очень аккуратно: мы полностью верим вашей милости, ибо не имеем никаких причин не верить, ведь ваша милость всегда столь успешно заботились о городе! Однако мы боимся, что смерть леди Ионы сделает северян очень злыми и глухими к доводам рассудка. Даже самый умный расчет не остановит разъяренную толпу, а Уэймар – уж простите, ваша милость, – меньше Лабелина и Фаунтерры. Если герцог сумел взять и Лабелин, и Фаунтерру, будучи не особенно злым, то теперь, разгневанный смертью сестры...

Иона жива, – оборвал граф.

Он повел старейшин в спальню жены. Посреди обгорелой дочерна комнаты стояла новая койка. На ней, прикованная цепью, лежала северянка. За сутки она так и не пришла в со-

знание. Лицо, прежде бледное, стало желтым, как дешевый воск. Но Иона дышала. Служанка поила ее водой с сахаром, приподняв голову и засовывая ложку глубоко в рот. Горло сокращалось, сглатывая пищу.

Граф сказал: видите, она жива, поскольку я так решил. Своим предательством она заслужила самой худшей смерти, но я своими руками вернул ее со Звезды. Смотрите!

Без стеснения он сдернул покрывало с груди жены и показал рубец от раны, которую вчера залечил. Добавил: если герцог прислушается к доводам разума, я отдам ему сестру; а если будет невежлив, сожгу ее живьем у него на глазах!

Старейшины ушли под сильным впечатлением. Их потрясло могущество лорда, способного как убить, так и вернуть к жизни; еще, их несколько успокоило наличие живой заложницы. Однако читалось на их лицах и другое чувство, непонятное Джоакину: не то растерянность, не то благоговейный страх.

Когда старейшины ушли, начались похороны.

Мастер Сайрус подготовил первую группу покойников и выдвинулся за стену, на замковый погост, чтобы предать их земле. Джоакин провожал в последний путь Гарри Хога и с большим почтением наблюдал за работой Сайруса. Могильные колодцы были уже подготовлены: мастер еще вчера каким-то чудом организовал людей на рытье. Имелись надгробные камни. Надписи, конечно, не высечены, а пока

просто намалеваны краской, но камни – настоящий гранит! Имелись и гробы. Как только мастер успел их сколотить за ночь или заказать в городе!.. Имелись положенные плакальщицы и свечи для поминальных огней, и даже цветы. Над каждым покойником мастер Сайрус сказал слово, похвалил мертвеца, как подобает. Дал время священнику для молитв, а друзьям – для прощаний. Похороны прошли идеально. Наверное, каждая душа, что смотрела на них со Звезды, осталась польщена.

Джоакин распрощался с Гарри. Сказал: спасибо, что ты был мне верным другом, хотя знал меня так мало. Сказал: ты был славным парнем. Может, кто-нибудь скажет, что плохо убивать людей Предметами. Но ты молодец, что не дрогнул, а начал стрелять. Без тебя нам бы всем – конец.

Когда опустили гроб, бросил горсть земли в колодец, зажег свечу на камне, утер влагу с глаз и собрался уходить, но тут вышло замешательство.

Сам граф Шейланд тоже пришел попрощаться с цирюльником, и мастер Сайрус после похорон обратился к лорду с вопросом:

– Ваша милость, как быть с северянами? К великому сожалению, мне плохо известны их погребальные обычаи. Каюсь, тут мое мастерство имеет изъян. А хоронить покойника вопреки обычаю – это все равно, что плюнуть на грудь Ульяне Печальной. Не прикажете ли сохранить тела в леднике и с оказией отправить в Первую Зиму?

Граф уставился на него с удивлением:

– О чем вы, мастер? Какие похороны?! Бросьте их свиньям!

Сайрус долго глядел на графа, но все не мог уловить смысла сказанного. Тем временем Мартин кое-что подсказал брату, и тот изменил приказ:

– Верно, сделаем назидание для горожан. Пусть видят, что бывает с моими врагами! Вколотите столбы вдоль рва, чтобы видно было с улиц, и развесьте трупы.

Мастер Сайрус нахмурился:

– Простите, милорд, но это же приведет к обидному для покойников результату. Под влиянием мух и ворон тела приобретут неприятный вид, скоро на них нельзя будет смотреть без содрогания. Души умерших оскорбятся, если глянут со Звезды и увидят такое зрелище!

– Тьма сожри, тем лучше! Пусть они там, на Звезде, лопнут от обиды! Развесить по столбам!

– Ваша милость, никак невозможно, это злейшее нарушение порядочка!

Ситуация зашла в тупик. С одной стороны, похоронщик был всего лишь простолюдином, и граф мог плетью научить его покорности. Но с другой, Сайрус являлся подлинным мастером своего ремесла, весьма нужного в данную минуту. Кроме того, Сайрус, как и лорд Мартин, сохранял полное спокойствие в эти дни, подавая всему замку пример стойкости. Было бы глупо вывести из строя столь ценного человека.

Сошлись на компромиссе, который предложил один из рыцарей: повесить на столбах только двенадцать кайров, а греев оставить в холоде и похоронить позже. Граф согласился на это, поскольку все равно не имел достаточно людей для установки целых сорока столбов. Мастер Сайрус скрепя сердце признал, что кайры участвовали в предательстве леди Ионы и потому должны понести посмертное наказание. Но уж греи – люди подневольные, и их он точно в обиду не даст.

Копатели трудились до поздней ночи и успели поставить семь столбов. Чтобы облегчить работу воронам, северян раздели донага, однако оставили главную примету кайров. На столбах повисли голые трупы с двуцветными тряпками на плечах.

Это зрелище стоило графу двух человек из гарнизона. Пара копателей просто исчезла без следа. На следующий день граф объявил, что послал их с важным поручением, но люди поняли, в чем дело. Кое-кто слышал, как эти двое волокли на столб последнего кайра и шептались меж собою:

– Нетопыри такого не простят. Бежать надо...

* * *

Третьим утром в замок явился вооруженный отряд. Пятнадцать воинов – довольно крепких, на взгляд Джоакина, – а с ними невысокий тип в круглых очках и с холеными уси-

ками. Этот парень носил жилет и сюртук, весьма подходящие какому-нибудь клерку. Имя он имел соответствующее: Перкинс. Скажи кому-нибудь: «Вообрази-ка парня по имени Перкинс» – опишут тебе кабинетную крысу с протертыми локтями и учетною книгой подмышкой. Этот был именно таков.

Граф пригласил Перкинса в кабинет, а заодно – Джоакина и Айви в качестве своих охранников. Там он повел с гостем занятный диалог.

– Почему столько?

– Тревожно, милорд.

– Что так?

– То да се, брожения. Говорят много.

– Бегут?

– Нет, милорд. Но и очередей нет.

– За гречкой?

– И за мукой, и за солью.

Клерк с графом переглянулись так хмуро, будто один сообщил, а другой услышал крайне печальную новость. Джоакин, хоть и должен был молча охранять графа, все же счел нужным вмешаться и подбодрить:

– Милорд, это же хорошо, что нет очередей за продуктами питания. Значит, мешане чувствуют уверенность в будущем!

Двое снова переглянулись, клерк спросил:

– Он самый, милорд?

– Как видишь.

– Посвящен?

Граф оставил это без ответа и повел дальше странную беседу:

– Нужны кулаки.

– Приходят. Стало больше, чуют потребность.

– Надежные?

– Как дырявый мешок.

– А для внутренних?

– Между стенами?

– Ага.

– Так да, можно.

– Нанимай. Не жалея кармана.

– Голову дадите?

– Дам Берта. Добавь своих.

В их беседе возникла пауза. Перкинс поднял взгляд на Джоакина:

– Что ты понял, служивый?

Джо усомнился: стоит ли отвечать на вопрос, заданный пренебрежительным тоном. Присмотрелся к Перкинсу поллучше. Невзрачною внешностью и умными глазенками тот напоминал цирюльника Гарри. Беседовал с графом коротко, доверительно. Видимо, он также был приближенным Шейланда, а может, и носителем Перста. Джоакин сказал учтиво, но не роняя себя:

– Сударь, я с радостью отвечу вам, но сперва хотел бы понимать, с кем имею дело.

Перкинс пожал плечами:

– Никакой тайны. Управитель центрального отделения банка.

– Того, что на озере?

– Юноша... – усмехнулся Перкинс. – Так что же ты понял из наших слов?

Джо вопросительно глянул на графа, тот кивнул – ответь, мол.

– Гм. Я понял, что милорду требуются бойцы, а вы можете их нанять в большом количестве, но не надежных. Милорд велел нанимать, поскольку придумал им какое-то применение. Сказал, что пошлет с вами Берта, дабы тот управлял процессом найма.

– Это все, что ты уловил?

– А что еще было?..

Не ответив Джоакину, Перкинс повернулся к графу.

– Милорд, нужно перепрягать?

– Сам как думаешь. Если сбруя порвалась.

– Что перепрягаем?

Граф вздохнул весьма мрачно.

– Подчистую. Копытнуло так, что телега кувырком.

– Ничего, милорд, проедем.

– Проедем... Когда перепряжем. Значит, такое. Языки загнать за зубы – это раз. Кем хочешь, но прытко. Заодно проверь мордатого: я ему велел. Два: возьми лохань и шустро к синему.

– Я?

– Нет, голову пошли. Синий мне нужен. Уговори: пусть берет руки-ноги и кабанится сюда. Пообещай вернуть яблоко.

– Но как же...

– Я сказал: перепрягаем! Сдохла кобыла!

– Виноват, милорд. Не схватил.

– Три: дергай сеть, пришла пора.

– Милорд, горит же. Не лучше ли свернуть?

– Свернуть не успеем, порвут. А вот дернуть еще можно.

Тут Перкинс снова поглядел на Джо.

– А теперь что ты уловил?

– Сударь, если моя задача в том, чтобы все понять, то вам стоит выражаться яснее. Путаница в приказах не доводит до добра. Кроме того, я готов получать распоряжения от милорда, а не от вас.

Граф одарил его благосклонным взглядом:

– Благодарю, Джоакин, вы совершенно верно понимаете свою службу. Однако прошу: ответьте Перкинсу.

– Ну... Очевидно, кобыла сдохла – означает смерть некоего человека. Из-за этого перевернулась телега – стало быть, не доставлен важный груз. Умершего человека требуется заменить, и милорд велит вам испытать на его роль некоего мордатого, а затем синего. Кто понимается под синим и мордатым – этого не могу знать.

Никак не среагировав на слова Джо, Перкинс вновь заго-

ворил с графом:

– Что дергаем в первую?

– Рви бельевые веревки, ужасно мешают. Хочу, чтоб ничего не сохло!

– Вы от себя?..

– Я от себя уже крикнул, добавь по своим. Сначала веревки, потом засевай. Засевай все поля, куда достанешь.

– Богами?

– И крысами. Прытко. Сей, пока сеется. Недолго осталось, скоро завоюет.

– Когда завоюет, милорд?

– Думаю, сегодня. Блоха сразу выпрыгнула.

Перкинс снял очки, с хмурой медлительностью протер стекла.

– Однако, быстро.

Граф буркнул что-то в ответ.

– Кем закроемся? – спросил Перкинс.

– Тут без перепряга. Катим по колее.

– Так ведь...

– А как еще!

– Виноват, милорд.

Перкинс надел очки, поморгал, вновь снял и принялся протирать.

– Милорд, не стоит ли вам... перекабаниться?

– На камень?

– Ну... или прочь.

– Прочь... – граф пожевал губы. – Нельзя прочь, никак. Первый встречный навертелит. Слишком рано телега грохнулась... Слишком громко волк завоет.

– Ладно... А хоть на камень – закабанитесь? Здесь-то... ну...

– Думаю, Перкинс, потею. На камне спокойней, но на виду. С обеих сторон: отсюда мешки, оттуда лебеди.

– Нет лебедей!

– Это пока. Скоро приплывут... А от мешков польза, пока мы здесь. На камне ее не будет.

– Милорд, – сказал Перкинс, – дыряво все.

– Дыряво, – ответил граф. – Но проедем.

Они оба глянули на Джо, и тот уже без понукания признал:

– Милорд, я понял немного. Ситуация скверная, Перкинс предлагал некую передислокацию, вы отказались. Остальное – простите, не уловил.

– Ты – хороший солдат, – сказал Перкинс. Почему-то добавил: – Локоть.

А граф спросил у клерка:

–носишь обручку?

Тот хлопнул себя по рукаву. Граф кивнул и повторил движение Перкинса.

Затем они распрощались. Пятнадцать воинов, приведенных клерком, остались в замке под руководством Рейнольдса – опытного рыцаря графа. Сам клерк уехал в свой банк

вместе с другим рыцарем – Бертом.

Джо при первой возможности спросил у Айви:

– Центральное отделение банка – то, которое в озере стоит?

– Оно и есть.

– И этот Перкинс им командует?

– Кто ж еще.

– Там целая крепость! Выходит, он – важная птица!

– Еще какая.

– По лицу не скажешь.

– Это уж точно, – хохотнул Айви. – Кстати, ты ему понравился.

– С чего ты взял?

Айви пожал плечами – мол, по опыту знаю.

Позже этим днем прибыл другой гость. Он звался бароном Доркастером и настолько отличался от Перкинса, что служба одному господину была их единственной чертой сходства.

Барон Доркастер, хоть и не вышел ростом, но сразу бросался в глаза. Его выделяла голова идеально яйцевидной формы с зеркальной лысиной, а также красный камзол, настолько кричащий, что позавидовал бы любой гвардеец. Барон привел с собой не пятнадцать воинов, а добрых двести, в том числе полсотни рыцарей. В противовес немногословному Перкинсу, барон без умолку болтал:

– Милорд, какое счастье видеть вас целым и невредимым!

Мы были в ужасе, в подлинном кошмаре, когда узнали, что сотворила ваша супруга. Как только боги стерпели такое предательство и не разверзли землю под ее ногами! Мои дочери плакали всю ночь, я никак не мог их успокоить. Сын поклялся, что возьмет меч и станет бить северян до тех пор, пока не исчезнет со свету их волчий дух. Милорд, мы вам приносим самые искренние соболезнования и заверяем, что готовы сражаться за вас до последней капли крови!

Эта сцена разыгралась в воротах замка. Графское войско располагалось у него за спиной, во дворе, а баронское – снаружи, на подвесном мосту и подъездной дороге. Потому большинство воинов не разобрало пафосную речь барона, но тот учел плохую слышимость и в кульминационный момент выхватил из ножен меч: «Слава графу!» Рыцари барона, конечно, повторили его жест и клич. Сталь так и лязгнула, солнце сверкнуло на клинках, голоса грянули хором:

– Слава графу!

Обитатели замка воспрянули духом: серьезная подмога пришла! Однако граф отчего-то не впустил во двор большинство вновь прибывших. Разрешил войти только барону с дюжиной рыцарей, а прочих оставил за воротами. Как и утром, граф пригласил гостя в свой кабинет, взяв для охраны Джо и Айви. Барон Доркастер также взял с собой двух телохранителей, граф позволил это, чтобы не обижать вассала, однако велел всем сдать оружие. Что любопытно, Джоакину тоже.

В кабинете тон беседы несколько сменился. Барон еще разок выразил сочувствие, пару раз поклялся в преданности, пошутил о северянах, которые ничего толком не умеют – даже предавать. Однако Шейланд слушал угрюмо и прервал словесный поток барона вопросом:

– Почему только двести? Вы должны были собрать под свои знамена все войска с берегов Торрея, а это около тысячи копий.

– Видимо, горе так смутило вас, милорд, что вытеснило из памяти: вы же прислали мне птицу позавчера! Войска всех вассалов никак не могли успеть так быстро. От Предлесья дней шесть пути, никак не два!

– Ваша собственная дружина составляет триста человек. Почему привели двести?

– Но мой сын и две крохи-дочурки остались в замке! Как я мог оставить детей без защиты в столь тревожное время? Эх-хе-хе, милорд, пока вы не обзаведетесь собственными детьми, не поймете, что такое отцовское беспокойство! С другой стороны, нужно благодарить Праматерь Софью, что это предательское отродье, звавшее себя вашей супругой, так и не понесло приплода. Каким стал бы ребенок, рожденный от такой матери!..

Если Доркастер хотел заболтать графа, то не преуспел. Шейланд сохранил полную трезвость мысли.

– Барон, а почему вы не привели сюда детей? Взяв с собой самое дорогое, вы подтвердили бы ту клятвы: мол, вы

со мною до первого вздоха, или до последней капли – как вы там сказали?.. Пришлось бы биться до конца – если не за меня, то за своих дочек. Однако вы оставили их дома. Это очень удобно, если придется быстро уносить ноги из Уэймара.

– Но милорд, как вы можете! Славное имя Доркастеров не совместимо с бегством!

– Однако очень совместимо с хитростью и поиском выгоды. Почему все-таки вы прибыли сами, не взяв никого другого из вассалов? Барон Корбиндейл всего в дне пути от вас. Подождав один день, вы привели бы вдвое больше солдат. Отчего нет?!

– Эх, милорд... Как мне грустно слышать...

Барон поднял руки и печальным жестом огладил лысину. Как вдруг... Джо не успел ничего понять, а уже отбивал удар. Оба баронских воина атаковали графа. Не имея клинков, они ринулись с голыми руками, потому вышло очень быстро. Айви едва успел шагнуть наперерез, как получил кулаком в глаз и упал. Дернул врага за ногу, тот грохнулся на пол, они покатались, пытаясь и пытаясь придушить друг друга. Джо повезло: успел уклониться от первого удара и толкнуть врага в бок. Тот сбился с пути, пролетел мимо графа, развернулся, схватил со стола нож для бумаги. Джо прыгнул на врага, всю массу тела вложив в удар плечом. Баронский воин отлетел к стене, грохнулся затылком о книжную полку, но шлем смягчил удар. Пришлось дважды добавить ему кулаком в лицо.

За вторым ударом хрустнуло, брызнула кровь, враг осел на пол, зажимая нос. Джоакин повернулся к барону.

Вынув стилет, спрятанный под одеждой, Доркастер атаковал Шейланда, а тот маневрировал, закрываясь от барона письменным столом. Граф не пытался ни сбежать через дверь, ни взяться за оружие. Видимо, очень верил в своего защитника. Джо приблизился к барону и спокойно сказал:

– Бросьте оружие.

Доркастер изготавился для выпада. Боги, как медленно! После молниеносной схватки с Сеймуром, все еще живой в памяти Джо, барон казался смешною черепахой. Джоакин дал ему время нанести удар, легко отклонился в сторону и треснул барона в челюсть. Когда тот начал падать, поймал за руку и вывернул, заставив бросить стилет. Кивнул графу:

– Прикончить его, милорд?

– Нет, лучше допроси.

Джо схватил Доркастера за ухо и крутанул. Это не слишком больно, зато весьма унижительно – будто наказывают мальчишку. Для благородного должно быть невыносимо. И верно, барон тут же взмолился:

– Прекрати, прекрати! У меня в нагрудном кармане... Подарок для тебя.

– Для меня? – не понял Джо.

– Да, да! Возьми, пользуйся! Меня только оставь!

– Сам достань. Медленно.

Он зорко следил за рукой Доркастера, когда тот извлек

из-за отворота камзола некую бумагу. Джо глянул вполглаза, слегка оторопел: на бумаге имелась гербовая печать Ориджинов. Весьма правдоподобная, насколько он помнил.

– Милорд, тут что-то ориджинское!

– Это не ему, а тебе, – прошипел барон. – Прочти, дурак!

– Прочти вслух, – потребовал Шейланд.

Джо развернул листок одной рукой, другой держа Доркастера за горло. Читать было чертовски неудобно: бумага тряслась, взгляд то и дело скакал к барону, ожидая подвоха. А следовало приглядывать еще и за баронскими солдатами: один боролся с Айви, другой зажимал разбитый нос – но каждый все еще представлял опасность.

– Милорд, будьте добры, возьмите нож барона и встаньте рядом вон с тем, носатым. Если он дернется, убейте его.

Граф так и сделал, но оружие держал скверно, совсем без сноровки.

– Читай же!

– Всякому, кто... именем Великого Дома... простите, милорд, строчки скачут... за голову графа Виттора Шейланда... кто посядет, тот получит... Тьма сожри! – Джоакин выронил письмо. – Милорд, тут обещают целое баронство за вашу голову! Подписано герцогом Ориджином!

– А есть печать и подпись?

– Да, милорд.

– Подлинные?

– За подпись не поручусь, я давно ее не видел. А печать

– весьма натуральная.

– Вот подлец! Сговорился! – вскричал граф, указывая клинком на Доркастера.

А тот взглянул на Джо:

– У меня уже есть баронство, проживу без второго. Возьми себе.

– Что?

– Рубани разок – и выйдешь отсюда бароном!

Джо поморгал, силясь понять, что ему предлагают. Неужели, предательство?.. За кого же его принимают?!

– Милорд, позвольте, я с ним покончу.

– Отчего бы и нет, – ухмыльнулся граф.

Джоакин сжал пальцы на горле предателя. Подумал: никогда никого не душил, да и не хочу – противно. Лучше бы свернуть шею, но это вряд ли получится без опыта. Лучше не падать в грязь лицом: душить – так душить.

Граф Шейланд почему-то рассмеялся.

– Постой, ха-ха-ха. Ну постой же! Отставить!

– Милорд?..

Происходило нечто странное. Айви перестал драться с баронским воином, оба сели на полу, почесывая ушибы. Шейланд бросил меч к ногам Доркастера:

– Вставайте, мой друг! Возьмите свою железку, я таким не пользуюсь.

Рука Джоакина разжалась от удивления. Барон поднялся, взял у графа и спрятал стилет. Сказал не без испуга в голосе:

– Милорд, зря вы ему разрешили! Неприятно, знаете ли, когда тебя душат!..

– Моя вина, барон. Джоакин служит недавно, я все не привыкну к его исполнительности. Думал просто пошутить разок, а он уже взялся за дело... Простите, неловко вышло.

– Ну, знаете ли... Хе-хе. Хе-хе-хе.

Барон рассмеялся несколько принужденно.

Джо воскликнул:

– Милорд, что происходит?! Почему... как?..

Доркастер поднял бумагу и подал Шейланду.

– Милорд, оцените, как хорошо сделано! Это приглашение на вашу свадьбу в Первую Зиму. Мой умелец вывел чернила и написал текст заново, а печать оставил.

– Достойная работа, – признал граф. – Даже я бы не отличил.

– Так это подделка?! – ахнул Джо.

Барон продолжил, самодовольно ухмыляясь:

– Вторая такая же находится в моем замке, у сына. Все вассалы графа по пути сюда заедут к нему, и он предложит каждому сговор против меня и милорда. Каждому, кто согласится, немедленно оттяпают голову. Именно для этой надобности я оставил сыну сотню воинов.

Шейланд хлопнул его по плечу:

– Благодарю, дружище. Наша маленькая сценка окончена, теперь отпустите своих людей – им, похоже, нужен лекарь. Джоакин, вы тоже можете идти. Вы снова показали пример

идеальной службы. Зайдите ко мне после вечерней песни: пришла пора вам получить желаемое.

Джоакин вышел в полном смятении, польщенный похвалой, но расстроенный унижительной проверкой. Граф испытал его так, будто все еще сомневается! Будто не хватило ночного боя, чтобы убедиться в его преданности! Если бы он хотел переметнуться к северянам, сделал бы это той ночью, и граф уже болтался бы в петле, а Джо носил двуцветный плащ! Но Ориджины – жестокое, кровожадное, волчье племя, и Джоакин никогда не встанет на их сторону, и чертовски досадно, что граф до сих пор этого не понял.

Когда вышел Айви, Джо спросил его:

– Это обычное дело у графа – такие вот проверочки?

– Ну, случается время от времени. Чаше, чем хотелось бы.

– Но я-то доказал! Я, считай, графу жизнь спас!

– Так ты и просишь многого. Захотел себе Перст Вильгельма – вот и получай. Персты кому попало не даются.

Лишь теперь у Джоакина возник вопрос:

– Айви, ты знал, что граф владеет Перстами?

– Знал.

– А другие рыцари?

– Ближайшие к милорду знали.

– Но вы Перстов не носите?

– Неа.

– Почему? Неужели граф вам не доверяет?

Айви помедлил с ответом.

– О других рыцарях не скажу, это их дело. Но лично я не хочу никаких Перстов.

– Отчего так?

– Ну, мне думается... без них лучше.

Джоакин попытался расспросить, но не добился большей ясности. Айви не был ему другом и откровенничать не стал.

Когда Джо явился к графу вечером, тот был один. Восседал под портретом отца, как в первую встречу, без никаких телохранителей и вассалов. Уединение и тишина придали обстановке торжественности. Джоакин расправил плечи, встал смирно.

– Милорд, я к вашим услугам.

Граф предложил ему сесть.

– Сир Джоакин, сегодня вы вторично проявили готовность спасти меня от смерти. Я считаю, этого достаточно для доверия. Пришла пора дать вам то, о чем вы просили.

– Перст Вильгельма, милорд?..

– Сам Перст пока не принесет вам пользы. Сейчас вы пройдете посвящение и получите силу. Но применять ее сможете лишь спустя три дня, вот тогда я вручу вам Предмет.

Джо почувствовал, как заколотилось в груди от слова «посвящение».

– Сейчас вы... научите меня говорить с Предметами?

Граф положил на стол пилюлю – спрессованный синий порошок.

– Прежде, чем вы научитесь чему-либо, вы должны уяснить два условия. – Голос графа понизился и стал звучать зловеще. – Я назову вам первое и второе. Вы ответите, готовы ли принять их. Если нет, мы распрощаемся.

Джоакин пожал плечами – звучит логично. Неясно, зачем этот драматизм в голосе графа.

– Первое, – сказал Виттор Шейланд, – по моему приказу вы будете убивать. Если я говорю, вы бьете без раздумий, как сегодня. Вы убиваете того, на кого я укажу, и не испытываете никаких сомнений. Вы даже не думаете об ответственности: я ваш лорд, ответственность на мне, вы – мое орудие. Это приемлемо для вас?

Джо нахмурился:

– Милорд, мы же воюем с северянами, верно?

– Мы воюем с теми, кто угрожает мне. Сейчас это Ориджины, и я намерен загнать их обратно в те ледники, из которых они выползли. Но если кто-то другой пойдет против меня – будь то девушка, старик или умильный щеночек – вы убьете его по моему приказу.

Джоакин скрипнул зубами:

– Мне не очень хотелось бы убивать девушек.

– Неужели! Вы видели, на что способны некоторые девицы. Вы заклинали Гарри Хога пристрелить Иону, и были совершенно правы! Женщины опасней мужчин – вам ли не знать! Но если вы изменили мнение... – граф развел руками, – вы знаете, где находится дверь.

Джо поиграл желваками.

– Но речь только о тех женщинах, которые вам угрожают?

– Разумеется! Вы прекрасно меня знаете. Я не из тех, кто нападает без причины, ради извращенного удовольствия. Моя единственная цель – защитить свое право на жизнь и свое место под солнцем! И не только свою жизнь, но и жизни всех, кто вверил их мне.

– Хорошо, милорд. Я согласен.

– Рад это слышать. И второе условие, – граф щелчком подвинул пилюлю ближе к Джоакину, – когда вы выпьете это, я получу над вами власть. Ее характер таков: я смогу убить вас, произнеся два слова. Мне не потребуется ни нож, ни яд, ни арбалет. Мне не нужно будет кричать, не обязательно даже, чтобы ваши уши уловили мой голос. Та сила, что поселится в вашем теле, имеет очень острый слух. Двух слов, сказанных шепотом, будет достаточно, чтобы вы превратились в пыль.

Джоакин сглотнул.

– Милорд, это звучит немного пугающе.

– Естественно. Я и хочу, чтобы вы запомнили этот испуг. Вы уже трижды меняли господина. Если вздумаете сменить в четвертый раз – вспомните то, что я сейчас сказал. Ваша служба следующему лорду продлится ровно столько, сколько будут звучать два коротких слова.

После паузы граф окончил:

– Но даю клятву: если будете верно служить мне, то вам нечего будет бояться, кроме проклятых Ориджинов.

Джо колебался. Условие напоминало то ли рабство, то ли темную магию, и ни то, ни другое не было ему по душе.

– Милорд, это... волшебство какое-то?

– Это жертва, сударь. Вы получаете уникальную силу. Становитесь воином с собственным Перстом Вильгельма! Таких воинов на свете меньше, чем герцогов и графов. Вы думали, подобное положение можно получить запросто? Найметесь на службу – и готово? Нет, сударь. Сверхсила не дается бесплатно. Я принес свою жертву, – взгляд графа почему-то метнулся вверх. – Вы принесете свою.

– А когда... вы освободите меня?

– Я не назвал бы это так. Вы свободный человек, а ограничены лишь в одном: в возможности нанести мне вред.

– Я имею в виду, милорд... ну, когда я смогу уйти и зажить своей жизнью?

– Когда наши враги будут повержены в прах! Когда чертовы агатовцы сполна рассчитаются за все унижения, нанесенные мне и вам! Когда имя Ориджинов станет звучать как гнусная уличная брань, а всякий потомок Агаты будет стыдиться своего рода!

В душе Джоакина потеплело. Он взял пилюлю, повертел в пальцах. Слова графа убедили его наполовину, остальное сделала сама пилюля. Была она совершенно заурядна: обычный лекарский порошок, спрессованный в комочек. Аланис пила такие во дворце, чтоб не болела щека; мама Джоакина принимала такие против одышки. У него мелькнула мысль:

это же не Предмет, а просто снадобье. Никакое снадобье не может убивать по приказу! Значит, пилюля – всего лишь новая проверка!.. Граф хочет знать, что Джо абсолютно предан ему. Так пусть увидит!

Джоакин проглотил пилюлю. Граф Виттор одобрительно кивнул.

– Условия выполнены. Теперь – главное.

Он поставил на стол пузырек с густой красной жидкостью, похожей на кровь.

– Это – власть над Предметами. Выпейте и ждите. На четвертый день Предметы покорятся вам.

– Так просто?

Граф хлопнул глазами – и рассмеялся.

Его смех зажег солнце в мозгу Джоакина.

Множество раз Джо произносил слова: жизненный путь. Они отлично выражали тот приятный смысл, что Джоакин не просто живет как попало, а – идет определенным путем, сказать точнее – путем воина, путем меча. Многие плывут, как бревно по течению, без воли, без рассудка, а Джоакин – не таков. Его маршрут тщательно продуман наперед, как стратегия великого полководца, и каждый маневр неизменно приближает к победе. Потому с такой гордостью он говорил о себе, в особенности девушкам: «Мой жизненный путь ведет к...»

Вот только, по правде, никакого пути он давно уже не ви-

дел. Год назад, когда судьба оставила его наедине с Аланис, в последний раз подумалось Джоакину: да, все верно, сюда я и шел. Но с тех пор столько раз перевернулась его судьба, столько изломов дал маршрут... Джо давно уже не скакал по жизни верхом, как доблестный всадник, и даже не плыл бревном по реке. Скорей, был он щепкой в бушующем море, метало его с волны на волну до тех пор, пока даже сами слова «жизненный путь» не вымылись начисто.

И вдруг сейчас, в этот миг – смех на устах графа, пальцы на пузырьке, красная патока внутри – у Джоакина вспыхнуло, засияло: вот же он, путь! Все время судьба вела сюда, в эту самую точку!

Все сложилось одно к одному. Каждый случайный поворот был, на самом деле, не случаен. Торговец Хармон взял его на службу затем, чтобы привезти в Уэймар и показать графу с графиней. Джоакин подрался с Айви – и так запомнился Ионе. Затем он участвовал в аванюре со Светлой Сферой, а после – в бунте Подснежников. Из-за Сферы и Подснежников он, встретив Иону вновь, вызвал в ней подозрения и был пленен. Без этого плена он не вернулся бы в Уэймарский замок и не заинтересовал бы графа, и не познакомился бы с Гарри Хогом. Без Хармона, Сферы, Подснежников, Ионы – он не оказался бы на поле той решающей ночной схватки.

А его любовь к Аланис – зачем она была? Не ради счастья или наслаждения, о нет. На примере Аланис боги пока-

зали Джоакину: кто такие агатовцы, чего стоит дворянская честь, много ли благородства в благородном сословии. Не будь Аланис, он, Джоакин, мог выбрать иную сторону в ночном бою – убить графа и помочь Ионе. Но, наученный горьким опытом, Джо не ошибся в выборе. И вот он здесь, а на столе – пузырек, дающий власть над Священными Предметами. Та цель, к которой судьба вела его столь долгим путем!

Тогда он рассмеялся, вторя хохоту графа.

– Вы правы, милорд, я был редким тупицей! Больше года шел к этому дню, а теперь ляпнул: «Так просто»! Ну и дурачина!

– Не будьте дурачиной, сударь. Выпейте скорей, пока что-нибудь вас не отвлекло.

Джо выдернул пробку и вылил в рот содержимое пузырька. Оно было липким и соленым, словно кровь. Вероятно, это и была чья-то кровь. Возможно, тот, кому она принадлежала, давно уже умер. Это не волновало Джоакина. Теперь, озаренный, он не питал никаких сомнений. Все, что он делает, – совершенно правильно. Сами боги ведут его!

– Как вы чувствуете себя, Джоакин Ив Ханна?

Он отбросил пустой пузырек, утер губы и сказал:

– Божественно!

Искра – 2

**1 июня 1775 г. от Сошествия
Фаунтерра**

В полдня вместилось столько событий, что хватило бы на месяц. Слуги приносили Минерве новости по нескольку раз в час.

Завершилось заседание Праматеринского капитула. Архиматерь Эллина навестила лорда-канцлера, после чего объявила Вселенский собор. В течение ближайших двух дней все высшее духовенство Земель Короны должно прибыть в резиденцию Эллины.

Галларду Альмера архиматерь отправила волну с требованием явиться для исповеди и покаяния. Даже лакей, принесший эту весть, сомневался в том, что приарх пойдет на поводу у Эллины. А значит, последует конфликт между Церквями. Высшие матери будут искать способ свергнуть Галларда.

Дворцовая голубятня разослала целые стаи птиц. Помощник птичника, купленный Лейлой, не был посвящен в содержание писем, но знал адресатов: лорды и бургомистры городов вдоль побережья Дымной Дали. Лорд-канцлер установил водную блокаду вокруг Уэймара.

Арестованы лорды-представители Шейланда, а также все служащие банков Шейланда, кто не успел покинуть столицу.

Агатовское войско готовится к походу на север. К месту расположения батальонов сгоняют телеги, свозят фураж. Ханай кишит транспортными судами. Полки Нортвуда также приводятся в боеготовность.

Мира не могла забыть слов Ребекки: «Вы же отреклись!.. Ориджин идет бить ваших врагов – и вы ударите ему в спину?» Некуда деться от доли правды: Ориджин сражается с мерзавцами и гадами, защищает мир от еретиков, мстит за сестру. Каким подлецом нужно быть, чтобы предать его?

Но сама нарочитость ситуации вызывала у Миры отвращение. Весь этот оглушительный пафос: «защищает мир, борется со злом». Бывает ли истиной что-либо, высказанное столь громко? Каковы шансы, что все это – борьба за справедливость, а не политическая игра? Может быть, где-то и существуют непогрешимые рыцари, защитники истины... Но Ориджин?!

Мир – не черно-белый. Нет чистых красок, нет идеального добра. Если кто-либо притворяется таковым – он попросту лжет.

– Ганта Гроза, благодарю вас, что заглянули на чашку чаю. В добром ли вы здравии?

Круглое лицо шавана с его раскосыми глазами имело такое свойство: при малейшей улыбке Гроза начинал выглядеть лукавым хитрецом.

– Мое здоровье крепко, словно камень, – улыбнулся ганта. – А как ваше, владычица? Вы не в печали?

– С чего мне печалиться? Я полна надежд и планов, а мои надежды, как правило, сбываются.

– То же я могу сказать и о себе, – Гроза с гордостью подкрутил кончик уса. – Моран Степной Огонь, провожая меня в столицу, сказал такие слова: «Гроза, мой друг, центральные земли держат нас за дикарей. С нами говорят лишь тогда, когда нет собеседника получше. Но ты должен научить их считаться с нами. Пускай столичные лорды говорят с тобой так же, как друг с другом». Так сказал вождь – и за месяц я все исполнил!

Мира ответила легким поклоном:

– Вождь должен гордиться вами, ганта. И вы правы: я действительно хочу побеседовать с вами, как с лордом.

– О чем, владычица?

– Об общих врагах.

Ганта Гроза откинулся на спинку кресла, всей позой выразив готовность слушать. Прекрасно.

– «Позволь иному быть» – завещали нам Праматери. Эта заповедь – один из столпов, на которых стоит благоденствие Империи. Множество народов населяют Поларис, они отличаются культурой, традициями, нравами, одеждой, но уживаются друг с другом благодаря терпимости. Конфликты, которые возникают тут и там, являются мелкими частностями. Бывают войны за земли или золото, или Предметы, но

вот уже много столетий не случилось войн из ненависти. Ни один народ не стремится к тому, чтобы сжить со света другой. Никто не вступает в войну ради истребления противника. Мы можем благодарить Праматерей за привитую нам человечность.

Ганта воздел руки к небу:

– Владычица говорит, словно кровный шаван! Мы ни к кому не питаем ненависти. Если берем чужое золото или скот – то лишь потому, что нуждаемся в нем. А злость и гнев чужды детям Степи.

– Однако есть народ, – продолжила Мира, – чья культура построена на гневе. Этот народ вскормлен железом и кровью, он почитает убийство высшей доблестью, он радуется, причиняя страдания и боль. В течение двух столетий этот народ, словно хищник, вторгнулся в Степь, чтобы убивать, насиловать, грабить. Он облагал вас унижительной данью, как рабов, высасывая все соки. А вчера представитель этого народа потребовал для себя Престол! Что будет со Степью, ганта, если сын северных волков наденет корону?

На лице Грозы нарисовалась странная ухмылка. Он подождал какое-то время, будто желая убедиться, не добавит ли Минерва еще что-нибудь. Затем подкрутил ус, огладил бритый затылок и заговорил:

– Владычица, твои речи сладки для моих ушей. Когда ехал сюда, я не надеялся увидеть, как Династия рвет вековой союз с волками и предлагает дружбу детям Степи. Вот только

правду говорят, что у девиц короткая память. Не забыла ли ты, что такая беседа уже была между нами? Месяц назад, в Маренго, ты уже предлагала союз против Ориджина. Ты даже устроила нечто вроде засады, чтобы я мог убить герцога. Я убил бы его, если б ты меня не остановила.

– Но, ганта...

– Еще не все сказано. Потом ты забыла обо мне и целый месяц не отходила от Ориджина. Ехала с ним в одном поезде, сидела рядом в Палате, в рот смотрела, когда он говорил. Может, и постель делила, – это уж не мое дело. Вчера Ориджин сказал в Палате то, что тебе не понравилось. Он захотел стать императором – ты обиделась, и теперь вот ищешь союзников. А надолго ли хватит твоей обиды?

– Ганта, постойте...

– И теперь еще не все. Ты сказала про общих врагов, но позабыла, что Ориджин – не единственный враг Степи. Мертвый владыка Адриан приказал нам, шаванам, встать перед ним на колени, а когда мы отказались, повел на нас войска. Ты вчера отреклась от короны – помнишь, в чью пользу?

– Ганта, вы даже не выслушали, что я хочу предложить!

Гроза сделал рукой извилистый жест, изображая змею:

– Мне ни к чему слушать. Ты хитрая и скользкая, что бы ни предложила – потом заберешь.

И он поднялся:

– Прибереги слова для тех, кто им поверит.

То был болезненный удар, и, что особенно скверно, не единственный.

Часом позже на прием явился Морис Лабелин. Мира вновь заговорила про общего врага, на сей раз сделав акцент на свежих обидах. Как Ориджин отнимал земли Южного Пути, как громил путевские армии и штурмовал города. С какою наглостью он потребовал в Палате узаконить этот грабеж!..

Лабелин проявил больше учтивости, чем Гроза. Он признал правоту Минервы, поблагодарил за участие. Посетовал на удачливость Ориджина, слабость путевской пехоты, равнодушие лордов в Палате Представителей. Мира воспрянула духом и предложила действовать совместно. Герцог ответил с поклоном:

– Великий Дом Лабелин составляют верные вассалы Короны. Так было и так будет впредь.

Нечто в его тоне заставило ее насторожиться.

– Я могу рассчитывать, что вы поможете мне?

– Целиком и полностью, ваше величество. Не питайте никаких сомнений.

Звучало по-прежнему странно. На всякий случай, Минерва пояснила:

– Герцог Ориджин в ходе реконструкции дворца усыпал все стены слуховыми отдушинами. Мои слуги затратили немалые усилия, чтобы составить карту слуховых окон и выявить безопасные комнаты. Мой кабинет тщательно про-

верен, никто не может услышать нас.

– Отрадно знать это, вашего величество. Но если кто и услышит – не беда, ибо мне нечего стесняться. Я – законопослушный человек, верный своему долгу перед Коронай и Палатой.

– Перед Палатой?..

– Конечно, ваше величество. Воля Палаты – это закон, а закон обязателен к исполнению всяким порядочным человеком, от батрака до императора.

– Милорд, Палата хочет избрать владыкой вашего врага!

Герцог развел руками:

– Если так случится, значит, тому и быть. Я не бунтарь и не мятежник.

– Как же я могу рассчитывать на вас?

– Как на себя саму, ваше величество.

Он поклонился с таким видом, будто все уже сказано. И действительно, что тут добавишь?

– Но, милорд... – начала Мира и осеклась, услышав собственный голос. Звучал он жалко.

Герцог Лабелин сказал:

– Ваше величество, после проклятой Северной Вспышки я взял за правило: вести только те войны, в которых могу победить. Мне думается, это хорошее правило. Буду рад, если вы примете его на вооружение.

За два месяца, что Мира не бывала в Престольной Цитадели, здесь ничего не поменялось. По правде, здесь ничего не менялось последние двести лет. Полвека назад провели искровое освещение – вот и все новшества. А в остальном, Цитадель жила так же, как еще при Юлиане: сменялись бесчисленные караулы, скрипели перьями очередные дознаватели, неотличимые от прежних, пауки плели новые и новые мили нитей, а слуги сметали их с потолков отточенными за годы движениями метел. Новые узники, как сотни и тысячи до них, ежились от холода в сырых камерах, грели ладони об огоньки лампад, обкусывали ногти, обрастали бородами...

– Ваше величество, вот эти двое. Желаете допросить их по одному?

– Нет, введите обоих сразу.

Из пары мужчин один был рыжим и коренастым, второй – русым и худым. Их роднили арестантские робы, густая щетина и голодные глаза. Русый упал на колени, едва увидев Минерву:

– Ваше величество, молю о пощаде!

Рыжий крепыш согнулся в поклоне:

– Случилась ошибка, ваше величество! Я-то всегда знал, что вы придете все исправить!

– Сержант Рука Додж? – уточнила Мира, обращаясь к кре-

пышу.

– Точно так! Ветеран Лабелина и Пикси!

– А вы – Зуб? – спросила она русого.

– Лучший зубной лекарь в Лоувилле!

– А также – бунтарь и убийца послов.

Зуб ударил челом о плиты пола:

– Бесы попутали, ваше величество! Черти заморочили!

Палец судорогой свело, вот и стрельнул. А мысли такой не имел в голове!

Сержант Додж связанными руками сотворил спираль:

– А я-то, ваше величество, человек маленький. Офицеры командуют, сержанты исполняют! За командира у нас был Салем из Саммерсвита, да еще этот, лорденыш...

– Джоакин Ив Ханна, – подсказал Зуб.

– Он! – Сержант истово закивал. – Джоакин, он самый!

Вот кто черт!

– Значит, вы отрицаете свою вину?

– Не отрицаем, есть вина, ваше величество! Слабы духом, вот и поддались бесовщине! Заморочили нас, запутали, окружили! Но злого умысла не было. Мы – честные люди, ваше величество!

Мира кивнула гвардейцам:

– Дайте им сесть. Предложите хлеба и вина.

Получив в руки по лепешке, узники стали ожесточенно жевать. Крошки сыпались на бороды, глаза слезились от счастья.

– Вас что, не кормят?!

– Раз в два дня, ваше величество, – промямлил Зуб с набитым ртом. – Мы-то мужики, а остальные тут – дворяне. Тюремщики говорят: «Благородным – побольше, а вы и так обойдетесь».

– Произвол, – процедила Мира. – Я исправлю.

– Только на вас уповаем, владычица наша!..

Пока они жевали, Мира листала рапорт. Он был подписан лордом Грейсендом, прим-вассалом герцога Лабелина. После встречи с Подснежниками Мира взяла с Грейсенда клятву, что ни один крестьянин, сложивший оружие, не подвергнется репрессиям. Теперь Грейсенд сообщал:

«Довожу до ведома вашего величества, что в полном согласии с вашей волей всем крестьянам из отрядов Салема Саммерсвитского предоставлена была возможность беспрепятственно вернуться по домам. Никто не понес никаких наказаний и не претерпел преследований. Каждому были выплачены подъемные средства в размере одной елены на душу.

Также я обязан сообщить, что не каждый крестьянин проявил желание вернуться к честному труду. Веселая жизнь и легкая добыча во время похода затуманили разумы многих мужиков. Вместо того, чтобы усердно взяться за земледелие, как завещала Праматерь Людмила, часть крестьян образовала вооруженные отряды и занялась разбойным промыслом. Салем из Саммерсвита осудил

их действия и призвал опомниться, что не помешало им продолжить грабеж. Число этих заблудших души колеблется от пяти до семи тысяч. В виду столь значительного количества, они представляют большую опасность для добрых людей. Бандитским набегам уже подверглись десять деревень и два города, среди которых и столь крупный, как Лейксити. Мы, лорды Южного Пути, будем вынуждены начать карательный поход. Прошу ваше величество признать необходимость такого похода и не считать его нарушением моей перед вами клятвы.»

Когда узники покончили с лепешками и взялись за вино, Мира передала им бумагу. Рука Додж оказался безграмотен, Зуб зачитал ему вслух. Сержант прокомментировал:

– Мда уж... Беда, когда войско без головы. Солдат без офицера – хуже свиньи с рогами.

Тогда Мира взяла другую бумагу – отчет дознавателей.

– Здесь сказано, судари, что вы двое – отнюдь не те невинные овечки, какими хотите казаться. Вы присвоили выдуманные чины народного генерала и народного майора, и называли себя главными военачальниками Подснежников, а Салема из Саммерсвита именовали – цитирую – «пустым лаптем, никудышним вождем, дремучим холопом».

Они переглянулись.

– Так это, – выдавил Зуб, – нас же того... Когда ногу зажмут в колодки – знаете, как больно! Тут что угодно скажешь, лишь бы отцепились!

– А мне все ребра сосчитали, ваше величество, и на брюхо угли бросили! Могу ожоги показать!

– Нет, увольте. Стало быть, вы утверждаете, что отчет дознавателей – клевета, и не содержит ни слова правды?

– Нет, ваше величество! То бишь, да, ваше величество, вы правы, все тут – брехня! Под пытками-то всякое скажешь... А вот сейчас, без пыток, мы вам – чистую правду! Не было ничего!

– И вы не называли себя генералом и майором, не были вождями бунтарей, не пользовались влиянием в их рядах?

– Никак нет! Ничего подобного, Праотцами клянемся!

– Жаль.

Мира покачала головой и свернула в трубку обе бумаги. Как бы невзначай обронила третью – грамоту о помиловании. Дала Зубу достаточно времени, чтобы различить текст, затем свернула и ее.

– Очень жаль, судари. Я искала тех, кто обладает влиянием на Подснежников и сумеет мне помочь. Но если это не вы, то простите за беспокойство.

Толкнув Доджа под ребро, Зуб шепнул:

– Помилование.

– Где?

– Да вон...

– Ваше величество желает нас помиловать? – Сержант схватился, опрокинув стул, и тут же получил по шее от гвардейца. – Спасительница наша! Век будем славить, Праотцов

молить за вас!..

– Я хотела помиловать тех, кто мне поможет. Но вы неспособны...

– Дык, ваше величество, какая помощь требуется? Вы только прикажите!

– От пяти до семи тысяч Подснежников желают зарабатывать на жизнь мечом, а не сохой. Мне же, по совпадению, как раз требуются воины. Я искала того, кто убедит Подснежников сменить разбой на честную службу в императорском войске. Но вы, похоже, не сумеете...

Они еще раз переглянулись – и зачастили хором:

– Мы сумеем, ваше величество, еще как! Вы говорите, нет влияния? Дык, есть же оно! Мы ж обучали этих козлов безрогих! Мы этим олухам копыя в руки вложили, мы им все показали – как строем ходить, как стоять, как колоть! Что ж вы говорите, будто не уважают? Кого еще им уважать, если не нас?!

– Стало быть, – Мира подняла бровь, – вы беретесь выполнить мое поручение?

– Еще как, ваше величество!.. Праотцами клянемся! Глорией-заступницей!

Она развернула перед ними грамоту о помиловании. Имперская печать багровела сургучом.

– Как видите, сюда пока не вписаны ваши имена. Отправляйтесь в Южный Путь и через месяц приведите мне армию. Получите заполненную грамоту, а также приз: по одной гло-

рии за каждого бойца, умеющего стоять в строю и орудовать копьем.

– По славы... – Зуб поперхнулся, – ...за каждого?

– Да. Это много. Сами солдаты получают амуницию, продовольствие и жалование по расценкам наемных бригад.

– Ваше величество... Ваше величество!..

Узники потеряли дар речи. Минерва обратилась к лазурным:

– Отмойте их, оденьте и снабдите деньгами на проезд до Лабелина.

Перед тем, как покинуть комнату, она сказала Зубу с Доджем:

– Я не знаю, стоит ли акцентировать внимание. Кажется, вы – люди понятливые, но на всякий случай... Если обманете, я вас зарюю живьем.

На Воздушном мосту царила блаженная ночная прохлада. Мира сбавила шаг, любясь искристым Ханаем, светлыми хлопьями парусов, разноцветьем огней на Дворцовом острове. Теперь она была довольна собою. Нет шаванов и путевских рыцарей – ладно, обойдемся без них. Банкир Конто приведет наемных солдат, Рука Додж – Подснежников, Уитмор – еще одну роту лазурных. Майор Бэкфилд сошьет армию из лоскутов, ведь у него уже имеется опыт. Кроме того, Бэкфилд раньше командовал искровой ротой. Выведем ее из состава корпуса Смайла и отдадим обратно Бэкфилду, она

станет ядром новой армии. Да, лоскуты, да, мужики и бандиты, да, не ровня даже греям, тем более – кайрам. Но это – начало. Я нашла их всего за один день. А завтра...

– Дорогу ее величеству! – крикнул командир ее эскорта, поскольку впереди на мосту возник затор.

– Каррр! Каррр! – Донеслось из компании, преграждавшей дорогу. – Ваше величество, мне бы пощебетать с вами!

– Ворон?..

– Карр-каррр! Позвольте подойти!

– Только вы один, агенты пусть разойдутся.

– Согласен!

Мира отдала приказ, и гвардейцы позволили Марку приблизиться.

Он выглядел так же щегольски, как при давнишней первой встрече: черный камзол, белая рубаша с кружевами, лакированные башмаки, шейный платок. Марк отвесил поклон, широко улыбаясь.

– Чему вы так радуетесь, сударь?

– Неформальной встрече с вашим величеством. Две прошлые были очень интересны.

– Служба на Севере не стерла их из вашей памяти?

– Ах, что вы! То были прекрасные светлые деньки! Пара милых уютных убийств, улики, связанные честной логикой, старомодный злодей безо всяких Перстов и Абсолютов... Разве вам не приятно вспомнить?

Мира усмехнулась не без яда:

– Вы правы, сударь: времена сильно изменились. Раньше мы служили одному владыке.

На вдох улыбка покинула лицо Ворона, и Минерву это порадовало.

– Должен заметить: грубоватое начало, ваше величество. Так может говорить лишь человек, не замечающий нюансов.

– Каких же?

– Первый нюанс: владыка Адриан незаслуженно обвинил и разжаловал меня, и дал задание, которое вело к моей смерти. Нюанс второй: если б я выполнил это задание, мы с вами оба очутились на Звезде. Меня прикончили бы люди Ориджина, а вы бы сгнили в пещерах. И третий: до вчерашнего утра Адриан был мертв.

Очень хотелось спросить: изменило ли вчерашнее утро взгляды Марка? Но Ворон прав: начало вышло грубым, нужно иначе.

– Не могу не согласиться, сударь: дворец радует меня больше, чем келья. По меньшей мере, здесь подают кофе и вино.

С видом полной непринужденности Марк облокотился на парапет:

– Так побеседуем же, как встарь. Политика и юмор, ничего более, разве только капля флирта.

– Вы порадуете меня, сударь, если расскажете о Кукловоде.

Марк закатил глаза:

– О, боги, вы ведь уже не дочь Медведицы! Откуда столько грубого напора? Сразу Кукловод – будто не о чем больше поговорить! Спросили бы обо мне что-нибудь.

– С удовольствием. Как вам живется, сударь, на службе у нового лорда?

Марк шмыгнул носом.

– Ваше величество, у кого вы научились хлестать вопросами, будто плетью? Не у меня ли?

– Взрослею, – обронила Минерва. Вот сейчас это слово пришлось кстати.

Ворон замялся:

– Что ж...

Она одарила его снисходительной усмешкой:

– Коль вы совершенно неспособны к беседе, то возьму это бремя на себя. Знаете, я много думала о Кукловоде и мечтала с кем-то поделиться. Сделаю вид, что вы того достойны.

– Благодарю так горячо, будто вы уже сказали нечто ценное.

– Галлард Альмера никогда не подходил на роль Кукловода. Он мог быть сообщником – да. Мог отдать Ульянину Пыль в обмен на сожжение Эвергарда, мог помочь нападению на Адриана... Но некоторые поступки Кукловода никак не подходили Галларду. К примеру, зачем ему красть достояние Династии? Он – глава Церкви, мог выпросить нужные Предметы на время, под предлогом какого-нибудь праздника. Больше того: зачем ему участвовать в интриге Сибил

Нортвуд? Будь он Кукловодом, то мыслил бы масштабнее: нужна ли Глория на троне, если с помощью Перстов сам Галлард может стать владыкой?

– Ах, ваше величество, я притворюсь, что сегодня – это вчера! Ваши слова звучат так умно, ведь не было еще писем из Уэймара, и никто не знает, что Кукловод – Виттор Шейланд!

– Кстати, что было в этих письмах?

– А вы не слышали?.. Чем же вы занимались все утро?!

– Не вижу трагедии в том, если дама немного задержалась в постели. Некий сударь может получить удовольствие, пересказав ей главные новости.

Марк приосанился:

– Охотно! Наш любимый герцог получил два письма. Первое, прочтенное в Палате, было от леди Ионы. В нем говорилось, что Виттор Шейланд – злодей и главарь еретиков, и она замышляет атаку. Поскольку герцог Ориджин некоторым образом агатовец, и не совсем лишен фамильного дара предвидения, то он заблаговременно впал в печаль. Надо сказать, он не ошибся, что подтвердило второе письмо, полученное нынче утром. Его отправил некий кайр – вероятно, последний из уэймарского отряда северян. Иона со своими людьми вывернула замок наизнанку, обратила в бегство гарнизон и почти захватила мужа. Но парень с Перстом Вильгельма переломил ход сражения. Иона покончила с собой, чтобы не попасть в плен. Кайров перебили, но один сумел

бежать и послал донесение герцогу. Теперь мы точно знаем, что Кукловод – Шейланд, с ним в Уэймаре горстка воинов и один Перст.

Ворон выдержал паузу, наблюдая за лицом Минервы, а потом обратил взгляд к Ханаю:

– Красиво, ваше величество, не правда ли? Эти лодочки, отражение огней... Будь я поэтом, непременно описал бы это как-нибудь... поэтично!

– Жаль, что вы не поэт.

– Но приятно, что я и не сапожник. С детства мечтал им не быть – и видите, удалось! Ваш ход – скажите теперь вы о Кукловоде.

– Боюсь, все важное о Кукловоде вы уже слышали от кого-нибудь. Но вот его брат, Мартин Шейланд, незаслуженно обойден вниманием. Знаете ли вы, что Мартин – убийца, насильник и зверь?

– А также безумец, ваше величество. Я читал отчеты. Глубоко сочувствую вам.

– На счет безумца я теперь сомневаюсь. Мартин – странный и опасный человек, но в его действиях прослеживается логика. Старший брат собирает Абсолют, чтобы достичь бессмертия. Младший тоже собирает кое-что в поисках бессмертия – только не Предметы, а трупы. Старший брат знает, что власть над Предметами дает первокровь. Младший брат тоже знает, что кровь важна, только не понимает, какая именно и что с нею делать.

Марк наострил уши, старательно изображая безразличие. Мира продолжила:

– Мне думается, Виттор не вполне доверяет Мартину. Сказал ему о поисках бессмертия и о первокрови, но не выдал точных рецептов, и Мартин, чтобы не отстать от брата, предпринял собственные опыты. Я полагаю, между братьями есть давний затаенный конфликт: Виттор считает Мартина глупцом, а тот подавляет обиду и мечтает проявить себя.

Ворон проследил взглядом за каретой, которая шумно пересекла дворцовый мост.

– Вот же мчится! Куда ее несет?.. Не скажу, ваше величество, что совсем не думал о Мартине. Но и не буду лгать, что думал столь же успешно, как вы.

– Тогда ваша очередь говорить. Как считаете, сударь, много ли шансов у Кукловода против Ориджина?

Марк улыбнулся:

– Самый праздный вопрос из всех. Вы же задали его только ради умственной забавы, правда? Предлагаю вам сперва пофантазировать самой.

Мира согласилась.

– Вы говорите, у Шейланда осталось мало воинов?

– По словам того кайра, дюжина мечников да полсотни стрелков. Ну, и перстоносец.

– А ударная бригада позавчера атаковала Арден, где потеряла половину бойцов.

– Верно.

– Поезда остановлены, значит, бригада скачет своим ходом. Самое меньшее, четыре дня до Дымной Дали и шесть дней кораблем через озеро.

– Почти так, ваше величество. Видите ли, птица летит быстрее, чем скачет конь. А волна – еще быстрее птицы... По приказу герцога я еще вчера начал строить барьеры на пути перстносцев. Перекрыты главные дороги, мосты, речные порты. Каждую преграду им придется брать с боем, теряя время и людей. Либо двигаться через леса и поля, чудовищно снизив скорость. Четыре дня от Ардена до Дымной Дали – весьма оптимистичная оценка. Неделя будет вернее.

– Согласна с вами, сударь. А когда бригада все же доберется до озера, ее ждет новый барьер: водная блокада. Если Пауль захватит судно и пойдет напролом, его потопят с расстояния баллистами. Так что он поведет своих людей вокруг озера, что займет... ммм...

– Недели три, – подсказал Ворон. – Паулю придется избегать городов, больших дорог, переправ. Однако ему нужно регулярно менять коней! Либо шадить своих и двигаться медленно. Вряд ли он попадет в Уэймар раньше конца июня.

– А кайры Ориджина переправятся кораблями и будут в Уэймаре... не поможете ли?

– Батальоны уже мобилизованы и завтра выступят в поход. Марш до Лейксити займет дней шесть, переправа через Дымную Даль – еще столько же. К 15 июня войско будет в Уэймаре.

– Две недели опережения. Выходит, Шейландов съедят с потрохами.

– Похоже на то, ваше величество.

– За оставшееся время Виттор может призвать вассалов, набрать наемников. Но вы говорите, в его гарнизоне шестьдесят человек, а против него – сильнейшая армия мира. Вряд ли вассалы встанут на обреченную сторону. Он станет искать союзников, спросит Лабелина, Степного Огня, Галларда Альмера. Но Лабелин не желает больше воевать с Ориджином. Степной Огонь силен, но далек, он не опередит северян. Галлард Альмера – единственный шанс.

Мира прищурилась, размышляя.

– В сказке злодеи заключили бы союз, чтобы творить беды вместе... Но своя рубашка ближе к телу, а в случае с приархом – своя мантия. Церковь Праматерей объявила Галларду подозрение в ереси, ему придется попотеть, чтобы сохранить сан. Проблемы Шейланда приарху ни к чему – вполне хватает собственных. Так что, похоже, у Кукловода очень мало шансов... Я права?

Марк пожал плечами:

– Почему знать, ваше величество? Я в политике хуже вас. Но знаю одно: Ориджин описал ситуацию примерно теми же словами, что и вы, а все его вассалы согласились.

Минерва тоже повернулась к реке:

– Взгляните, как луна отражается в волнах! Это поистине романтично, а приятная беседа дополняет чудесный вечер.

Благодарю за разминку для ума, сударь.

– А я благодарю вас за верное решение.

– Какое?..

– Знаете, почему я люблю беседовать с вами? Мы никогда не говорим о том, что лежит на поверхности. Я знаю, о чем вы спрашивали на самом деле, а вы знаете, что я это знаю. За три недели батальоны Ориджина возьмут Уэймар, и через месяц Палата изберет его владыкой. Очень короткий срок, правда? Но если Ориджин потерпит поражение... Особенно – если перед поражением он так потреплет Кукловода, что ваши искровики легко добьют его...

– Я даже не думаю об этом, сударь.

– Конечно, ваше величество. Я бы на вашем месте тоже не думал. Я прилагал бы огромные усилия, чтобы прогнать из головы эти мысли. Мне, как и вам, приятно видеть себя силою добра. Отрадно думать, будто мы – хорошие люди с совестью, и есть такая черта подлости, которую мы никогда не переступим. Так вот, я помогу вашей совести победить во внутреннем споре: Кукловод не имеет шансов. Даже если вы предадите герцога, Шейланд все равно проиграет.

Минерва провожала взглядом лодочку с парой влюбленных.

– Говорите, месяц?

– Или около того.

– А что потом? Не посоветуете ли?

– Посоветую, – Ворон подмигнул ей. – Станьте моею по-

мощницей.

– О чем вы говорите?..

– Бросьте все эти утомительные глупости – финансы, войны, заседания Палаты. Займитесь любимым делом: решайте загадки, раскрывайте преступления. Будете жить во дворце, получать прекрасное жалование и никогда не знать скуки. Клянусь: я стану поручать вам только самые сложные дела. А что до власти... поверьте слову начальника тайной стражи: вас будут бояться намного больше, чем теперь.

Мира не без горечи усмехнулась:

– Знаете, это ведь отличное предложение – для леди Стагфорт. Год назад я не мечтала бы о большем.

– В таком случае, вспомните мои слова, когда снова станете леди Стагфорт.

Ворон поклонился ей и отсалютовал гвардейцам, и развернулся, чтобы уйти. Тогда Мира выронила сквозь зубы – пожалуй, напрасно:

– Не стану.

– Простите, миледи?..

– Не миледи, сударь. Ваше величество.

Ворон очень долго смотрел ей в лицо. Отчего-то морозец прошел по затылку.

– Виноват, ваше величество. Я слишком поспешно окончил беседу, и совсем забыл показать вам кое-что.

– Показать мне?.. Сударь, сейчас ночь!

– Ночь, – согласился Ворон. – Будь вы леди Стагфорт, я

не настаивал бы. Но императрица должна узнать.

Она согласилась не из любопытства, и не от настойчивости Марка. Минерву убедил страх: если бы она отказала, то – из-за испуга. Потому отказать она не могла.

Ворон ехал первым в черной карете протекции. За ним мчала в своем экипаже владычица, окруженная дюжиной эскорта. Ночные улицы были пусты и светлы, кавалькада неслась во весь опор. За четверть часа они были на месте: район Эмилии – тесный, опрятный, серокаменный, двухэтажный. Мира не бывала здесь, но знала, что обитает здесь мелкое чиновное дворянство. Кареты встали перед уютным домишкой, окруженным цветущим палисадником. На тесном крыльце дремал кот, за одним из окон мерцала лампадка. Это не походило на тайную квартиру протекции или логово злодеев. Обычный дом, в котором спят простые добрые люди... Как же их перепугает явление императрицы с эскортом!

– Пойдите, Марк, вернемся завтра...

Но Ворон уже стучал в дверь молотком. Он издал четыре стука – два по два – и женский голос ответил:

– Минуточку, сударь. Потерпите немножко...

Спустя несколько минут дверь открылась, и Мира увидела пожилую пару. Мужчина и женщина были одеты аккуратно, от пуговицы до заколки, – видимо, на то и ушли минуты ожидания.

Заметив Минерву, хозяева дома ожидаемо смутились –

согнулись в поклонах, принялись лепетать. Ворон заставил их подняться:

– Дорогие мои, не волнуйтесь и ни о чем не беспокойтесь. Ее величество просто пришла повидать вашего сына, которому обязана столь многим.

– Ох... Простите, ваше величество, он спит, но мы сию минуту...

– Нет-нет-нет, – отрезал Марк, – будить ни в коем случае не нужно. Ее величество этого не желает. Она просто поглядит на него, убедится, что за ним устроен должный уход, и оставит записку.

– Конечно, ваше величество! Сию минуточку, проходите же! Вот сюда... Должный уход? Конечно, как же иначе, это ведь наш сын! Знаете, у нас большая радость: сегодня он сам смог поесть! Я сварила манную кашу на молоке, такую жиденькую, и он поел, я почти не помогала.

Мира ничего не могла понять. Каша... поел... уход... О ком речь-то? Я обязана их сыну – что за сын? Они даже имен своих не назвали!

А хозяйева вели ее по коридору, и домишко стал мучительно тесным от плечистых лазурных фигур, и женщина продолжала лепетать:

– Вот тут он – лучшая комната, южная сторона. От солнышка ему становится легче... Правда, вечером снова лихорадило, он кричал. Мы позвали лекаря, чтобы сделать припарки. Ваше величество, сударь Марк так заботится о нас!

Его стараниями нам хватает денег на любых врачей!

– Меньшее, что могу, – сказал Ворон очень тихо.

– Вот дверца-то. Ваше величество точно не желает, чтобы мы разбудили?..

– Не желает, – отрезал Марк. – Будьте так добры, подождите в гостиной. Здесь очень тесно... Мы сами посмотрим, а потом вернемся к вам.

– Конечно, конечно!

– Только фонарь оставьте...

Марк распахнул дверь. Вошел командир эскорта, за ним Минерва, следом – Марк. Несмотря на открытое окно, в комнате было душно. Сквозь плотный аромат лавандовой воды пробивались запахи мочи и липкого болезненного пота. Комната представляла в дрожащем свете фонаря. Она была мала и опрятна – резные стулья, столик под скатеркой, кружевные занавеси, цветок на окне. Мире сделалось жутко.захотелось развернуться и уйти прямо сейчас, не досмотрев, не увидев.

На кровати лежал человек, укрытый простыней до самых глаз. Очертания фигуры были странны, как и звук дыхания – прерывистый влажный свист.

– К-кто это?..

Ворон отдернул простыню.

Мира зажала рот, попятилась. В глазах потемнело, комната пошла ходуном.

То же самое Мира ощущала в подвале Уэймара, когда сня-

ла крышку с бочки с трупом. Правда, имелась разница: в отличие от Линдси, Итан был жив.

– Ш... ш... ш... – не сразу слова выбрались из горла: – Что с ним?

– Ваше величество видит. Вряд ли нужны пояснения.

– Кто... – глоток, глубокий вдох, чтоб одолеть тошноту, – кто это сделал?

– В составе агатовских войск есть подразделение – Лидские Волки. Кроме боевых качеств, они славятся умением выбивать информацию.

– 3-3-зачем?

– Итан скрыл от Волков тот факт, что труп владыки не являлся трупом владыки. Вернее, попытался скрыть.

– Тьма...

Мира бросилась к открытому окну, высунулась,хватила воздуха полной грудью.

– Вы нарочно показали... чтобы меня испугать?

– И вы испугались, поскольку это действительно страшно.

Но цель моя – в ином.

Марк подошел и медленно, тихо произнес:

– Итан пострадал потому, что владыка Адриан решил скрыться, а не сдаться. Обычный рыцарь может позволить себе роскошь: не сдаваться никогда, биться до последнего. Но у правителя нет такого права: его гордость оплатят своей болью и кровью простые люди – солдаты, крестьяне, агенты. Адриан бросил меня на погибель, но я отрекся от него

по иной причине: ему не хватило мужества признать поражение.

Ворон взял Миру под руку и повел из комнаты прочь.

– В гостиной, ваше величество, возьмите перо и оставьте Итану записку. Скажите о главном – например, о том, как важно, чтобы Династия Янмэй сохранила престол.

Звезда – 1

28–29 мая 1775 г. от Сошествия

Арден; Ханай

Склады примыкали к рельсовой дороге. Две дюжины одинаковых длинных сараев, тянувшихся вдоль пути. Из каждого склада – два выхода: на улицу города и на грузовой перрон. Палец следил за одним, Вагон – за другим. Они сидели в темноте на перевернутых ящиках и смотрели на силуэты ворот, очерченные щелями. Щели были темны, но все же светлее складского мрака: на улице светила луна. И Палец, и Вагон молчали.

Аланис умела чувствовать время. Прошло уже больше часа, а эти двое не проронили ни слова. Темень и тишина начинали давить на нее.

– Долго нам здесь сидеть? – спросила Аланис требовательно, хотя сама представляла ответ. От склада до Прощания – час пешком. Полчаса внутри, час на обратную дорогу, так что – еще часа полтора.

– Не болтай, – отрезал Палец.

– Я говорю, когда хочу.

– Нет.

Она помолчала, ища применения своему гневу.

– Вот пытаюсь понять: вы солдаты или бандиты?

– Не болтай, – бросил Палец.

– Я не с тобой говорю, а с твоим товарищем. Напомни, как тебя зовут?

– Вагон, – ответил Вагон.

– Об этом и речь. Дисциплина у вас солдатская, а клички – будто шваль из трущоб.

– Какие дали, – буркнул Вагон. – Пауль выбрал.

– Заткнитесь оба, – рыкнул Палец.

– А ты что, офицер?

– Ударю.

– Меня?..

– Тебя.

Аланис рассмеялась. Палец поднялся с ящика, подошел к ней и дал оплеуху. Несмотря на кромешную темень, попал точно по щеке. Аланис шлепнулась на пол, зашипела от ярости:

– Тебя за это уничтожат! В порошок сотрут!

Он схватил ее за шиворот и поднял одной рукой. Сказал:

– Ударю большее.

Аланис решила не испытывать судьбу и умолкла. Для места придет более удачное время.

Отпустив ее, Палец вернулся на свой ящик. Снова повисла долгая, унылая тишина. Было слышно, как вдалеке цокают копыта, а совсем рядом, в углу, копошится мышь. Мышиный звук особенно раздражал: каким-то он был бесконечным. Шур-шур, чок-чок, шур-шур, чок-чок. Минута за ми-

нутой. То замрет, то снова – шур-шур, чок-чок. Так тихо и вкрадчиво, будто не в углу скребет, а прямо в затылке. Подумалось: попади я в темницу с мышами, свихнулась бы за день!

– Ладно, мне нельзя, но вы-то почему молчите? Поболтайте хоть между собой.

– Запрещено, – бросил Палец. – Ударю.

Она стиснула зубы. Поднялась и стала ходить по складу. В темени это было глупое занятие: еще споткнешься о ящик и упадешь. Но сидеть часами в тишине – совсем не вмоготу.

– Сядь, – рыкнул Палец.

– Я только...

– Ударю.

Ты сильно пожалеешь, тварь, – мысленно ответила Аланис и села. Ее шаги больше не заглушали мышинный поскреб. Шур-шур, чок-чок. По улице прошли люди. Без остановки проехал поезд. И стук колес, и шарканье подошв скоро затихли вдали, осталась только мышь. Шур-шур. Я бы точно сошла с ума в подземелье. Ничего нет хуже бездействия и тихих звуков!

Минуты тянулись мучительно долго, однако умом Аланис понимала: прошло лишь полтора часа. Потому она сильно удивилась, услышав снаружи стройный топот сапог. Вернулись? Так быстро?..

– Вагон, – раздался голос с улицы.

– Мы здесь.

– Отпирай.

Ворота распахнулись, и в помещение склада хлынули люди. Вбегали парами и тут же рассредоточивались, давая дорогу следующим. За полминуты все оказались внутри, и Палец закрыл за ними ворота. Они ворвались так быстро, что Аланис не успела сосчитать, но поняла одно: их стало меньше.

– Меняем план, – произнес Пауль. До сих пор Аланис слышала только пару слов из уст командира бригады, но прекрасно запомнила голос.

– Вагон будет через десять минут, – сказал Вагон.

– Вагоном не поедem. На рельсах нас ждут.

Пауль зажег огонь и подошел к Аланис. Огонь не был факелом или лампой – лунное свечение лилось из Перста на руке командира. В этом мертвенном свете Аланис смогла разглядеть: гвардейский мундир Пауля густо забрызган кровью. Лицо – непроницаемо, без единой тени чувства.

– Что скажешь? – спросил Пауль.

– Надоело сидеть в темноте, – сказала она.

– Шутишь, – заметил Пауль и медленно раскрыл рот в улыбке: сначала показались резцы, потом клыки, потом и боковые зубы. Поймал ладонь Аланис, сделал короткое движение. Она услышала хруст и в первую секунду не поняла – что?.. Потом боль разодрала руку. Мизинец торчал в сторону под прямым углом.

Аланис сумела подавить крик. Уставилась в глаза Паулю,

скрипя зубами от боли, гнева – и недоумения. Почему?! За что?!

Он повторил вопрос:

– Что скажешь?

– Сдохни, скотина!

Пауль сломал ей безымянный палец. Зажав рот рукой, она смогла вытерпеть и эту боль, только стон прорвался сквозь зубы. Отдышалась, трясая головой. Ужасней всего было непонимание: за что? Аланис помогла Кукловоду. Теперь тот должен помочь ей. Либо предать и убить – нельзя исключать этого. Но она не представляла ни одной причины для пыток!

Аланис вонзила взгляд в каменную маску командира бригады.

– Ты жестоко поплатишься. Даже не представляешь, что я сделаю с тобой.

– Что. Скажешь? – отдельно произнес Пауль.

Она плюнула ему в лицо.

Он поднял ее ладонь так, чтобы Аланис хорошо видела растопыренные пальцы. Взялся за сломанный уже мизинец – боль полыхнула от одного прикосновения. Огладил его, нащупал точку. Хруст.

Слезы брызнули из глаз, все тело забилося в судороге. Аланис рванулась с нечеловеческой силой, но Пауль удержал ее ладонь, сменил хватку. Хруст.

Боль смяла ее, раздавила, разорвала на части. Рука превратилась в сгусток огня. Мизинец, сломанный в каждом су-

ставе, сложился гармошкой.

– Твой любовник устроил засаду, – произнес Пауль. – В усыпальнице нас ждали. Что скажешь об этом?

Она отдышалась и сплюнула сквозь зубы:

– Тварь.

– Командир, позвольте сказать.

Возле Пауля возник высокий воин с полумаской на лице – такую носила Аланис в дни бегства из Альмеры.

– Говори.

– Она ничего не знает. Засада устроена наспех: закачали горючий газ, а вывести людей не успели. Не оставили сверху отряда, чтоб запереть нас внизу. Если б она участвовала в этом, мелкий имел бы время на подготовку.

Не ответив воину, Пауль повернулся к Аланис:

– Когда я приказываю, ты говоришь.

Взялся за сломанный безымянный и крутанул, выворачивая из сустава. К несчастью, Аланис не лишилась чувств и ощутила все до последней капли.

Когда снова смогла дышать и видеть, над нею стоял Палец:

– Выдвигаемся. Вставай.

Она плохо понимала, что происходит. На улице кто-то был, что-то сказал. Его закололи, тело зашвырнули в темень склада... Построившись по два, отряд двинулся бегом. Аланис не могла бежать, она и шла-то с большим трудом. Так что Палец закинул ее на плечо, будто мешок... Она болталась

головой вниз, правой рукой держа левую, чтобы та не удари-
лась о спину Пальца. Иногда поднимала голову, пытаясь рас-
смотреть... Слишком плохо она знала Арден, чтобы понять,
где находится. Было темно, на улицах – ни души... Ритмич-
ный топот сапог: гуп-гуп-гуп. В ногу, по-солдатски... Вдру-
звон подков врубился в этот ритм. Свистнули мечи, влажно
чавкнула плоть, принимая в себя железо. Чье-то тело шлеп-
нулось оземь, кто-то выкрикнул приказ. Аланис попыталась
выглянуть из-за спины Пальца, увидеть сражение. Уперлась
правой рукой ему в бок – и левая упала, лягнулась о хребет
солдата. Вспышка идовой боли погасила сознание. Послед-
ним, что услышала Аланис, был чей-то предсмертный крик.

Она очнулась в порту. Под охраной того же Пальца валя-
лась на скамье, а солдаты бригады рыскали по набережной.
Ей было слишком худо, чтобы наблюдать за ними. Пальцы
раздулись, будто две булки, пришитые к ладони. Аланис как
могла баюкала руку, но боль все равно терзала ее. Казалось,
обломки костей трутся друг о друга...

Потом ее подняли и занесли на палубу корабля. Звучали
какие-то голоса, весла мерно плескали о воду. Арден остал-
ся позади, влажная свежесть наполнила воздух, забрезжил
рассвет. Стало как будто полегче, Аланис подняла голову и
попыталась разобраться в обстановке.

Корабль не дорос ни до шхуны, ни до брига. Это было
речное одномачтовое суденышко, снабженное веслами, что-
бы ходить против течения. На Ханае полчища таких лоха-

нок, снуют вверх-вниз, как жуки-водомерки. Команды – святая дюжина: шестнадцать матросов да капитан, он же хозяин. Штурманом и старшим офицером тут даже не пахнет, как и любимыми офицерами. Матросы, судя по их виду, недалеко ушли от бурлаков.

– Ааать! – покрикивал передний правый, налегая на свое весло. Прочие подстраивались в ритм. – Ааать!.. Ааать!..

Разрезая волну, лодка заходила за длинный остров на середине реки.

Капитан – широкий костью мужик с окладистой бородой – восседал на кресле по центру палубы. Аланис лежала недалеко от него, потому слышала, как Пауль сказал капитану:

– Когда город скроется из виду, спусти шлюпку.

– Какую шлюпку, генерал?

Пауль окинул взглядом палубу. Не было никаких шлюпок, само это судно – большая лодка.

– Тогда правь вон туда, к рыбаку.

Капитан отдал приказ, и судно двинулось к лодчонке, стоявшей возле острова. Пауль подозвал воина в полумаске.

– Отправишься к нашему. Отвезешь добычу.

– Я отправлюсь?

Странно: командир спустил воину дерзость.

– Мелкий знает, где мы и куда едем. Он закроет прямые пути, отряд не пройдет. Один – проберешься.

– Это понятно, командир. Почему я? Я нужен в Фаунтерре для пляски.

– В Фаунтерре плясать будет не с кем. Мелкий уйдет в Уэймар.

Воин помедлил, обдумывая слова командира. Сказал другим тоном – не то жадным, не то хищным:

– Прикажете сплясать в Уэймаре?

– Пора.

– Так точно, пора! Давно пора, командир!

Без слов они проделали некий ритуал: воин подал Паулю блестящее украшение, а тот закатал рукав. Вдоль предплечья Пауля тянулась серебристая полоска – будто лента металла на коже. Он потерял об нее украшение, и оно на миг озарилось светом. Капля Солнца, – успела заметить Аланис. Матросы не разглядели Предмета, поскольку воин в полумаске сразу спрятал его в нагрудный карман. Затем спросил Пауля:

– Куда пойдете вы?

– Инк Найтрок – Эвергард – Флисс.

– Мак?

– Подкова.

Воин присвистнул:

– Командир, я же спляшу! Зачем подкова?

Пауль поднял сжатый кулак перед лицом воина. Разогнул один палец, затем два, а затем – три. Воин усмехнулся:

– Как прикажете, командир. Выйду на связь после пляски.

Аланис мало поняла из этой странной беседы, но вопрос о том, кто куда пойдет, волновал ее. Она подала голос:

– Кто из вас доставит меня к Кукловоду?

– Я, – сказал Пауль.

– Где он находится? В Эвергарде?

– Это тебя не касается.

– Я помогла ему! Кукловод обещал мне кое-что, и я требую...

Аланис умолкла, когда Пауль тронул ее распухшие пальцы носком сапога. Касание было слабым, но очень выразительным.

Тем временем судно подошло к рыбацкой лодке. Рыбаку бросили веревку и велели причалить к борту корабля. Он выглядел удивленным и испуганным.

– Мне нужен раб на весла, – сказал Паулю воин в полумаске.

– Есть он, – Пауль указал на рыбака.

– Кончится быстро.

Пауль выбрал солдата:

– Бобер, ты идешь со Льдом.

– Есть.

Солдат по кличке Бобер схватил свой вещмешок и прыгнул в рыбацкую лодку.

– Постой, куда?... – проблеял рыбак.

– Именем Короны! – рявкнул Бобер.

А воин в полумаске подошел к Аланис. Присел рядом, поглядел внимательно, с тенью усмешки. Серые стальные глаза были ей до странности знакомы.

– Будь осторожна, внучка Агаты. Исполнивай приказы, ходи

на цыпочках, не дерзи. Если выживешь – поцелую.

Он подмигнул ей и прыгнул в лодку следом за Бобром. Спустя минуту лодка отчалила и пошла вверх по реке.

А Пауль приказал капитану развернуть судно.

– Как бишь – развернуть? Генерал, вы ж говорили – в Фаунтерру. Она – вверх по реке.

– Идем вниз, – бросил Пауль.

– Нам же легче, – пожал плечами капитан. – По течению – не против. Разворачивай, парни! Ставим парус!

Пауль подозвал одного из солдат:

– Швея, осмотри птичку. Пальцы могут мешать.

Тот, кого назвали Швеей, присел возле Аланис, осветил на руку.

– Будут мешать, командир.

– Починить можешь?

– Смогу, если ввести ей.

– Вводить не будем.

– Без этого не почию.

– Тогда отрежь.

Швея вынул из мешка медицинскую сумку. В сумке, связанные кожаной лентой, блестели несколько скальпелей.

– Вы что... отнимете мне пальцы?! – Она задохнулась от ярости. – Это же вы их сломали!.. Лечите, тьма вас сожри! Или поплатитесь жизнью!

Пауль наклонился к ней. У него были до странности блеклые, почти бесцветные глаза – будто пятна тумана.

– Объясню один раз. Ты – никто. Исполняешь приказы и молчишь. Иначе сдохнешь. Швеея, приступай.

Хирург взял ее за плечи.

– Стойте! – крикнула Аланис.

Швеея подтащил ее к борту, усадил, приложив руку к поручню. Аланис рванулась:

– Прекратите!

Швеея щелкнул ее по изломанному пальцу. Пока она корчилась от боли, он привязал руку к поручню ремнем. Плеснул на пальцы спиртом, протянул флягу Аланис:

– Выпей.

– Будьте вы прокляты!

Швеея вынул из сумки скальпель, отер спиртом лезвие.

– Вы все оплатите за это!..

И вдруг Аланис поняла: что ни сделай, что ни скажи – это произойдет все равно. Нет смысла унижать себя мольбами и угрозами. Ничего не изменить.

Она сказала так спокойно, как только смогла:

– Командир, позвольте высказать просьбу.

Пауль приподнял бровь:

– Говори.

– Прошу разрешения воспользоваться пудрой. Хочу выглядеть достойно.

Пауль помолчал, будто пытаясь понять. Швеея замер со скальпелем в руке.

– Позволяю.

Она сняла с пояса макияжную сумочку. С трудом открыла ее одной рукой, вынула парфюм, брызнула на шею. Смочив розовой водой платочек, отерла лицо. Провела помадой по губам. Затем щелкнула затвором пудреницы. Открылась крышечка с зеркалом на внутренней стороне. Обычно Аланис держала зеркальце одной рукой, а другой – запудривала шрам. Теперь рука осталась одна.

– Командир, прошу вас о помощи.

Она протянула пудреницу Паулю. Он выдержал паузу, не в силах понять ее действий. Кивнул Швее:

– Помоги.

Хирург взял пудреницу. Глядя в зеркало, Аланис покрыла шрам слоем белой пыли, и тот стал почти незаметен. Подправила румяна на щеках, убрала тени под глазами. Кивнула своему отражению, щелкнула крышечкой. С нарочитой аккуратностью сложила все предметы в сумочку и прицепила ее на пояс.

– Я готова.

Швея отнял один ее палец, затем другой.

* * *

День она валялась в полусне, наблюдая события сквозь пелену болезненной мути. Оказалось, она – не один пострадавший на борту. Шесть или семь солдат отряда имели ранения разной степени тяжести. Швея поочередно занялся каждым,

и даже сквозь полудрему Аланис понимала, как странно это происходит. В дни осады дворца она усвоила: медицинская помощь делится на первую и регулярную. Когда речь идет о боевых травмах, нанесенных мечом или топором, именно первая помощь определяет, жить солдату или умереть. Остановить кровь, наложить жгут, промыть рану вином или ордежем, убрать инородные частицы, заштопать... Скорость и точность действий в первые минуты дают шанс на выживание. А уж регулярная помощь – рутина и скука, направленная лишь на то, чтобы не допустить гниения. Дважды в день менять повязки, промывать, мазать снадобьем... Так вот, Швея оказывал бойцам бригады именно регулярную помощь. Кто и когда оказал первую – Аланис не могла понять. На бегу из усыпальницы к складу? От склада в порт?.. Была и другая странность: Швея не накладывал швов. Промыв рану, просто зажимал ее парой металлических прищепок и говорил больному: «Посиди». Аланис сочла бы здешнего хирурга полным дилетантом, вот только ей-то он шов наложил, и довольно умело. На месте двух пальцев шла аккуратная стежка...

Пауль не проявлял интереса к здоровью солдат. На юте суденышка имелись только две каюты: одна принадлежала капитану, вторую занял Пауль и надолго заперся там. Аланис также перенесли на ют, чтоб не мешала под ногами, и сквозь дверь каюты она дважды слышала голос командира. Слов разобрать не могла, уловила лишь сам факт: Пауль го-

ворит с кем-то, будучи в каюте один.

Отсутствие командира никак не повлияло на дисциплину. Солдаты бригады не шутили и не болтали, без нужды не вставали с мест, редкие скудные разговоры вели вполголоса. Их мрачность быстро передалась матросам. Если поутру моряки перешучивались, то и дело запевали песни, то к полудню все стихло. Люди молча делали свою работу, а кто был не занят – молча садился и глядел на воду.

Зато солнце светило ярко, и попутный ветер наполнял парус. Ветер и течение разогнали лодку до удивительной скорости. Берег так и летел мимо, волны весело плескали о борта. Судно вошло в дельту реки. Ханай распался на целую сеть рукавов, заводей, больших и малых русел. Капитан сам встал за штурвал и повел судно по рукаву, ведущему к Бэйвинду – последнему городку перед впадением в море.

– Часа через три будем на месте! – Объявил он громко, чтобы поддержать команду.

Моряки заулыбались: всего три часа – и хмурая солдатня сойдет на берег, а мы возьмем денежки и двинем назад, в Арден.

Пауль вышел на палубу, оглядел местность, кивнул каким-то своим мыслям. Аланис рискнула обратиться к нему: – Командир, позвольте вопрос.

Он поглядел на нее так, будто не мог и вообразить себя отвечающим на вопросы. Она спросила:

– Что произошло в усыпальнице?

Пауль открыл дверь каюты и кивнул: иди туда.

Аланис поднялась, упала от сильного головокружения.

Вновь поднялась, нетвердой походкой прошаркала в каюту, потянулась к стулу.

– Нет. Стой.

Пауль вошел и закрыл дверь.

– Говори стоя. Зачем тебе знать?

Перед глазами завертелось, тошнота подкатила к горлу.

Однако она вложила в голос всю твердость:

– Я лучше вас понимаю политику и стратегию Ориджинов. Вы изменили план, не советуясь со мной. Это было глупо.

– Глупо? – Уточнил Пауль.

– Так же глупо, как пытаться напугать меня. Вы заметили: я не из пугливых. Хотите моей помощи – слушайте. Нет – так...

Она скомкала конец фразы из-за приступа тошноты. Пауль выдержал паузу.

– Ну, посоветуй.

– Что случилось в усыпальнице?

– Засада. Половина роты кайров и горючий газ. Кайры уничтожены, газ был подорван с опозданием и не причинил вреда.

Она сглотнула, борясь с головокружением.

– Эрвин откуда-то узнал...

– Что он сделает? – потребовал Пауль.

– Я думаю...

– Думай быстро.

– Он... остановит поезда... перекроет пути.

– Какие именно? По его мнению, куда мы пойдём?

– В Альмеру, конечно.

– Какой дорогой?

Аланис зажмурилась, пытаясь представить карту.

– Напрямик – на запад, через Бэк... Или через Найтрок на юго-западе. Или на север до Лейксити, а потом – кораблем по озеру.

– Мы плывём на юг. Ты свободна.

Она вышла и повалилась на палубу. Рука пульсировала тупой тягучей болью, в голове звенело. Теперь Аланис не понимала, чего хотела добиться. Вызвать доверие у Пауля? За чем?..

Он также вышел из каюты и позвал капитана. Тот подошёл, оставив у штурвала рулевого.

– Где мы?

– Через два часа придем в Бэйвинд, господин генерал.

– Не придем. Милей ниже на западе будет вход в боковое русло. Сворачивай туда.

Капитан нахмурился:

– Милей ниже... там еще водяная мельница, да?

Пауль не дал ответа.

– Генерал, в то русло нам нельзя. Это же быстрый рукав! Он идет мимо Бэйвинда напрямиком в море!

– Да, – сказал Пауль. – Ты прав.

– Но сир генерал, это же не морское судно! У нас низкие борта, малая осадка, нам нельзя!..

– Выйдя в море, свернешь на юго-запад. Пойдем в Надежду.

Капитан аж попятился:

– Как – в Надежду? Нельзя, мы не сможем, потонем! Вам нужно сойти в Бэйвинде и сменить судно!

Пауль посмотрел на Аланис:

– Твой анализ плох. В Бэйвинде нас тоже будут ждать. Этого ты не сказала.

Капитан крутанул головой так, что затряслась борода:

– Нельзя в море! Погибнем! Судно не выдержит!

И матросы, и солдаты бригады обернулись на звуки голосов. Потому все видели, как Пауль выхватил кинжал и вонзил в глаз капитану. Тело забилося в агонии, будто плясало безумный танец. Ноги топтались по палубе, руки дергались, сжимаясь в кулаки, рот по-рыбьи раскрывался и хлопал. Пауль досмотрел эту пляску до конца, а затем швырнул тело за борт.

Все матросы схватились со своих мест – и замерли. Зрелище шокировало и парализовало их. А вот солдаты бригады за миг обнажили клинки и рассыпались так, чтобы каждый матрос оказался под ударом.

– Кто старший? – произнес Пауль.

– Какого черта вы творите?! – крикнул один матрос, са-

мый рослый в команде.

– Нет, не ты, – сказал Пауль и подал знак.

Ближайший к матросу солдат бригады сделал выпад. Клинок вошел в грудь, матрос замер с широко раскрытым ртом. Солдат подождал несколько вдохов, затем выдернул клинок. Сердце уже не билось, потому крови почти не было, лишь расплылось небольшое пятно. Солдат пнул труп ногой, и тот полетел в реку.

– Старший – он, – Пауль указал ножом на своего человека. – Его зовут Бурый. Через милю сворачиваем в западный рукав.

– Есть, командир! – Ответил Бурый и крикнул матросам: – Все по местам!

Команда замерла, как галерея статуй. Рулевой застыл с разинутым ртом, штурвал крутился сам собою, судно разворачивалось поперек реки.

Бурый подошел к рулевому и шлепнул по лицу:

– Ты понял, куда править?

– Д... д.... да.

– Так правь.

Рулевой схватился за штурвал так быстро, словно от этого зависела его жизнь. Впрочем, откуда «словно»? Следуя примеру рулевого, остальная команда разошлась по местам.

Аланис поймала на себе взгляд Пауля.

– Чего желаете, милорд?

Она знала, чего он желает: проверить, испугалась ли она.

– Не милорд, а командир, – сказал он и скрылся в каюте.

* * *

Видимо, первый прием пищи она проспала. Второй состоялся ближе к вечеру. Солдаты бригады развязали вещмешки, достали каждый свою снедь и принялись жевать. Кок, с позволения Бурого, раздал харчи матросам.

Аланис не чувствовала голода, но знала, что поесть стоит: нужно восполнить силы, утраченные с потерей крови. Обратилась к Бурому, тот отказал: не было приказа кормить ее.

– Так зайдите к Паулю и получите приказ!

Бурый уставился на нее, как баран на новые ворота. И отошел, ничего не сказав.

Она сама постучала в каюту.

– Войди.

Вошла. Пауль изучал карту, раздетый до пояса. Его кожу покрывали самые странные шрамы, какие видела Аланис: тонкие белесые линии образовывали сеть шестиугольных клеток по всей его спине и груди. На коже Пауля, если содрать ее с тела, можно сыграть в стратемы.

– Что?

– Хочу есть. Извольте накормить меня.

– Раздевайся.

Она молча воззрилась на Пауля. Вероятно, она ослышалась.

Пауль поднял глаза от карты и сказал:

– Разденься догола.

Аланис ощутила не страх, а брезгливость и сильнейшее удивление. Этот человек настолько глуп? Как же он командует отрядом?!

– Сударь, я сделаю вид, что не слышала этого. Дайте мне поесть.

Пауль поднял левую руку и согнул два пальца. Намек был мрачен и очевиден.

– Мои приказы должны выполняться.

Она издала смешок, полный презрения и яда.

– Меня зовут Аланис Аделия Абигайль рода Светлой Агаты. Вы не получите меня, даже если сломаете все кости в моем теле.

– Палец, ко мне! – крикнул Пауль.

Когда солдат вошел в каюту, командир приказал ему:

– Запри дверь.

Палец повиновался.

– Раздень бабу.

Аланис вперила в солдата уничтожающий взгляд. Палец должен был смешаться, покраснеть, начать мямлить извинения. Это происходило со всеми, на кого она так смотрела.

Палец подошел и в три рывка содрал с нее платье.

Аланис опустила взгляд, увидела собственную белую грудь, и даже тогда не до конца поверила...

– Изнасилуй ее.

Палец расстегнул ремень и скинул штаны. Аланис не пыталась сопротивляться, даже не шевелилась. Происходило нечто настолько запредельное, что органы чувств отказывались служить. Ее вытащили за край вселенской спирали, в мир Темного Идо. Она увидела бесформенный хаос, которому не было названия.

– В зад, – уточнил Пауль.

Палец развернул герцогиню и бросил животом на стол. Мозолистыми руками схватил за ягодицы, раздвинул, ощупал. Грубое движение отдалось болью – и снова пришло то жуткое понимание: ничего не изменить. Это случится, что ни сделай.

Нет же! Нет!

– Командир, позвольте сказать!

Пауль поднял руку. Палец так и замер, засунув ладонь между ног Аланис.

– Я виновата, что не выполнила приказ. Больше этого не повторится.

Пауль выдержал мучительную, пыточную паузу. Насладившись, обронил:

– Палец, ты свободен.

В тот же вдох, без тени колебания, солдат отступил, надел штаны и вышел.

Аланис сползла на пол ни жива, ни мертва. Даже не сознавая до конца, кто она, где находится. Пауль протянул ей миску:

– Ешь.

Есть... зачем? Как?.. От пищи нет толку. Нужно сделать что-то, чтобы восстановить, вернуть... Надеть платье... Прикрыть срамные места... Напасть... Сбежать...

Она приняла миску, положила в рот ложку пищи и механически начала жевать. Пауль отвернулся к карте. Что я наделала? – думала Аланис. Что же я натворила? Ради чего?.. Она ела. Это было простое, привычное действие. Съедобное вещество ложка за ложкой перемещалось внутрь желудка...

Вопрос Пауля застал ее врасплох:

– Что ты думаешь о Галларде Альмера?

Она не думала ни о Галларде, ни о себе, ни о чем.

– Простите?

– Твой дядя – Галлард Альмера. Что о нем думаешь?

Мой дядя. Человек, убивший отца и брата. Пославший за мною... этих. Вот теперь она подумала кое-что.

– Мерзавец. Гад.

– Что еще?

Вдруг она спохватилась: ведь Пауль служит Галларду! Затараторила с ужасом, какого не знала никогда прежде:

– Виновата, командир. Неверно подобрала слова. Галлард – твердый духом и благочестивый человек.

Пауль оскалил зубы:

– Еще какой. Думаешь: на чьей он стороне?

Удивление было столь сильно, что перекрыло страх. Дядя – третья сторона?! Бригада служит Кукловоду, и это – не

Галлард?!

В чем она всегда уступала Эрвину – в умении думать быстро. Он за секунду бы понял, как лучше ответить. Но ее мысли двигались слишком медленно. После пугающе долгой паузы она сказала:

– Не на вашей.

– Почему?

Потому, что... я хочу увидеть, как вы с ним убиваете друг друга!

– Эрвин знает, кто ограбил усыпальницу. Он раздует это в огромный скандал. Всех союзников Кукловода назовут еретиками и идовыми слугами. Галларду не нужно такое пятно.

– А как убедить его пойти за нас?

– Никак, – срезала Аланис. Слишком быстро.

Пауль облизал губы – мерзко, по-звериному.

– Ты еще можешь передумать.

Холодный пот прошел по спине. Тьма, как же глупо! Конечно, дядя прежде был в сговоре с Куловодом – они же вместе сжигали Эвергард! Если так, почему им не объединиться снова?..

– Ситуация сильно изменилась. Во времена Эвергарда, Адриан покрывал еретиков... то есть, ну... вашего лорда. А теперь и Корона, и Палата настроены против вас. Галларду нет смысла лезть под удар.

– Но его можно убедить. По глазам твоим вижу.

Неясно, что он увидел в глазах, кроме отчаяния и ужаса.

– Наверное, способ есть, но... я потеряла много крови, командир, я слаба и больна...

– И бесполезна. Не люблю бесполезных вещей. Если не годишься для бесед, найду другое применение.

Отдайте меня Галларду, – мелькнуло у Аланис. Отрежьте оставшиеся пальцы... и уши, и груди. Отдайте в таком виде, и дядя – ваш друг навеки.

– Да, я знаю способ! Сейчас скажу!

– И какой же?

Вот теперь она не уступила Эрвину в скорости мысли:

– Вы умеете управлять Предметами. Научите Галларда.

– Почему это должно помочь?

– Он грезит божественной мощью. Спит и видит себя дланью божьей. Мечтает стать новым Праотцом. Дайте ему власть над Перстами, а еще добавьте, что он – избранный. Скажите: только величайшие из великих, как вы и он, способны говорить с Предметами.

По лицу Пауля нельзя было понять, понравился ли совет, однако Аланис получила награду. Когда она доела, Пауль сказал:

– Ступай в каюту капитана, там и сиди. Возьми его одежду.

– Благодарю вас...

Аланис подобрала сумочку и платье. Одеться было невозможно: платье стало ворохом тряпья. Она прикрылась кое-как и перебежала в соседнюю каюту. Закрыла за собою

дверь, надела огромную рубаху капитана, упала на койку.

Что же я натворила?.. Зачем?..

Горло сдавило, она хотела разрыдаться, но не могла. Неоткуда взяться слезам: запас презрения к себе и так уже исчерпан. Она все еще чувствовала на себе мужскую руку. Палец не успел сделать худшего – это в равной степени и счастье, и кошмар. Если б он изнасиловал ее, Аланис перестала бы существовать. Ее бы попросту не было.

К счастью, самая страшная дверь осталась закрытой... Однако Пауль теперь знает эту дверь. Ей есть чего бояться, а ему – чем угрожать. Отныне Аланис сделает все, что бы он ни приказал.

Зачем же я пошла на это?..

Она накрылась подушкой, долго беззвучно выла, зажав себе рот. Потом встала и выглянула в окно, и открывшийся вид подарил ей долю покоя.

Быстрое течение Ханая выносило лодку в открытое море. Вода так и бурлила у многочисленных скал, раскиданных вдоль берега. Капитан сказал: мы утонем, не дойдя до Надежды. Если так случится, то она не достигнет своей цели... Зато утонет и Пауль, и Палец, и вся бригада. Этого хватит, чтобы умереть счастливой!

Похоже, мысли о морской пучине посетили не ее одну. С палубы донеслись голоса. Матросы пытались спорить – вернее, умолять Бурого развернуть корабль. Бурый что-то ска-

зал. Раздался крик боли, а когда он угас – все споры затихли. Но быстрые шаги протопали по юту, и что-то мелькнуло прямо перед окном, громко плюхнуло в воду. Матрос вынырнул и поплыл к берегу, отчаянно работая руками. Течение тем временем несло корабль в море.

Раздался приказ, кто-то взвел арбалет. Выстрелил – и промазал, болт взбил фонтан в фюте от матроса. А тот нырнул и пропал из виду.

Аланис услышала, как открылось соседнее окно. Пауль высунулся, держась за раму, повел рукой, поймал тень, едва заметную сквозь толщу воды. Резкий посвист рассек воздух, будто кто-то ударил кнутом. Вода над матросом забурлила, множество пузырьков выпрыгнули на поверхность. Пузырьки... воздух... похоже, выстрел разорвал ему легкие вместе с диафрагмой и грудиной.

Это была жуткая смерть, но в голове герцогини мелькнуло: что, если и мне?..

Но нет. Никакого смысла – погибать одной. А кроме того, ее ведь не отпустят даже мертвой. Прыгнут следом, вытащат на палубу... накажут.

Аланис открыла сумочку, вынула пудреницу, щелкнула крышкой. В зеркальце на внутренней стороне увидела свое отражение. Она сделала глубокий вдох и сказала себе:

– Нельзя ни свернуть, ни возвратиться. Я пройду этот путь до конца.

Стрела – 1

**1 июня 1775 г. от Сошествия
Фаунтерра, дворец Пера и Меча**

Святая архиматерь Эллина въехала в кабинет герцога на кресле-каталке. Возраст настолько иссушил тело первосвященницы, что оно полностью терялось среди складок парадной ризы. В кресле располагался ворох золоченой парчи – и крохотное морщинистое личико сверху. На губах цвела блаженная и пустая улыбка младенца. Кресло толкала монашка богатырского сложения, а рядом с нею шла худая женщина в черной мантии ульянинского ордена – мать Корделия.

Эрвин опустился на колено перед Эллиной:

– Здравия и долгих лет вашему святейшеству.

Традиция требовала поцеловать перстень архиматери. Не без труда Эрвин нащупал в складках парчи старушечью ручонку и коснулся перстня губами. Эллина вздрогнула:

– Ой, кто же?.. Мурчик, ты? Котичек!..

Она попыталась погладить Эрвина, он вовремя отстранился.

– Мать Корделия, желаю здравия. Рад видеть вас.

– Взаимно, милорд.

Ульянинка кивнула огромной монашке, и та без слов исчезла за дверь. Корделия заговорила:

– Милорд, весть о несчастье, постигшем вас, уже облетела столицу. Капитул святых матерей глубоко опечален. От имени всех нас ее святейшество Эллина желает выразить вам сочувствие.

Ее святейшество искала рукою исчезнувшего кота:

– Мурчик, где же ты?.. Молочка хочешь? Вкууусного, ням-ням-ням!

Она почмокала губами, отчего на них выступила капелька слюны. Корделия буквально из воздуха выхватила платок и утерла рот старухе. Один вдох – и платок исчез, Корделия продолжила, как ни в чем не бывало:

– Ее святейшество полна праведного гнева. Она проклинает еретиков и Кукловода, и призывает всех добрых людей Полариса помочь вам в борьбе с этими чудовищами. Соответствующий эдикт уже составлен и будет подписан ее святейшеством, как только...

– Ушел котик, – грустно выронила старушка Эллина и принялась тереть руку об руку. Глядя на свои ладони, объявила: – Дождь будет.

– Я благодарю ваше святейшество за участие, – сказал Эрвин.

– Уж я говорю: будет дождик! Плохо, когда свадьба... Все гости промокнут. Ну, ничего, вы молодые – потерпите.

В руке Корделии возник деревянный гребень. Сняв диадему с головы архиматери, она принялась чесать седые волосы.

– Ее святейшество поручила матерям капитула выяснить всю правду о Кукловоде и составить полный перечень его преступлений. Святым долгом Праматеринской Церкви является пресечь...

– А даже лучше, если дождик! Хорошо, когда на свадьбе что-нибудь этакое. Память-то останется!

Пальцы Корделии скользили в ее волосах. Длинные, опытные, очень чуткие пальцы. Старуха начала успокаиваться, голос притих, стал невнятным:

– Сыр-то когда подадут?.. Обещали мягкий сыр...

– Эти беспрецедентные злодеяния вынуждают нас к немедленным и твердым действиям. Ее святейшество ни за что не допустит...

– Софья, обними. Эмилия, пойми. Мириам... – пробормотала старушка и закрыла глаза.

Корделия почесала ее еще немного, затем убрала гребень.

– Простите, герцог. Ее святейшество очень устала.

Несмотря на всю свою печаль, Эрвин оценил ловкость Корделии. Архиматерь Эллина от имени Праматеринского капитула нанесла визит лорду-канцлеру – так войдет в историю это событие. Каждое слово, которое теперь скажет ульянинка Корделия, станет словом всей Праматеринской Церкви.

– Мать Корделия, я принимаю ваши соболезнования. Согласен с каждым словом о еретиках. Они – чудовища. Необходимо остановить их.

Она ответила не то кивком, не то поклоном. Подошла к удобному креслу для гостей:

– Вы позволите?

Монашкам запрещается сидеть в присутствии архиматери, пока та не разрешит. Столь явная дерзость – очевидный намек: с Эллиной можно не считаться.

Эрвин кивнул и предложил Корделии вина.

– Лучше воды, будьте добры.

Промочив горло, она попросила:

– Не сочтите за труд поделиться со мною тем, что вам известно о Кукловоде.

Очевидная и логичная просьба. Откуда ей знать, что каждое слово отзовется идовской болью в душе Эрвина. Ведь все, или почти все эти сведения оплачены жизнью сестры!

Он попытался избежать страданий – молча подал Корделии два письма. Одно – записанное кайром Ирвингом со слов Ионы. В нем Виттор Шейланд был назван Кукловодом. Второе – посланное единственным уцелевшим кайром из отряда Сеймура Стила. Оно кончалось ее самоубийством.

Прочтя оба листа, Корделия еще раз высказала сочувствие. Но не удовлетворилась полученными знаниями:

– Милорд, ваша леди-сестра ссылается на контексты, известные лишь вам двоим. Я многого не поняла. Будьте так добры, расскажите своими словами.

Он тяжело вздохнул.

– Что ж, если необходимо... Во времена Семнадцатого

Дара в Уэймаре появился человек, способный говорить с Предметами. Мы не знаем, кто он и как получил свой талант. Вероятно, некий Предмет в Даре дал ему такую способность. Но можно утверждать следующее. Этот человек рассказал о своем умении графу Винсенту Шейланду и его детям. Граф Винсент потребовал, чтобы его научили говорить с Предметами. Человек отказал. Тогда граф бросил его в темницу и подверг пыткам. На удивление, человек оказался очень крепок. Никакие издевательства не заставили его выдать тайну. Граф отчаялся, бросил попытки и замуровал человека в подземной камере. С тех пор этот человек стал известен как узник Уэймара.

Мать Корделия кивнула, подтверждая: она тоже слышала про узника.

– Он томился под землей больше десяти лет, пока сын графа – Виттор – не попытался договориться с ним. Отец действовал пытками и угрозами, а сын предложил сделку: тайну в обмен на свободу. Узник потребовал больше: не только свободу, но и месть мучителю – старому графу. И Виттор принес отца в жертву. Он выпустил узника, спрятал в замке, а после позволил убить графа Винсента. Впрочем, бедный Винсент имел слабое сердце, а погода стояла жаркая, тяжелая для сердечных хворей. Узнику не пришлось наносить удар: само его появление напугало графа и толкнуло на Звезду. Так Виттор стал правителем земли Шейланд и завладел тайною Предметов. Бывший узник Уэймара сделался

его правой рукой. Узник мог сменить ряд имен, в данный момент он зовется Паулем. Это он организовал похищение Предметов Династии. Он же командовал атаками на Эвергард и гробницу в Прощании.

– Виттор Шейланд похитил Предметы, чтобы собрать из них некий Абсолют?

– Верно. Насколько я понимаю, Абсолют дает своему обладателю бессмертие. Но нельзя утверждать с полной точностью.

– Какими доказательствами вины графа Шейланда вы располагаете?

– Во-первых, странные обстоятельства бегства узника из подземелья объяснимы лишь одним способом: один из Шейландов приказал тюремщикам выпустить его. Узник тут же расправился с тюремщиками, однако Шейланда не тронул – из чего следует, что между ними имелась сделка. Согласно этой сделке, Шейланд укрывал узника в своих покоях в замке – именно так беглец сумел исчезнуть, а не с помощью Темного Идо. Во-вторых, отравление моего отца, выданное за каменную хворь, и попытка убить меня в Запределье со всею очевидностью несут выгоду лишь двум людям: моей сестре и ее мужу. Если бы я погиб, в их руках оказалась бы вся армия Ориджина.

– Весомо, милорд. Что еще?

– Мартин Шейланд в темницах Уэймара вел серию безбожных опытов, чтобы получить эликсир бессмертия. Оче-

видно, он вдохновлялся примером старшего брата, также ищущего рецепт вечной жизни.

– Наслышана об этом. Доказывает лишь безумие Мартина, но не вину Виттора.

– Верно. Это не все. В ходе опытов, Мартин производил... экстракты из телесных жидкостей разных людей и поил ими подопытных. Кроме того, он применял старые пыточные приспособления, давно находящиеся в темнице. Опыты Мартина возымели неожиданные последствия. Во-первых, мой лорд-отец испытал облегчение, выпив экстракта. Во-вторых, ее величество... то бишь, леди Минерва Стагфорт обрела способность не говорить с Предметами, но оживлять их.

Корделия нахмурилась:

– Вы поили отца мерзким зельем Мартина Шейланда?!

– Не я, святая мать. Это сделала Иона в порыве дочерней любви и не преследовала никакой иной цели, кроме спасения отца. Мне думается, что Мартин Шейланд сумел добыть для своих опытов кровь уэймарского узника. Либо эта кровь попросту оставалась на пыточных инструментах. Именно она повысила жизнестойкость моего отца, а также дала Минерве малую власть над Предметами. Это – особая кровь, ключ к Перстам Вильгельма. Такая же течет в жилах бойцов бригады.

– Откуда вы знаете, что источником первокрови был узник Уэймара?

– Доподлинно не могу этого знать. Но как еще объяснить его безумную ценность для графов Шейланд? И откуда еще бригада могла взять первокровь, как не от Пауля?

– Обоснованная догадка, милорд, но все же – догадка. Прошу более прямых доказательств.

– Перед применением Ульяниной Пыли на новом человеке Кукловод испытывал ее. Уже нельзя установить, кто и каким образом дал Пыль лорду Менсону во дворце прошлым летом, принудив его к мужеложеству. Но совсем недавно в замке Уэймар произошел похожий инцидент: леди Нексия вышла к завтраку обнаженной, в состоянии туманного рассудка. Когда Иона расспросила ее о причинах, леди Нексия смогла сказать лишь то, что прошлым вечером читала книгу. Вне сомнений, страницы этой книги были обработаны Пылью. В данный момент леди Нексия направляется в Фаунтерру. Агенты протекции установят за ней слежку, ваши люди могут составить им компанию, чтобы убедиться: леди Нексия предпримет попытку убить меня, поскольку именно такой приказ был отдан ей с помощью Пыли.

– Ульянина Пыль, примененная в Уэймаре, еще не доказывает личной вины графа Виттора.

Эрвин открыл ящик стола и подал Корделии листок с карандашным наброском.

– Лошадь?.. – удивилась святая мать.

– Очень красивая – редкой игреневого масти, таких почти не встретишь севернее Дымной Дали. Граф Виттор привез

ее откуда-то еще зимою, чем сильно взволновал Иону. Рисунок сделан в апреле рукой сестры: она пыталась понять, отчего лошадь не дает ей покоя. Затем последовали бурные события: мятеж Подснежников, суд над лордом Менсоном, – и лошадь вылетела из головы. Пока в предпоследнем письме сестра вновь не упомянула это животное: граф Виттор подарил лошадь леди Нексии. Когда Нексия прибудет в Фаунтерру, она охотно подтвердит мои слова и покажет вам игреневую красавицу.

– И что же, милорд?

– Ни Нексия, ни граф Виттор не знают прежнего имени этой кобылы. Как бы ни называла ее Нексия, лошадь точно отзовется на одно слово: Леоканта. Такое имя она получила от рождения.

– Откуда вы знаете?

– Леоканта – моя лошадь. Ее захватили люди Пауля в Запределье и отдали графу Шейланду: она не годилась для их отряда, поскольку слишком приметна. Граф же подарил ее Нексии, не зная, что лошадь – моя. Всем известно: я вернулся из эксплораты верхом на Дожде. Мало кто помнит, что была еще и заводная кобыла.

– Вы узнали лошадь... по портрету?

– Конечно, нет. Иона была не лучшим живописцем, а я – не такой уж знаток лошадей. Просто сопоставил факты и сделал вывод. Вы или ваши люди легко проверят его, едва Нексия приедет в столицу.

Святая мать выдержала паузу и кивнула, удовлетворившись доводами.

– А как вы оцениваете причастность к этим событиям приарха Галларда Альмера?

К этому вопросу Эрвин был более чем готов. Именно приарха он подозревал последний месяц и собрал все необходимые доказательства.

– Атака на Эвергард и убийство герцога Айдена принесла приарху слишком очевидную выгоду. Кукловод не сделал бы Галларду такой подарок, ничего не потребовав взамен. Мои люди и агенты протекции проследили путь Ульяниной Пыли: еще в семьдесят втором году она была взята из хранилища Вигельминского собора в Алеридане и перемещена во дворец приарха. Оттуда ее отправили под усиленным эскортом во Флисс и погрузили в корабль. Вы можете увидеть протоколы опросов свидетелей – прошу, святая мать. С тех пор Ульянина Пыль не возвращалась под своды Вильгельминского собора, и приарх не проявлял ни малейшего беспокойства в связи с исчезновением. Очевидно, он знал, кому и зачем передан Пыль – она послужила авансом Кукловоду за сожжение Эвергарда.

– И снова, милорд: доказательство весомо, но недостаточно.

– Святая мать, я только начал. Видите ли, бригада Пауля вооружена полусотней Перстов Вильгельма. Это очень много – больше, чем имел сам Вильгельм Великий. Конечно, Кук-

ловод получил в свои руки проклятый Восемнадцатый Дар, но даже тот вряд ли принес бы такое богатство. Что вызвало у меня вопрос: откуда взялось такое множество Перстов? Я изучил реестры Предметов – и, к своему удивлению, не обнаружил Перстов Вильгельма. Все реестры единодушно гласят: Персты были утоплены Праотцом и больше никогда не попадались на глаза.

– Верно. Так откуда же?..

– Тогда я задумался над тем, как выглядит Перст Вильгельма. До того, как стрелок наденет Перст на руку, Предмет имеет весьма неказистый вид: это просто округлый камень молочного цвета. Пока не увидишь его в действии, никак не поймешь, что это – грозное оружие. Он кажется просто куском божественного материала, каковые куски тут и там разбросаны в каждом ложе Дара.

– Малый Предмет!

– Правильно, святая мать. Большими Предметами нарекаются те, которые обладают хотя бы несколькими сверхъестественными свойствами. Но пока Перст молчит, заметно лишь одного его божественное свойство: особый материал. Люди, находившие Персты в ложе, по незнанию считали их малыми Предметами и не включали в основной реестр! Как сын лорда, могу заверить вас: великие лорды не в восторге от малых Предметов. Им подавай большие – в которых что-нибудь светится, крутится, летает, звучит. Обычным куском стекла – пускай и божественного – лордов не удивишь. По-

тому Персты чаще всего оказывались подарены мелким приходским церквям. Вот там они могли принести пользу: деревенский люд редко видит даже малые Предметы, потому радуется даже им. А мелкие сельские церкви обычно принадлежат...

– К Праотцовской ветви.

– Точно. С помощью протекции, а также нескольких лояльных ко мне священников я навел справки в церквях Альмеры и установил следующее. Действительно, в двух дюжинах храмов имелись малые Предметы, весьма напоминающие Персты. Как водится, их выносили на алтарь по праздникам. Но в последние два года ни один из Перстов не показывался на свет. Дьяконы нескольких церквей смогли даже вспомнить тот день, когда посыльные его преосвященства изъяли Предметы из храмов. Надо полагать, они давно уже отданы Галлардом в руки Кукловода.

Эрвин передал Корделии новый отчет.

– Чудовищная сделка, – сказала ульянинка с гневом, но без особого удивления. – Каково участие владыки Адриана?

– Как вы помните, святая мать, Адриан взял на себя сожжение Эвергарда. Тем самым он отвел подозрения от явного получателя выгоды – Галларда Альмера. Я был убежден, что Адриан и есть Кукловод, но теперь очевидно иное. Адриан лишь воспользовался зверством Кукловода: взял Эвергард на себя, тем самым запугал лордов и получил возможность распустить Палату. Но почему он не стал искать Кук-

ловода? Почему не допросил того же Галларда Альмера, чей мотив для убийства Айдена столь очевиден? Почему Адриан сражался со мной и Степным Огнем, но смотрел сквозь пальцы на главную угрозу – еретиков с Перстами?

– Думаете, милорд, Адриан был с ними в сговоре?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.